

Учредитель:
ЗАО «ЭЖМЕДИА»
Издатель: Акционерное
общество «Издательский дом
«Экономическая газета»

Выходит с апреля 1958 г.
(до марта 1992 г.
издавался под названием
«Экономические науки»)
Выпускается шесть раз в год

ИД «Экономическая газета»

ISSN 0130-9757

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

И. о. главного редактора

Якутин Ю.В., доктор экономических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Земляков Д.Н., доктор экономических наук, профессор

Редакционная коллегия

Глазьев С.Ю., академик РАН

Порфирьев Б.Н., академик РАН

Гринберг Р.С., член-корреспондент РАН

Дементьев В.Е., член-корреспондент РАН

Кузнецов А.В., член-корреспондент РАН

Винслав Ю.Б., доктор экономических наук, профессор

Лексин В.Н., доктор экономических наук, профессор

Ленчук Е.Б., доктор экономических наук

Любинин А.Б., доктор экономических наук, профессор

Пороховский А.А., доктор экономических наук, профессор

Сильвестров С.Н., доктор экономических наук, профессор

Теняков И.М., доктор экономических наук, доцент

Швецов А.Н., доктор экономических наук, профессор

Шулус А.А., доктор экономических наук, профессор

Батчиков С.А., кандидат экономических наук

Болдырев Ю.Ю., кандидат экономических наук

Гумеров Р.Р., кандидат экономических наук, доцент

Иванов В.Т., кандидат экономических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

Эволюция постсоветской экономической системы

Общий ход реформы

Лякин А.Н. Кризис 2022–...: потенциальные масштабы и ожидаемые следствия 4

Гумеров Р.Р. Фиаско Доктрины продовольственной безопасности 25

Финансовые и кредитные отношения

Романчук Е.С. Реформы в Международном банке реконструкции и развития: «подстройка» под изменившуюся экономическую реальность 45

Реформа и регион

Блануца В.И. Кластеризация регионов Сибири и Дальнего Востока по достижению национальных целей развития 63

Хозяйствование и технологический прогресс

Гудкова Т.В., Заздравных А.В., Логинова В.С. Цифровые технологии: актуальные проблемы внедрения и влияние на эффективность промышленного производства 84

Экономико-математические подходы

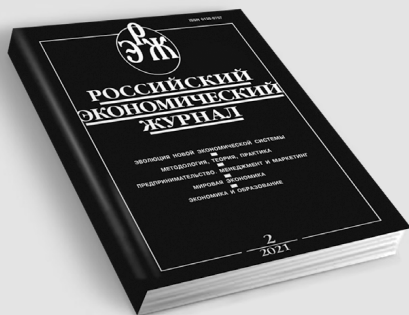
Миронова И.А., Тищенко Т.И., Фролова М.П. Проблемы оценки социально-экономической эффективности крупномасштабного инфраструктурного проекта на примере высокоскоростной магистрали 100

События

Итоги IV Московского академического экономического форума 120

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА»

РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

www.re-j.ru

Всестороннее освещение хода реформы в России, пропаганда современных экономических знаний, содействие подготовке экономистов нового поколения — теоретиков и практиков.

Журнал включен в перечень ВАК
и в базу данных Russian Science Citation Index (RSCI)
на платформе Web of Science.

ПОДПИСКА

- НА ПЕЧАТНУЮ ВЕРСИЮ:
 - в редакции: (499) 152-0490, podpiska@ideg.ru
 - в любом отделении почтовой связи по подписному каталогу
- НА ЭЛЕКТРОННУЮ ВЕРСИЮ:
 - через электронные библиотеки: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU; Университетская библиотека ONLINE; Базы данных East View

реклама

CONTENTS

Evolution of the Post-Soviet Economic System

General Course of the Reform

Lyakin A.N. Crisis 2022–...: Potential scope and expected consequences 4

Gumerov R.R. The Food Security Doctrine Fiasco 25

Financial and Credit Relations

Romanchuk E.S. Reforms in the International Bank for Reconstruction and Development: “Adjustment” to the changing economic reality 45

Reform and Region

Blanutsa V.I. Clustering the regions of Siberia and the Far East to achieve national development goals 63

Entrepreneurship and Technological Progress

Gudkova T.V., Zazdravnykh A.V., Loginova V.S. Digital technologies: Actual problems of implementation and impact on the efficiency of industrial production 84

Economic and Mathematical Approaches

Mironova I.A., Tischenko T.I., Frolova M.P. Problems of assessing the socio-economic efficiency of a large-scale infrastructure project on the example of a high-speed highway 100

Events

Results of the IV Moscow Academic Economic Forum 120

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА»**

**Журнал
«Менеджмент
и бизнес-администрирование»**

Предоставление комплексной и систематизированной информации по теории и практике, направленной на повышение качества и эффективности управленческих процессов на различных уровнях хозяйствования.

Журнал включен в перечень ВАК
www.mba-journal.ru

ПОДПИСКА

- НА ПЕЧАТНУЮ ВЕРСИЮ:
- в редакции: (499) 152-0490, podpiska@ideg.ru
- в любом отделении почтовой связи по подписному каталогу
- НА ЭЛЕКТРОННУЮ ВЕРСИЮ:
через электронные библиотеки: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU;
Университетская библиотека ONLINE; Базы данных East View

РЕКЛАМА

Общий ход реформы

Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 4–24.
Russian Economic Journal. 2022;(3):4–24.

Научная статья
УДК 330.33.01
<https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-4-24>

КРИЗИС 2022–...: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ МАСШТАБЫ И ОЖИДАЕМЫЕ СЛЕДСТВИЯ

Александр Николаевич Лякин

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия, a.lyakin@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0722-2517>*

Аннотация. В статье анализируются особенности разворачивающегося в российской экономике кризиса и оценивается его воздействие на смену характера предстоящих институциональных изменений. Вывод о потенциальной траектории спада делается на основе сопоставления последовательности внешних шоков, мер стабилизационной политики и реакции на них экономических субъектов в ходе текущего и двух предшествующих кризисов. Шок спроса, вызванный резким ростом процентных ставок, провоцирует быстрое падение, в то время как решение структурных проблем требует длительного времени. Изменение хозяйственных связей, схем транспортировки, развитие импортозамещения в критически важных для обеспечения суверенности национальной экономики производствах приведут к продолжительному периоду восстановления экономики. Анализ инфляционных процессов показал, что характерное для начала спадов в России ускорение роста цен, вызванное внешними шоками и эффектом переноса валютного курса в цены, сменяется инфляцией издержек, что требует адекватного изменения политики Банка России. В статье выделены главные проблемы в области занятости в ходе текущего спада — рост структурной безработицы и потребность в масштабной переориентации и переквалификации работников. Текущий кризис рассматривается как поворотный момент в направленности институциональных изменений. Изменение экономических условий требует усиления государственного регулирования крупных системообразующих корпораций для реализации целей стратегического планирования, вплоть до установления им ряда целевых показателей. Промышленная политика становится главным направлением управления структурными сдвигами. В качестве важнейшего условия ускоренного приспособления экономики к новым условиям выделяется деbüroкратизация во всех сферах экономической и социальной жизни, прежде всего применительно к малым и средним предприятиям.

Ключевые слова: спад, дискриминационные меры, девальвация, инфляция издержек, структурная безработица, институциональные изменения

Для цитирования: Лякин А.Н. Кризис 2022–...: потенциальные масштабы и ожидаемые следствия // Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 4–24. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-4-24>.

General Course of the Reform

Original article

CRISIS 2022–...: POTENTIAL SCOPE AND EXPECTED CONSEQUENCES

Alexander N. Lyakin

St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, a.lyakin@spbu.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-0722-2517>

Abstract. This article analyzes the features of the current crisis in Russian economy and estimates its impact on the upcoming institutional changes nature. The conclusion about the potential trajectory of the downturn is made based on the comparison of external shocks, stabilization policy measures and the reaction of economic agents during this and two previous crises. A shock of demand, caused by a sharp increase in the interest rates, triggers a rapid fall, the necessity of solving structural problems will take a long time. Changes of economic ties and transportation schemes, import substitution development in the industries important for ensuring the sovereignty of the national economy, will lead to a long period of economic recovery. An inflationary processes analysis has shown that the price increase acceleration, which is common for recessions in Russia, caused by external shocks and the exchange rate pass-through to trade prices, is being replaced by cost-push inflation, which requires an adequate change in the Bank of Russia policy. This article highlights the main problems in the field of employment during the current recession: the growth of structural unemployment and the need in the large-scale reorientation and requalification of workers. The fundamental changes in the institutional changes direction, due to the current crisis, are highlighted in this article. For the large backbone corporations state regulation will be strengthened to ensure the implementation of the structural planning goals, up to bringing a number of target indicators. Industrial policy is becoming the focal area of managing structural shifts. Debureaucratization in all spheres of economic and social life is pointed out as the most important requirement of the accelerated economy adaptation to new conditions especially for small and medium-size enterprises.

Keywords: recession, discriminatory measures, devaluation, cost-push inflation, structural unemployment, institutional changes

For citation: Lyakin A.N. Crisis 2022–...: Potential scope and expected consequences. *Russian Economic Journal*. 2022;(3):4–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-4-24>.

За последние десять лет российская экономика переживает третий кризис. Его триггером стали события, лежащие вне сферы экономики, но по целому ряду характеристик сходные, с одной стороны, с кризисом 2014 года, а с другой, с кризисом 2020 года. После начала специальной операции России на Украине ответом развитых стран стал обширный набор дискриминационных мер, охвативших все сферы экономических взаимодействий и фактически превратившийся в экономическую войну. Арест активов Банка России и крупнейших российских банков в сочетании с отключением от системы SWIFT, прекращение работы платежных систем Visa и Mastercard серьезно усложнили расчеты для российских компаний, ведущих внешнеэкономическую деятельность. Запрет на использование европейских автодорог для российского автотранспорта, портов для российских судов и закрытие европейского воздушного пространства для российских авиакомпаний разрушили или существенно удорожили действовавшие логистические схемы. Ограничения внешнеторговых операций распространяются как на импорт в Российскую Федерацию широкого круга товаров, и что особенно существенно — оборудования и комплектующих, так и на российский экспорт. Эти ограничения усложнили реализацию целого ряда инвестиционных проектов и ухудшили финансовое положение компаний ряда отраслей. Реальный объем сокращения внешнеэкономических связей оказался более

существенным, поскольку от работы на российском рынке в инициативном порядке отказывается ряд глобальных компаний — в автомобилестроении, пищевой промышленности, торговле. В результате российская экономика столкнулась одновременно с рядом шоков как со стороны спроса, так и со стороны предложения. Разрывы поставок ограничивают выпуск и увеличивают издержки, с другой стороны, сокращение доходов и увеличившиеся процентные ставки сокращают спрос.

Первый квартал текущего года пока не показал тревожной статистики. Растет как индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности (год к году на 1,9% и март текущего года к февралю на 12,3%), так и индекс промышленного производства (3% и 9,9% соответственно)¹. В то же время неизбежность падения очевидна всем. Первоначальные прогнозные оценки его масштабов, полученные в ходе проведенного Банком России опроса аналитиков банков и исследовательских центров, выглядят не так катастрофично, как это кажется на фоне постоянно обновляющейся информации о новых пакетах санкций и уходе с российского рынка очередной компании. В соответствии с мартовским консенсус-прогнозом, спад должен составить 8% ВВП по итогам текущего года, с переходом к долгосрочному росту в 1% начиная с 2025 года, инфляция в этом году должна вырасти до 20%. Пересмотр прогноза в апреле предусматривает более глубокое падение в текущем году, до 9,2% при нулевых темпах в следующем году и переход к восстановительному росту в 2024 году². Сходные оценки дает МВФ: –8,5% в 2022, –2,3% в 2023 и переход к росту в 2024 году³. Несколько глубже предполагает падение Мировой Банк, до –11,2% в текущем году, но предполагает начало восстановления уже в 2023 году⁴.

При сходстве прогнозных параметров спада очевидно, что в текущий момент оценки масштабов грядущих экономических потрясений носят скорее интуитивный, чем расчетный характер, поскольку ситуация меняется практически ежедневно и далеко не все прямые и косвенные следствия принимаемых решений понятны, также, как и появление новых сложностей в условиях взаимодействия российской экономики с развитыми странами. В то же время уже существует богатый накопленный опыт реакции российской экономики на внешние шоки финансового и технологического характера. В связи с этим можно, по крайней мере в общих чертах оценить последовательность в распространении кризисных процессов и изменения основных макроэкономических параметров.

Хотя текущий кризис уникален, но по целому ряду характеристик происходящие в экономике события сходны с кризисами 2014 и 2020 годов. Действия Правительства и Банка России во многом также повторяют стабилизационные меры, использовавшиеся в сходной ситуации в предшествующие периоды. Существенное отличие текущего положения обусловлено масштабами экономической войны, которая ведется развитыми странами по отношению к Российской Федерации.

¹ Социально-экономическое положение России. Январь-март 2022 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm (дата обращения 17.05.2022).

² Макроэкономический опрос Банка России // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения 22.05.2022).

³ World Economic Outlook (April 2022) // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/WEO> (дата обращения 22.05.2022).

⁴ Europe and Central Asia Economic Update // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/europe-and-central-asia-economic-update> (дата обращения 22.05.2022).

Спад

В отличие от всех кризисов, происходивших в российской экономике начиная с 1998 года, его начало не связано с обвалом цен на сырьевых рынках. Более того, цены основные продукты российского экспорта (газ, ряд цветных металлов, зерно, удобрения) достигают рекордных уровней, близки к максимальным значениям нефтяные котировки. Тем не менее первый импульс для спада был вызван шоком платежного баланса, обусловленного мерами внешнего давления — блокированием счетов Банка России и возникшими затруднениями поступления валютной выручки в страну. Уже на первом этапе это потребовало от регулирующих органов ряд экстренных действий, хорошо знакомых по накопленному опыту. Скачок курса в качестве первой реакции российского рынка на потенциальное ускорение инфляции и усложнение доступа к валюте купировался банком России прежде всего резким повышением ключевой ставки. Это дало множественный эффект: центральный банк ограничил спрос на потребительском рынке в условиях нарастающей инфляции, сбил спекулятивный спрос на валюту, повысил цену денег для банков и заставил поднять ставки по депозитам. Растущие депозитные ставки остановили отток денег из банковской системы, понизили потенциальный ажиотажный спрос.

Обратной стороной ограничительных мер становится сокращение спроса производственного сектора. На инвестиционный процесс в краткосрочном периоде особенно существенного влияния процентная ставка не оказывает в силу низкой доли кредитов в финансировании инвестиций, максимум в 9,8% в 2021 году⁵, но запретительно дорого становится кредитование оборота. Во все предшествующие кризисы нового тысячелетия в ответ на растущую ставку бизнес сокращал производственные запасы и в результате резко падал спрос на промежуточные товары — металлы, строительные материалы, продукцию основной химии и т.д. И с этого момента начиналось сжатие объемов производства, которое по цепочке хозяйственных связей охватывало все более широкий круг отраслей. То, что всплеск инфляции делает реальную ставку нулевой или отрицательной, пока не позволяет хозяйствующим субъектам воспринимать кредитные ресурсы дешевыми, поскольку неожиданная инфляция распределяется по экономике в краткосрочном периоде неравномерно. Именно удержание Банком России процентной ставки и приемлемого ослабления рубля весной 2020 года позволило ограничить глубину падения экономики в коронкризисный период. Реакция выпуска на изменение процентной ставки отчетливо прослеживается во всех кризисах, где триггером падения становится шок платежного баланса (рис. 1). Скачок процентной ставки в январе 2009 и в декабре 2014 тут же отразился в падении производства. Особняком стоит 2020 год, когда причиной спада становятся прямые запреты на хозяйственную деятельность и снижение производительности в результате реализации противоэпидемических требований, и именно поддержание стабильности курса рубля и процентной ставки позволило сократить масштабы падения производства, и в тот период российская банковская система впервые смогла реализовать контрциклические функции.

В отличие от 2014 года Банк России не только пошел на более резкий рост ключевой ставки, но и быстрее перешел к ее снижению. Если в 2014–2015 годах после пикового значения в 17% потребовалось полгода, чтобы опустить ее до 11,5% шагом в 1–1,5% раз в полтора

⁵ Инвестиции в нефинансовые активы // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения 29.03.2022)

месяца, то в текущей ситуации после шокового скачка до 20% она за три месяца была понижена до 11%, снижаясь по 3%, и почти вернулась к предкризисному уровню в 9,5%. Однако процентные ставки по кредитам реальному сектору нормализуются медленнее, чем снижается ключевая ставка, и это уже отражается в доступной статистике в виде снижения индекса выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности (см. рис. 1).

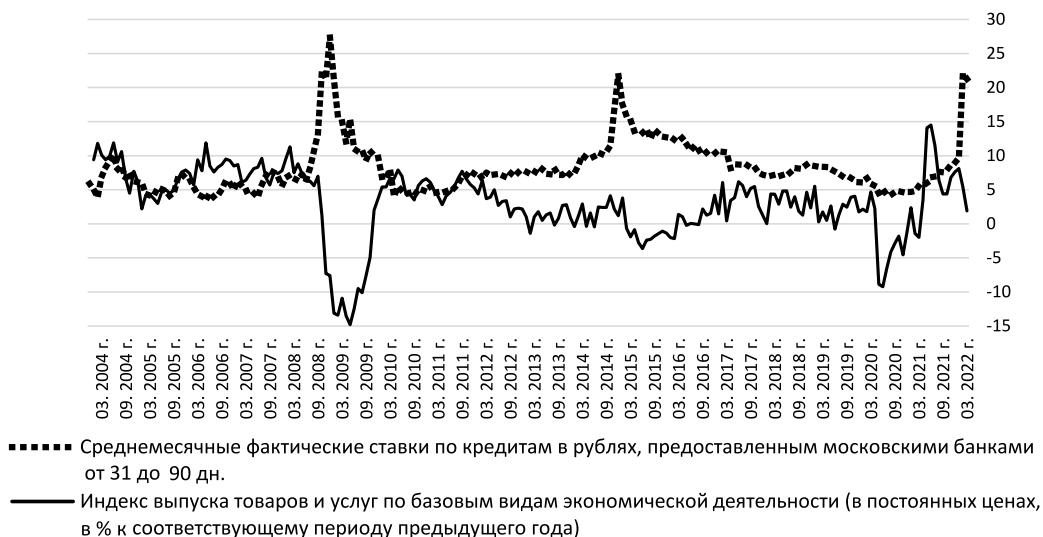

Рис. 1. Динамика процентной ставки и индекса выпуска базовых отраслей (2004–2022)

Источник: Банк России⁶; Федеральная служба государственной статистики⁷

Еще одним направлением сжатия спроса стал рост процентной ставки по ипотеке, что серьезно ограничило потенциал жилищного строительства, выступавшего в последние годы одним из драйверов роста. Уже в апреле это привело к падению спроса на рынке первичного строительства почти в два раза. Быстрая реакция правительства и утверждение программы льготой ипотеки со ставкой 9%, ставки в 5% по ипотечному кредиту для IT-специалистов, 3% по сельской ипотеке позволило стабилизировать ситуацию в строительстве. Снижение доступности кредита ведет к снижению спроса на потребительском рынке долговременных товаров, которое наступает сейчас, по завершению первоначального ажиотажа, однако в условиях введенных ограничений на импорт готовой продукции и комплектующих для их производства, это обстоятельство хотя и добавляет оттенки в общую картину, существенного влияния на ситуацию не окажет.

Набор мер по стабилизации ситуации со стороны Банка России как традиционного характера, таких как изменение ключевой ставки, предоставление ликвидности банковскому сектору, так и радикальных, отвечающих экстраординарным условиям текущего кризиса, таких как возврат к обязательной продаже валютной выручки, запрет

⁶ Показатели ставок межбанковского кредитного рынка группы MIACR с 01.08.2000 // Банк России. URL: https://cbr.ru/hd_base/mkr/mkr_base (дата обращения 15.05.2022).

⁷ Промышленное производство // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения 15.05.2022).

на вывоз капитала и продажу нерезидентами российских бумаг на фондовом рынке, остановку биржевых торгов и т.д., оказался вполне действенным и позволил стабилизировать ситуацию. В сочетании с мерами по стимулированию спроса со стороны Правительства РФ (программа льготного кредитования, снижение налогов для отдельных секторов, предоставление субсидий отраслям, в наибольшей степени пострадавшим от мер дискриминационного характера) и нормализации ситуации с импортом (разрешение параллельного импорта, упрощение процедур ввода ряда товаров и т.д.) действия регуляторов позволили преодолеть первый шок и восстановить работоспособность экономики. Однако важно отметить, что преодоление первой волны спада, вызванной шоком спроса и нарушением импортных поставок ряда наименований продукции пока не решает проблем потенциальных потерь от разрыва производственных связей и выстраивания новых вариантов интеграционных взаимодействий, а также восстановления провалов в поставках за счет производства российских заменителей.

Наряду с ограничениями спроса, хорошо знакомыми по практике 2015–2016 годов, текущий спад имеет сходные черты с кризисом 2020 года, когда сокращение производства вызывается причинами, лежащими на стороне предложения. Важным негативным фактором, обусловившим снижение выпуска, стал разрыв хозяйственных связей. Конечно, масштабы этого процесса несопоставимы с трансформационным кризисом 90-х годов, но они достаточно существенны. Усиление производственной импортозависимости российской экономики шло на протяжении последнего десятилетия, и особенно значимой такая зависимость становится в машиностроении [1]. Сложившиеся каналы поставок подверглись серьезным деформациям еще в ходе ковидных ограничений, а в настоящее время ограничения внешнеэкономической деятельности затрагивают самый широкий спектр производителей. В первую очередь это коснулось российских компаний, включенных в различные рода ограничительные списки, сюда же присоединились корпорации стран Запада, в инициативном порядке включившиеся в сворачивание деятельности в России или в отказ от продаж своей продукции российским контрагентам. Наконец общая неопределенность и усложнение расчетов ухудшили возможности нормальных взаимодействий хозяйствующих субъектов, не вовлеченных в какие-либо санкционные противостояния.

Поскольку пока остаются непонятными реальные масштабы внешнеторговых ограничений, трудно оценить потенциальную глубину и продолжительность спада, обусловленного структурными проблемами. Однако степень вовлеченности российской экономики в мировое хозяйство такова, что последствия этого разрыва будут весьма значительны. За 2021 год суммарная стоимость полученных по импорту машин, оборудования и транспортных средств составила 144,4 млрд долл. (8,2% годового ВВП), в то время как все обрабатывающие производства в России дают 14% ВВП⁸. В целом российский импорт составляет 20,55% ВВП в 2020 году, для сравнения, доля импорта в ВВП США составила 13,2%. Такая зависимость от внешней экономики в целом нормальна и характерна для стран из группы верхнего среднего дохода, российские данные строго соответствуют группе целом (20,58%), но она становится проблемой в период экономической войны.

⁸ Валовая добавленная стоимость по отраслям экономики (в текущих ценах, млрд руб.) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (дата обращения 29.05.2022); Товарная структура импорта Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188> (дата обращения 29.05.2022).

Очевидно, что решение проблемы поиска новых поставщиков комплектующих, оборудования, сырья будет осуществляться прежде всего за счет покупки аналогов (вероятно, худшего качества и более дорогих) в странах, не присоединившихся к дискриминационным мерам в отношении российских производителей, а также за счет организации внутреннего производства. Отчасти приспособление пойдет по пути отказа от выпуска ряда наименований продукции, изменения структуры выпуска. Пока разрыв хозяйственных связей и ограничения поставок проявляются в ускоренном росте цен, накопленные запасы в каналах товародвижения смазывают картину. По мере потребления запасов узкие места будут проявлять себя более наглядно. Еще одним временным вариантом решения проблемы станет производственный «каннибализм», использование части оборудования для разборки и ремонта действующего.

Последним по порядку и значимости фактором, подталкивающим спад, становится уход ряда иностранных корпораций с российского рынка. На 15 апреля об этом объявили более 600 западных компаний⁹. Однако, в силу незначительной доли иностранных прямых инвестиций в российской экономике и, по преимуществу, специализации иностранных корпораций на производстве конечных товаров, их отказ от продолжения бизнеса в России имеет более выраженный пропагандистский, нежели экономический эффект. Более того, уход ряда компаний с конкурентных рынков не разбалансирует их, но расширяет возможности для российского бизнеса (торговля, общественное питание, пиво и безалкогольные напитки и т.д.). Можно предположить, что именно в этих секторах публично объявившие о своем уходе компании пересмотрят свое решение о присутствии на российском рынке по мере прояснения обстановки.

Совокупность факторов, определяющих условия выпуска в текущей ситуации, обеспечивает быстрое и глубокое падение экономики и продолжительный период поиска нового равновесия, связанный не столько со стабилизацией спроса, сколько со временем необходимым для реализации неизбежных структурных изменений. Создание новых производств, обучение персонала, изменение структуры внешнеэкономических связей, отказ от внешних поставок в пользу внутреннего производства и наоборот — все эти процессы потребуют длительного времени. Период мог бы сократиться при снижении интенсивности экономической войны, но рассчитывать на это можно только в случае глобального масштабного кризиса мировой экономики, сопоставимого по глубине и продолжительности с «великой рецессией». В противном случае большая часть дискриминационных мер будет продолжаться неопределенно длительное время. Так, поправка Джексона-Веника пережила своих инициаторов, полностью оторвалась от исходной цели введения — убрать препятствия для утечки умов из СССР и иных стран, и была отменена, просуществовав 38 лет, в обмен на введение закона Магницкого, новой дискриминационной меры. Кроме того, сегодняшний опыт убедительно показал необходимость локализации выпуска важнейших товаров на территории страны, даже в ущерб эффективности. Отчасти эти меры уже реализованы (сельское хозяйство и фармацевтика), и именно в этих секторах ограничения внешних связей оказались наименее чувствительными. Такие же усилия необходимо предпринимать по восстановлению ключевых секторов: станкостроения, микроэлектроники, разработки программного обеспечения.

⁹ *Jean Eaglesham*. Эксперты узнали суммы убытков международных компаний от ухода из России // ПРАЙМ. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20220415/836676641.html (дата обращения 25.05.2022).

Проблемы, которые были в центре дискуссий экономистов до марта 2022 года утратили свою актуальность. Выбор между, с одной стороны, мерами стимулирующей денежно-кредитной [2, 3] и фискальной политики [4] с целью ускорения роста или, с другой стороны, институциональными изменениями при модернизации производственного аппарата для достижения стабильного долгосрочного роста [5, 6] в текущих условиях невозможен. Главной задачей становится обеспечение максимально быстрых структурных изменений для восстановления работоспособности экономики. Представление о том, что структура российской экономики приспособилась к требованиям мирового рынка и стала малоподвижной [7] уже не соответствует действительности. Текущий кризис инициирует масштабные сдвиги в распределении финансовых и трудовых ресурсов между отраслями, и должен привести к расхождению в темпах роста компаний, отраслей, территорий.

Инфляция и курс

Темпы инфляции в России, так же как и в мировой экономике, ускорились еще со второй половины 2021 года. Это было обусловлено целым рядом причин (опережающий по отношению к предложению рост спроса, усложнение поставок в постпандемийный период, быстрое расширение потребительского кредитования при оживлении экономики и т.д.) и не вызывало особенно серьезной тревоги. Повышение Банком России ключевой ставки во второй половине 2021 и начале 2022 года вело к поддержанию реальной ставки процента на около нулевом, но положительном уровне. Однако, с конца февраля началось нарастание темпов роста цен. Мощный инфляционный шок был обусловлен резким изменением хозяйственной жизни в связи с украинским кризисом.

Первоначальная реакция курса рубля на происходящие события была слабо выражена, поскольку Банк России предпринимал усилия для сдерживания курса в рациональных пределах за счет валютных интервенций. Беспрецедентная мера по блокировке его счетов, предпринятая странами Запада, стала фактическим объявлением экономической войны, резко осложнила задачу поддержания курса и контроля над инфляцией. Дополнительные ограничения в виде запрета на ввоз в Российскую Федерацию наличной валюты повлекли за собой панику и массовый отток валютных вкладов из банков. Меры по сдерживанию девальвации, на которые пошел Банк России, вполне соответствуют неординарности ситуации. Если валютных кредитов на 1 февраля 2022 года было выдано населению коммерческими банками на относительно незначительную величину в 1,2 млрд долл., то валютные депозиты населения составляли 92 млрд долл. Несмотря на то, что только чистые валютные активы российской банковской системы были равны 121 млрд долл., заморозка счетов крупнейших банков в сочетании с запретом на ввоз в страну наличных долларов и евро могли создать серьезные проблемы для устойчивости российской банковской системы¹⁰.

Скачок валютного курса привел к ожидаемым следствиям в виде ускорения инфляции. Эффект переноса хорошо изучен как с позиций мирового опыта, так и применительно к российским реалиям [8, 9]. В то же время в сложившейся ситуации есть ряд особенностей, ранее не проявлявшихся в ходе девальвации. Перенос курса в цены, как правило, растянут на определенное время, величина лага определяется наличными запасами в товаропро-

¹⁰ Денежно-кредитная и финансовая статистика // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/dkfs (дата обращения 19.03.2022).

водящей цепочке, изменением себестоимости продукции, производимой с использованием импортных компонентов и т.д. При этом существенную роль играют инфляционные ожидания населения и наличие сбережений в высоколиквидных формах. Величина этого эффекта в российской экономике также в целом известна, 3–5% на интервале в один месяц, а в течение года почти половина прироста курса трансформируется в прирост цен [10].

В настоящих условиях процесс отличается своими темпами. За неделю с 28 февраля по 4 марта цены выросли на 2,2%, с начала месяца по 18 марта — на 5,38%, с начала года на 7,67%¹¹. Пересмотр цен идет по всему кругу импортных товаров или производимых на территории России товаров иностранных компаний. Цены на автомобили выросли на 40–50%, электроника, бытовая техника, домашняя химия и т.д. начали дорожать раньше, чем могли измениться запасы. Так же быстро идет рост цен на продукцию российских производителей, которая может быть реализована на внешних рынках. Курс стал маркером, определяющим формирование инфляционных ожиданий. Подобно тому, как это происходило в начале 90-х годов, изменение курса немедленно превращалось в движение рублевых цен. Стабилизация курса и укрепление рубля, последовавшее за мерами по ограничению движения капитала, не вернуло цены к прежнему уровню, но темпы инфляции заметно уменьшились, вернувшись к значениям предшествующего периода (рис. 2). Если в предыдущем году колебания курса рубля, укладывающиеся в ожидаемые границы, не оказывали заметного влияния на внутренние цены, то резкая девальвация отозвалась немедленным скачком цен.

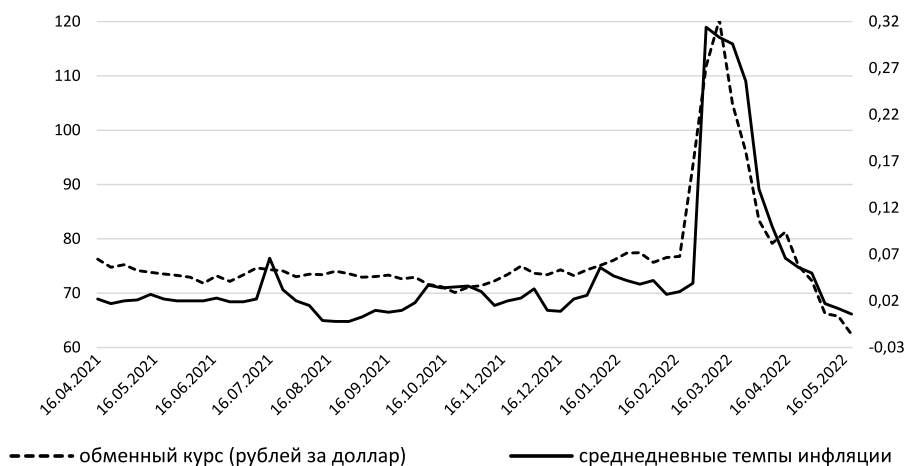

Рис. 2. Динамика валютного курса и среднедневных темпов роста ИПЦ (2021–2022)

Источник: Банк России¹²; Федеральная служба государственной статистики¹³

¹¹ Об оценке индекса потребительских цен с 12 по 18 марта 2022 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/48_23-03-2022.htm (дата обращения 23.03.2022).

¹² Динамика официального курса заданной валюты // Банк России. URL: https://cbr.ru/currency_base/dynamics/ (дата обращения 24.05.2022).

¹³ Об оценке индекса потребительских цен // Федеральная служба государственной статистики.

В настоящее время рубль из свободно конвертируемой валюты стремительно трансформируется в закрытую, что применительно к сложившейся ситуации имеет как свои минусы, так и плюсы. Введение обязательной продажи части валютной выручки для экспортеров призвано обеспечить достаточное предложение на внутреннем рынке, ограничение на размеры изымаемых валютных вкладов и вывоз из страны наличных долларов и евро сокращает спрос.

В рамках той же логики необходимости сокращения спроса на валюту серьезно затруднен отток капитала из страны. Введенный запрет на перечисление дивидендов резидентам стран, предпринявших дискриминационные меры в отношении российской экономики, купонного дохода по облигациям, запрет на продажу пакетов акций и вывод капитала серьезно сократил спрос на валюту. Только на рынке государственных ценных бумаг доля иностранцев составляла на 1 февраля 2022 года 19,7% или 2,95 трлн рублей¹⁴, на рынке акций доля иностранного капитала составлял треть рыночной капитализации, охватывая от 50 до 90% во free-float голубых фишек¹⁵. За три квартала 2021 года положительное сальдо по счету текущих операций составило 78,5 млрд долл. (по торговле товарами — 122 млрд долл.), в то время как отрицательное сальдо по инвестиционным доходам — 28 млрд долл. В этом же направлении действуют западные санкции в отношении российского капитала и крупных собственников. Конфискация недвижимости за пределами России, замораживание счетов, контроль и ограничения банковских операций ставят под сомнение целесообразность выведения денег в офшорные юрисдикции.

Ограничения на выезд, предпринятые со стороны европейских стран, в сочетании с проблемами авиасообщения существенным образом снизит спрос населения на валюту, в прошлом году превышение покупок наличной валюты над продажами составило 5 млрд долл. По трем кварталам 2021 года отрицательный баланс по услугам составил 12 млрд долларов. В допандемийном 2019 году отрицательное сальдо по поездкам в балансе услуг составило 26 млрд долл. Это тот компонент спроса на валюту, который отпадает в текущих условиях. Введенные запреты на ввоз в Российскую Федерацию дорогостоящих автомобилей, люксовой одежды в сочетании с де факто принятыми целым рядом фирм ограничений на торговлю с Россией ведет к снижению спроса на валюту в связи с экспортно-импортными операциями. В сочетании с отказом от дискредитировавшего себя бюджетного правила, реализация которого обеспечило потери почти 15% ВВП, что вероятно, превысит масштабы спада текущего года, все перечисленные обстоятельства ведут к последовательному укреплению рубля. Практика государственного вывоза капитала, через вложения в ценные бумаги развитых стран, приносящих доходность от -0,32% в евро до 0,23% в долларе США¹⁶, с последующими заимствованиями на этих же рынках под проценты, на порядок более высокие (купонные выплаты от 1,25 до 5,25% по облигациям, эмитируемым за последние 5 лет), надо полагать, будет похоронена навсегда, безотносительно того как разрешится текущая ситуация. Детальный разбор этой

URL: https://gks.ru/bgd/free/B09_03/Main.htm (дата обращения 25.05.2022).

¹⁴ Доля инвестиций нерезидентов в объеме выпусков облигаций федерального займа // Банк России. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/debt/table_ofz.xlsx (дата обращения 9.03.2022).

¹⁵ Куликова К., Усов И. ЦБ разделил рынок на своих и чужих // Коммерсантъ. 2022. 1 марта. № 35. С. 7.

¹⁶ Обзор деятельности Банка России по управлению активами в иностранных валютах и золоте / Центральный банк Российской Федерации. 2021. № 4 (60) // Банк России. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/36946/2021-04_res.pdf (дата обращения: 20.05.2022).

порочной практики, приведенный в статье С.Г. Капканщикова, показывает, что при очевидном негативном воздействии на потенциал роста и порождаемых ею финансовых потерях, эта практика не помогает достижению декларируемой цели стабилизации национальной экономики [11].

Вводящиеся взаимные ограничения на движение капитала и товаров в текущем периоде стабилизировали курс. В более длительной перспективе возникает неопределенность в самих принципах курсообразования, которые будут использоваться в российской экономике.

Ограничения на наличный оборот валюты в сочетании со сложностями выезда за пределы страны ведут к существенному снижению ее ликвидности для российских домохозяйств. Валюта и в предыдущие периоды не могла легально использоваться во внутреннем обороте, но свобода купли-продажи и возможность использования для финансирования поездок за рубеж, а также покупок для собственных нужд сохраняла ее прямую связь с деньгами. В настоящее время она превращается в облигацию, косвенным образом индексированную по инфляции. Корректировка ее цены в связи с изменением инфляции происходит дискретно, формирование курса может все дальше отклоняться от реальных рыночных значений и определяться ограниченным спросом на валюту в связи с доступными для российской экономики импортными операциями и объемом поступающей валютной выручки. Хранение средств в валюте сопряжено с потенциальными рисками, связанными с возможными неблагоприятными решениями как своего Правительства, так и Правительств стран-эмитентов. Положительное сальдо торгового баланса в условиях недоступности импорта, по крайней мере его желательного ассортимента, может привести к целенаправленному ограничению экспорта государством, поскольку в таких условиях его экономический смысл будет еще более сомнителен, чем действовавшая в последние десятилетия порочная практика собирательства чужих денег, с последующим их хранением у недобросовестных держателей.

Главной неопределенностью в отношении инфляции становятся масштабы структурных изменений и сопряженный с ними рост издержек. Замещение поставщиков за счет внутреннего рынка или их поиск в странах, не поддержавших дискриминационных мер в отношении российской экономики, приведет к увеличению себестоимости и снижению качества выпускаемой продукции, по крайней мере на первом этапе. Рыночные дефициты повлекут за собой рост цен, который будет трудно сдержать за счет конкуренции. Начало этого процесса Банк России отмечает уже в апреле текущего года¹⁷. Сходный сценарий был реализован в 2014 году применительно к продовольственным товарам, попавшим под контрсанкции. В конечном счете внутреннее производство смогло заместить большую часть выпавшей продукции, либо произошла переориентация на страны, не вводившие ограничительных мер в отношении России. Но тогда речь шла об одном рынке, на котором производители были готовы к быстрому росту и получили от государства дешевые финансовые ресурсы. В настоящее время ограничения затрагивают преобладающую часть реального сектора. Поиск обходных путей в доставке необходимых компонентов и формирование специальных расчетных схем приведут к росту издержек. Развертывание внутреннего производства потребует времени, будет обходиться дороже внешних закупок уже в силу недостаточных масштабов внутреннего рынка. От привыч-

¹⁷ Рост издержек производителей негативно сказался на инфляции в большинстве российских регионов // Банк России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12894> (дата обращения: 23.05.2022).

ной для Банка России инфляции спроса, таргетированием которой он занимался в предшествующий период, экономика переходит к инфляции предложения, которая потребует совершенно иных форм реагирования и сдерживание денежного предложения может иметь серьезные побочные последствия. При этом попытка тормозить инфляцию предложения процентными ставками в чем-то сродни тушению пожара бензином.

Занятость

В течение всего периода постсоветского развития России безработица не превратилась в первостепенную экономическую проблему. Вопреки прогнозам, в ходе рыночной трансформации при беспрецедентных объемах спада ее максимальный уровень составил в 1998 году 13,4%¹⁸, а после 2011 года даже в кризисы она не превышала 6%.

Устойчивость занятости во многом определяется незрелостью российского рынка труда. Вытекающие из этого особенности его реакции на конъюнктурные колебания объясняют в литературе рядом обстоятельств. Превалирование различного рода гибких форм заработной платы с незначительной фиксированной составляющей приводит к тому, что конъюнктурные колебания ведут к изменениям зарплаты при устойчивой занятости [12]. Возможность менять оплату труда в зависимости от финансового положения перекладывает риски с предпринимателя на работника. Низкое пособие по безработице побуждает держаться за рабочее место, соглашаясь с потерями в заработке и ухудшениями условий труда [13]. Серый рынок труда выступает альтернативой организованному [14]. Вытеснение работника из производства побуждает его переходить в самозанятые — наличие дополнительных навыков трансформируется во временную занятость. Водители, репетиторы, домработницы и т.д. имеют возможность по крайней мере в течение определенного периода получать доход от трудовой деятельности, заполняя те или иные ниши на рынке.

Еще одним специфическим встроенным стабилизатором на российском рынке труда выступают трудовые мигранты. Девальвация рубля ведет к сокращению зарплаты для иностранцев в момент изменения курса, до приспособления внутренних цен. В результате ответом на кризис становится снижение предложение труда. Если учесть, что это происходит в значительной степени в тех секторах, выпуск в которых снижается в этот период (строительство, торговля, общественное питание), отток мигрантов компенсирует уменьшение спроса на труд. На сегодняшний день острый дефицит труда испытывает строительство, где дефицит рабочей силы приближается к 60%, не найти работников на рабочие специальности, несмотря на заметное повышение оплаты труда. Особенностью текущей ситуации становится трудность приобретения валюты для физических лиц, а также сложности с ее перечислением на Родину. Это создает угрозу нарастающего отъезда трудовых мигрантов, в связи с чем Банк России уже отреагировал на нее снижением ограничений на перевод валюты за рубеж физическими лицами. В определенной мере труд может быть замещен капиталом, но именно сейчас возможности инвестирования в трудосберегающие технологии сильно усложнились.

С серьезными проблемами на рынке труда российская экономика впервые столкнулась во время коронкризиса, когда прямой запрет на продолжение хозяйственной деятельности в ряде сфер заставил работодателей пойти на массовые увольнения и рынок труда отреагировал на сокращение выпуска не столько снижением реальных доходов, хотя и этим

¹⁸ Российский статистический ежегодник. М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2003. 705 с.

тоже, сколько открытой безработицей. Нечто подобное происходит и в текущий кризис, но по другой причине. На представленной ниже диаграмме (рис. 3) видны различия в реакции рынка труда на колебания конъюнктуры. В 2009 году глубокое падение экономики ведет к росту безработицы (уровень безработицы в мае 2009 года в 1,56 раза превышает уровень безработицы мая предшествующего года) и снижению реальной заработной платы, что ограничивает высвобождение труда. В 2015–2016 гг. уровень безработицы меняется незначительно, тогда как реальная заработная плата снижается более, чем на 10%. И наконец, в коронокризис запреты на осуществление экономической деятельности ведут к скачку безработицы при относительно стабильных реальных зарплатах.

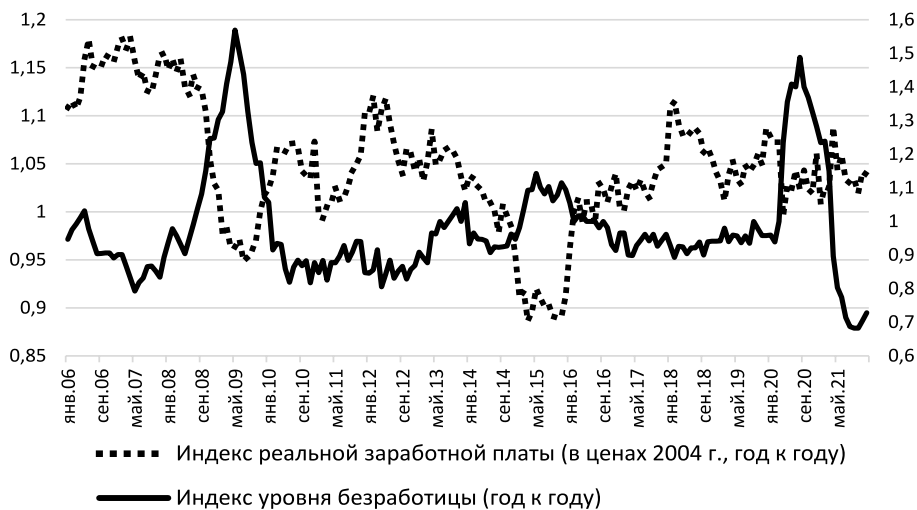

Рис. 3. Изменение занятости и реальной зарплаты в ходе циклических колебаний российской экономики (2006–2022 гг.)

Источник: рассчитано автором по: Труд и занятость в России¹⁹; Доклад «Социально-экономическое положение России»²⁰

Первая реакция российского рынка труда на изменения экономических условий показывает, что приспособление пойдет по привычному сценарию снижения реальных доходов за счет ускорения инфляции при незначительных изменениях в уровне занятости.

Прекращение или приостановка деятельности целого ряда иностранных компаний в России должна было привести к увольнению персонала и появлению открытой безработицы. В общей сложности, по данным Форбс, в объявивших об уходе из России иностранных компаниях занято около 200 тысяч человек, при этом половина приходится на трех крупнейших работодателей *McDonalds* (62 тыс.), *Pepsico* (19 тыс.), *IKEA* (15 тыс.). Хотя кейс *McDonalds* показывает, что увольнение в условиях конкурентного рынка яв-

¹⁹ Труд и занятость в России // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения 19.03.2022).

²⁰ Доклад «Социально-экономическое положение России» // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения 19.03.2022).

ляется крайней мерой. Приостанавливая деятельность, сеть продолжает выплачивать заработную плату работникам, очевидно оценивая потери на поиск, найм и обучение работников в случае возвращения как более существенные, чем текущие выплаты людям во временных отпусках. Сделка по продаже бизнеса российскому предпринимателю включает условие о сохранении рабочих мест за действующим персоналом в течение двух лет.

Значительные структурные изменения, которые вне зависимости от дальнейшего развития санкционного противостояния будут протекать в российской экономике, с неизбежностью вызовут серьезные сдвиги на рынке труда и, на первом этапе, серьезную структурную безработицу. Дефицит предложения по ряду профессий существует уже сегодня и будет только нарастать. Стране не хватает программистов, инженеров, технологов, рабочих целого ряда профессий. Явный избыток намечается не только на рынке труда экономистов и юристов, что уже стало привычным. Растет избыточная армия тик-токеров, блогеров, web-дизайнеров, попавших в сложную ситуацию при прекращении программ монетизации на *YouTube*, *Instagram* и т.д. Перемещение рабочей силы в необходимом для экономики направлении требует серьезных усилий и затрат. Если в 90-е годы переход инженеров и слесарей-инструментальщиков в продавцы происходил хотя и болезненно, но без серьезных расходов на переквалификацию, то переобучение блогера на оператора станка ЧПУ если и возможно, то потребует больших издержек. Эксперимент Яндекса с переквалификацией таксистов в программисты охватывает 300 человек и стоит 20 млн рублей, при этом отдача от этой программы пока не очевидна. Масштабная переквалификация будет сопряжена со значительными расходами и сменой форм деятельности.

Институциональные изменения

Особенностью настоящего кризиса помимо серьезной перестройки структуры выпуска, которая началась в процессе спада и будет разворачиваться на этапе перехода к росту, является пересмотр представлений о направленности институциональных изменений, назревших в российской экономике. Самой значимой эрозии подвергается постулат о незыблемости прав собственности, как основы капиталистической системы, необходимости их безоговорочного соблюдения и возможности перехода правомочий собственности только на основании договора или решения суда.

Текущие события показали, что святость прав собственности определяется интересами государства и его силой. Экспроприация российских экспроприаторов решением стран, объявивших России экономическую войну, не вызвала сколько-нибудь широкого негодования российского населения, но явно находится не в створе рыночной идеологии. Только Франция заморозила имущества и вкладов частных лиц на сумму 700 млн евро²¹ (хотя их последующее изъятие задерживается в связи с отсутствием законных оснований для конфискации, но это вопрос времени и оценки потенциальных последствий. Во всяком случае, никто не предполагает возвращение всей полноты прав собственности исходным владельцам).

Марксистская терминология наиболее точно позволяет описывать текущий процесс изъятия собственности без соответствующего решения судов, отсылки к действующему

²¹ Франция заморозила активы российского ЦБ на €22 млрд // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5269635> (дата обращения: 20.03.2022).

законодательству стран-экспроприаторов и подобным процедурам. В той же плоскости лежат решения о заморозке активов Банка России, крупнейших российских коммерческих банков, включая частные. Нет гарантированного права собственности для всех. Оно реализуется в той мере, в которой его обеспечивает сильное государство, или сильное государство позволяет участникам рынка полагать, что это их право и оно его гарантирует.

Аналогичным образом решение о потенциальных ответных мерах в виде национализации иностранного капитала в России будет приниматься исходя из оценки последствий такого решения в долгосрочном периоде, а не из общих соображений о неприкосновенности собственности. Подробный разбор потенциальных эффектов экспроприации приводится в статье А.Е. Шаститко и А.И. Мелешкиной [15]. Анализ альтернатив ответной реакции органов российской государственной власти на решение иностранных компаний о приостановке деятельности в России показал, что далеко не всегда национализация становится выгодной стратегией для российской экономики. Принимаемые в отношении уходящих компаний меры должны базироваться на оценке регулирующего воздействия, для полного учета потенциальных выгод и издержек от принимаемых решений. Яркой иллюстрацией неучтенных потерь радикальных решений стали действия Правительства ФРГ по национализации дочерних структур Газпрома. Запрет на какие-либо формы торговли с этими компаниями, введенный указом Президента, фактически обнулил ценность этих активов.

В известной мере выкуп ценных бумаг на 1 трлн рублей из фонда национального благосостояния представляет собой мягкий вариант национализации, спровоцированный решениями государств, предпринявших в отношении России дискриминационные меры на финансовых рынках. Так же, как и совокупность ограничений в отношении иностранных инвесторов из недружественных стран на распоряжение своим имуществом, предпринятое российским Правительством, означает отчуждение у владельца части правомочий собственности (участие в управлении, право на остаточный доход, продажу имущества).

Очевидно, в текущих условиях обсуждавшиеся ранее процедуры приватизации российских корпораций с государственным участием, активным допуском иностранного капитала отодвинуты на неопределенный срок. Применительно к крупному системообразующему бизнесу доля государства будет только расти, в частности, за счет выкупа пакетов акций на упавшем рынке.

Некоторым выигрышем от экономической войны является национализация элит. Сложившаяся в течение трех последних десятилетий практика, когда деньги, выведенные из российской экономики, инвестируются в развитых странах, причем прежде всего в престижное потребление: яхты, дворцы, коллекции, футбольные клубы и т.д., показала свою ущербность. Крупные состояния можно иметь только тогда, когда на их защите стоит государство. Иначе это очень удобный и доступный объект экспроприации. Соответственно, риски потерь от изменения политики собственного Правительства становятся заметно меньше, чем вероятность потерять имущество в результате решения иностранного государства. Такие уроки трудно усваиваются всеми заинтересованными сторонами, блокировка активов центрального банка Ирана, присвоение Великобританией золота, принадлежащего Венесуэле, казались крайними эксцессами, которые не могут быть широко распространены. Сегодняшние действия правительств развитых стран вряд ли убедят действующих аналогичным образом представителей бизнес-элиты из прочих развивающихся стран, но для российских собственников крупного капитала явно станет уроком надолго.

Необходимость масштабного и массового инвестирования в российскую экономику была очевидна и раньше, а в текущих условиях становится условием ее функциониро-

вания. Финансовые ресурсы для этого существуют. Возможности бюджета возрастают за счет отказа от вложений профицита платежного баланса в экономики ставшими недружественными стран через ФНБ. Необходимо расширять практику проектного финансирования, субсидирования процентных ставок по кредитам реальному сектору из широкого перечня отраслей, прежде всего решающих задачу импортозамещения. Кроме того, конфискация собственности за рубежом должна убедить владельцев капитала в целесообразности вложений в российскую экономику, пусть даже в форме покупки футбольных клубов или строительства вилл. Внешние ограничения на вывоз капитала вероятно будут эффективнее внутреннего контроля. Инвестиции в национальную экономику потребуют и соответствующего институционального обустройства. Перемещение в российскую юрисдикцию собственности на реальные активы, действующие в стране, сформирует спрос на качественные судебные процедуры и вызовут необходимость реформирования судебной системы в соответствии с запросами бизнеса.

Как и в любой кризисной ситуации воздействие государства на экономические процессы с неизбежностью усилится. Идеи об эффективности неограниченного участия в мировом разделении труда, свободного обмена и в предыдущий период подвергались эрозии, сталкиваясь с реальным жестким протекционизмом и ограничениям доступа к перспективным технологиям. В текущих условиях Правительством и Банком России уже предпринят ряд мер, противоречащих ранее принятой парадигме. Отказ от свободной конвертации рубля в пользу стабильного курса позволил притормозить инфляцию, ограничение на свободное движение капитала может сыграть ключевую роль в защите национальной финансовой системе при взрыве фондового пузыря и росте процентных ставок в США и Европе. Приближение курса рубля к паритету покупательной способности при введении в качестве контрсанкций повышенных таможенных пошлин на импорт потребительских товаров из недружественных стран позволит балансировать бюджет, поддерживая конкурентоспособность внутреннего производства и в тоже время стимулируя инвестиционную активность

В новых условиях очевиден приоритет безопасности над эффективностью. Соответственно, первостепенное значение приобретает стратегическое планирование, координация крупных проектов, определение направлений вложений капитала, гарантии сбыта доступа к рынкам. То, о чем последнее десятилетие писали А.Г. Агенбеян [16, 17] и С.Ю. Глазьев [18], становится новым вектором развития.

Расширение доли государства в собственности и прямое участие в управлении компаний пока выступает реакцией на конкретные формы текущего кризиса и, можно предполагать, остановится и даже вернется к исходным параметрам. Но воздействие Правительства на принятие хозяйственных решений в крупном бизнесе и стратегических компаниях, при сохранении текущих трендов, будет возрастать. Применительно к крупному бизнесу, безотносительно наличия доли государства в капитале, будут доводиться требования по инвестициям и приоритетам вложений, при этом государственные решения должны подкрепляться субсидированием процентных ставок, выдачей гарантий по кредитам, стимулированием экспорта, государственными заказами.

Новое дыхание получает промышленная политика. Ключевым направлением становится импортозамещение. Многообразные санкции и контрсанкции фактически снимают барьеры для проведения активной промышленной политики в стиле XIX столетия, с введением повышенных таможенных пошлин, прямых запретов и ограничений. Возвращение к заградительным пошлинам по наиболее чувствительным позициям к ком-

паниям из стран, участвующих в экономической войне с Россией, в сочетании с режимом максимального благоприятствования для внутреннего производства корпораций, безотносительно страны происхождения их капитала, должно создать стимулы для национального производства и, насколько это будет возможно, прямых иностранных инвестиций.

Единственной целью любых санкций и контрсанкций должны быть преференции для национального производства, а не ущерб соседям. Равным образом необходимо пересмотреть все системы ограничений, обусловленные необходимостью соответствия международным стандартам, наличием сертификатов и т.д. В той мере, в которой эти стандарты представляют собой нетарифные ограничения, дающие преимущества производителю из стран-разработчиков, от них необходимо отказываться. В наиболее уязвимых для дискриминационных мер секторах, таких как авиация, этот процесс уже пошел. И если на предшествующем этапе рассматривался вопрос о том, должна ли промышленная политика стимулировать экспортоориентированное производство или может быть направлена на поощрение выпуска для внутреннего рынка, насколько приемлема практика искажения рыночных сигналов, то в настоящих условиях ее целью становится создание относительно замкнутого внутреннего производственного контура, подобного тому, который существовал в советской экономике. Очевидно, что за независимость внутреннего воспроизводства придется заплатить определенным упрощением выпускаемой продукции. Связь приоритетов промышленной политики с экономической безопасностью страны, на которую ряд экономистов указывал как задолго до текущих проблем с внешними поставками [19], так и непосредственно перед резким ужесточением санкций [20] в настоящее время осознается на государственном уровне. Идея рикардianских относительных преимуществ во внешней торговле в настоящих условиях становится все менее убедительной.

Весь набор инструментов промышленной политики (таможенные пошлины и нетарифные ограничения во внешней торговле, налоговые преференции, субсидирование выпуска, субсидирование процентных ставок), который в предшествовавший период сдерживался различного рода внешними договорами и обязательствами, сейчас становится доступен. Вероятнее всего в кризисный период он будет активно использоваться, хотя возражения о низкой эффективности создаваемого в результате импортозамещающего производства и его слабой конкурентоспособности имеют под собой основания. Необходимо выделение ограниченного числа базовых критически важных отраслей, которые должны поддерживаться для обеспечения суверенитета национальной экономики, и за пределами которых должна стимулироваться конкуренция.

Следующим важнейшим направлением изменений становится образовательная система. Дефицит специалистов с инженерной, технической подготовкой требует переупрофилирования не только высшего и среднего специального образования, но изменение работы школы. Неизбежен возврат к советскому опыту — ориентация на точные науки в средней школе, приоритет математике, физике, химии в ущерб гуманитарным дисциплинам. Конкурентные условия при переходе от одной образовательной ступени к другой, начиная с неполного среднего образования, ориентация структуры выпуска специального образования на потребность рынка труда, а не пожелания обучающихся и родителей. Восстановление работоспособности образовательной системы потребуют серьезных усилий со стороны государства. С одной стороны, для этого нужны серьезные вложения, возвращение престижности преподавательского труда, активное омолаживание кадрового состава средней специальной и высшей школы, а с другой стороны, радикального снижения бюрократизации процесса, ликвидации ряда государственных

структур препятствующих нормальной работе высшей школы и пропорционального сокращения численности университетской бюрократии.

Отдельное место занимают меры по стимулированию развития малого и среднего бизнеса. В отличие от прочих сфер здесь важны прежде всего даже не деньги и меры поддержки, а предельно возможное освобождение предпринимательства от каких-либо ограничений. Необходима максимальная дебюрократизация в этой сфере. Проверки только в той мере, в которой это обусловлено требованиями безопасности предоставляемых услуг и производимой продукции. Упрощенная система налогообложения и свобода внешнеэкономической деятельности должны создать условия для возрождения челночного бизнеса как одного из путей преодоления мешающих импортных ограничений. Малому бизнесу в промышленности, науке и научном обслуживании необходимо создание режима наибольшего благоприятствования в отношении доступа к кредиту, субсидированию процентных ставок, доступа к государственным закупкам.

Выводы

Нынешний кризис в российской экономике имеет необычные черты не только оттого, что он вызван триггером, принципиально отличным от тех, которые вызывали спад раньше, но и тем общим контекстом, в котором он развивается. В определенной мере кризис стал точкой поворота траектории экономического развития. Хотя некоторые тренды и последовательность протекающих событий можно прогнозировать из опыта предшествующих спадов, но неопределенности, лежащие вне сферы национальной экономики, могут значимо повлиять на ход событий. Противодействие внешнему давлению требует масштабных структурных сдвигов, которые затрагивают все аспекты воспроизводства. Поиск новых контрагентов, расширение импортозамещения, инвестиции в запуск необходимых мощностей — все эти процессы требуют времени и материальных ресурсов. На первом этапе это вызовет замедление роста и ускорение инфляции, обусловленной дефицитами на различных рынках и ростом издержек при освоении выпуска новой продукции. В свою очередь реализация задачи снижения зависимости от мирового рынка и построение суверенной экономики сопряжена с изменением целого ряда институциональных условий. Восстановление стратегического планирования, включение в этот процесс крупнейших корпораций потребует активизации всех форм и инструментов промышленной политики, от таможенной защиты и налоговых льгот до прямого бюджетного субсидирования, специальных режимов кредитования и заказов на выпускаемую продукцию. Другим условием выхода на траекторию устойчивого роста является дебюрократизация экономики, свобода деятельности для малого и среднего бизнеса, включая радикальное упрощение всех процедур по сертификации, аттестации, лицензирования и т.д., а также ослабление фактической защиты интеллектуальной собственности стран, вовлеченных в экономическую войну с Россией.

Список источников

1. Березинская О., Ведев А. Зависимость российской экономики от импорта // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24, № 4. С. 19–25.
2. Блинов С.Н. Влияние процентных ставок центральных банков на рост ВВП // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 6 (237). С. 32–44.

3. *Ершов М.В., Танасова А.С., Цховребов М.П.* О денежно-кредитных и бюджетных подходах в России в 2022–2024 гг. // Российский экономический журнал. 2022. № 1. С. 32–49. <http://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-32-49>.
4. *Капканщиков С.Г.* Бюджетное правило и налоговый маневр в деструктивной либералистской концепции бюджетной трехлетки – 2021–2023 // Российский экономический журнал. 2020. № 6. С. 49–69. <http://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-6-49-69>.
5. *Идрисов Г., Май В., Божечкова А.* В поисках новой модели роста // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 5–23. <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-12-5-23>.
6. *Веселов Д.А., Яркин А.М.* Институциональные изменения, неравенство и долгосрочное экономическое развитие: теория и эмпирика // Вопросы экономики. 2022. № 1. С. 47–71. <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-47-71>.
7. *Лякин А.Н.* Структурные сдвиги в российской экономике: потенциал деловых циклов исчерпан // ЭКО. 2020. № 7 (553). С. 8–28. <http://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2020-7-8-28>.
8. *Синяков А.А., Чернядьев Д.Н., Сапова А.К.* Оценка эффекта переноса валютного курса рубля в цены производителей конечной продукции на микроданных российских компаний // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 1 (41). С. 128–157. <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-41-1-5>.
9. *Картаев Ф.С., Якимова Ю.И.* Влияние инфляционного таргетирования на эффект переноса валютного курса // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 70–84. <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-70-84>.
10. *Пономарев Ю., Трунин П., Улюкаев А.* Эффект переноса динамики обменного курса на цены в России // Вопросы экономики. 2014. № 3. С. 21–35.
11. *Капканщиков С.Г.* Философия заначки живет и побеждает // Российский экономический журнал. 2022. № 2. С. 21–47. <http://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-2-21-47>.
12. *Вакуленко Е.С., Гурвич Е.Т.* Гибкость реальной заработной платы в России: сравнительный анализ // Журнал новой экономической ассоциации. 2016. № 3 (31). С. 67–92. <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2016-31-3-3>.
13. *Гимпельсон В.Е., Ощепков А.Ю.* Уровень и страх безработицы: есть ли между ними связь? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 15, № 3. С. 277–314.
14. *Соболева И.В.* Серая зона российского рынка труда: масштабы и подходы к сокращению // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 5. С. 36–46.
15. *Шаститко А.Е., Мелешкина А.И.* Национализировать нельзя оставить // Вопросы экономики. 2022. № 4. С. 133–145. <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-4-133-145>.
16. *Аганбегян А.Г.* От рецессии и стагнации через финансовый форсаж – к экономическому росту // Деньги и кредит. 2016. № 12. С. 46–52.
17. *Аганбегян А.Г.* О необходимости планирования в новой России // Вопросы политической экономии. 2021. № 2 (26). С. 27–44. <http://doi.org/10.5281/zenodo.5040286>.
18. *Глазьев С.Ю.* Стратегическое планирование как интегративный элемент в системе управления развитием // Экономическое возрождение России. 2021. № 3 (69). С. 14–19. <http://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-14-19>.
19. *Рыбаков Ф.Ф.* Промышленная политика и экономическая безопасность // Инновации. 2012. № 7 (165). С. 38–40.
20. *Винслав Ю.Б.* Становление и контуры модернизации государственной промышленной политики в Российской Федерации: анализ постсоветских реальностей в контексте глобальных угроз и с учетом опыта ряда государств дальнего зарубежья // Российский экономический журнал. 2021. № 2. С. 3–32. <http://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-2-3-32>.

References

1. Berezinskaya O., VedeV A. Russian Economy's Dependence on Imports. *Russian Economic Development*. 2017;24(4):19–25. (In Russ.).
2. Blinov S.N. Impact of Interest Rates of Central Banks on GDP Growth. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*. 2021;(6):32–44. (In Russ.).
3. Ershov M.V., Tanasova A.S., Tskhovrebov M.P. On Monetary and Budget Approaches in Russia in 2022–2024. *Russian Economic Journal*. 2022;(1):32–49. (In Russ.). <http://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-32-49>.
4. Kapkanshchikov S.G. Budget Rule and Tax Maneuver in The Destructive Liberalist Concept of The Budget Three-Year Plan – 2021–2023. *Russian Economic Journal*. 2020;(6):49–69. (In Russ.). <http://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-6-49-60>.
5. Idrisov G., Mau V., Bozhechkova A. Searching for a New Growth Model. *Voprosy Ekonomiki*. 2017;(12):5–23. (In Russ.). <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-12-5-23>.
6. Veselov D.A., Yarkin A.M. Institutional Changes, Inequality and Long-Run Economic Development: Theory and Empirics. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;(1):47–71. (In Russ.). <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-47-71>.
7. Lyakin A.N. The Structural Shifts in The Russian Economy: Depletion of Business Cycle Opportunities. *ECO*. 2020;(7):8–28. (In Russ.). <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-7-8-28>.
8. Sinyakov A.A., Chernyadyev D.N., Sapova A.K. Estimating The Exchange Rate Pass-Through Effect on Producer Prices of Final Products Based on Micro-Data of Russian Companies. *The Journal of the New Economic Association*. 2019;(1):128–157. (In Russ.). <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-41-1-5>.
9. Kartaev Ph.S., Yakimova Yu.I. The Influence of Inflation Targeting on the Pass-Through Effect of the Exchange Rate. *Voprosy Ekonomiki*. 2018;(11):70–84. (In Russ.). <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-70-84>.
10. Ponomarev Yu., Trunin P., Ulyukayev A. Exchange Rate Pass-Through In Russia. *Voprosy Ekonomiki*. 2014;(3):21–35. (In Russ.).
11. Kapkanshchikov S.G. The Philosophy of Stash Lives and Wins. *Russian Economic Journal*. 2022;(2):21–47. (In Russ.). <http://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-2-21-47>.
12. Vakulenko E.S., Gurvich E.T. Real Wage Flexibility in Russia: Comparative Analysis. *The Journal of the New Economic Association*. 2016;(3):67–92. (In Russ.). <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2016-31-3-3>.
13. Gimpelson V.E., Oshchepkov A.Y. The Fear of Unemployment: Does Unemployment Matter? *The HSE Economic Journal*. 2011;15(3):277–314. (In Russ.).
14. Soboleva I.V. Grey Zone of The Russian Labor Market: Scale and Approaches to Reduction. *Bulletin of the IE RAS*. 2017;(5):36–46. (In Russ.).
15. Shastitko A.E., Meleshkina A.I. Nationalization: to Be or not to Be. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;(4):133–145. (In Russ.). <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-4-133-145>.
16. Aganbegyan A.G. From Recession and Stagnation to Economic Growth through Financial Boosting. *Russian Journal of Money and Finance*. 2016;(12):46–52. (In Russ.).
17. Aganbegyan A.G. The Necessity For Planning In The New Russia. *Problems in political economy*. 2021;(2):27–44. (In Russ.). <http://doi.org/10.5281/zenodo.5040286>.
18. Glazyev S.Yu. Strategic Planning As An Integrative Feature In Development Management System. *Economic Revival of Russia*. 2021;(3):14–19. (In Russ.). <http://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-14-19>.

19. *Rybakov F.* The Industrial Policy and Economic Security. *Innovations*. 2012;(7):38–40. (In Russ.).
20. *Vinslav Yu.B.* Formation and contours of modernization of the state industrial policy in the Russian Federation: analysis of post-soviet realities in the context of global threats and taking into account the experience of a number of foreign countries. *Russian Economic Journal*. 2021;(2):3–32. (In Russ.). <http://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-2-3-32>.

Информация об авторе

А.Н. Лякин – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург, Россия.

Information about the author

A.N. Lyakin – Doctor of Science (Economy), Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Economic Policy, St.Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 31.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 31.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА»

предлагает услуги по изданию монографий, учебных пособий
и другой учебно-методической литературы.

Мы гарантируем:

СКОРОСТЬ. Необходимый вам тираж в течение 30 дней
КАЧЕСТВО. Монографии оформляются с выполнением всех
требований для научных изданий.

Мы предоставляем полный цикл работ по изданию монографий:

- присвоение международного индекса ISBN
- присвоение кодов ББК, УДК
- допечатная подготовка, редактирование, корректура, компьютерная правка, верстка
- печать необходимого тиража
- рассылка обязательных экземпляров изданий в Книжную палату РФ
- проведение независимого рецензирования научных работ

Контакты: (499) 152-79-41
pr@ideg.ru

РЕКЛАМА

Общий ход реформы

Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 25–44.

Russian Economic Journal. 2022;(3):25–44.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-25-44>

ФИАСКО ДОКТРИНЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Рустам Раулевич Гумеров

*Центр развития программно-целевого управления ВАВТ Минэкономразвития
России, Москва, Россия, gumerovrr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1057-9434>*

Аннотация. Статья посвящена актуальным, в том числе малоизученным аспектам реализации Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Ценовой «шок» на потребительском рынке в конце 2020 года спровоцировал ситуацию продовольственной небезопасности и подтвердил необходимость переосмысления приоритетов и целей Доктрины и их фокусировки на обеспечении доступа к полноценному питанию всех групп и слоев российского населения. Наряду с методологическими вопросами относительно заложенных в Доктрине критериев, целей и задач обеспечения продовольственной безопасности в статье поднимаются проблемы практической реализации названного документа и делается вывод об отсутствии релевантных инструментов и рычагов экономической политики в предметной области. Статья завершается сжатым изложением практических рекомендаций по внесению изменений и дополнений в Доктрину, а также в документы стратегического планирования и нормативные акты, обеспечивающие ее реализацию. Внешняя реакция на первые итоги проведения специальной операции на Украине подтверждает необходимость укрепления продовольственного суверенитета на деле, не ограничиваясь импортозамещением. Необходимы дальнейшие специальные исследования в этом направлении с фиксацией их результатов в актуализированной версии Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации на среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственная независимость, Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, экономическая доступность продовольствия, Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия

Для цитирования: Гумеров Р.Р. Фиаско Доктрины продовольственной безопасности // Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 25–44. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-25-44>.

Original article

General Course of the Reform

THE FOOD SECURITY DOCTRINE FIASCO

Rustam R. Gumerov

Center for Development of Program-Target Management, Russian Foreign Trade Academy, Ministry of Economic Development of Russia, Moscow, Russia, gumerovrr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1057-9434>

Abstract. The article is devoted to topical, including little-studied aspects of the implementation of the Food Security Doctrine of the Russian Federation. The price “shock” in the consumer market at the end of 2020 provoked a situation of food insecurity and confirmed the need to rethink the priorities and goals of the Doctrine and focus on ensuring access to adequate nutrition for all groups and strata of the Russian population. Along with methodological questions regarding the criteria, goals and objectives of ensuring food security laid down in the Doctrine, the article raises the problems of practical implementation of this document and concludes that there are no relevant tools and levers of economic policy in the subject area. The article concludes with a concise summary of practical recommendations for making changes and additions to the Doctrine, as well as to strategic planning documents and regulations that ensure its implementation. The external reaction to the first results of the special operation in Ukraine confirms the need to strengthen food sovereignty in practice, not limited to import substitution. Further special studies in this direction are needed with the fixation of their results in the updated version of the Food Security Doctrine of the Russian Federation for the medium term.

Keywords: food security, food independence, Food Security Doctrine of the Russian Federation, economic accessibility of food, State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Food Markets

For citation: Gumerov R.R. The Food Security Doctrine Fiasco. *Russian Economic Journal*. 2022;(3):25–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-25-44>.

1. Постановка проблемы

Во второй половине 2020 года страна столкнулась с всплеском цен на основные продукты питания, выходящим за пределы среднегодовых темпов агфляции прошлых лет: рост цен на наблюдаемые продовольственные товары составил в 2020 году (декабрь 2020 к декабрю 2019) 106,7%, что являлось самым высоким показателем за последние 5 лет — с момента введения санкций в отношении России и принятия ответных защитных мер по ограничению импорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия в 2014 году [1].

В настоящее время граждане России пребывают в состоянии продовольственной небезопасности, ощущают свою незащищенность от периодических ценовых скачков на основные продукты питания. Несмотря на предпринимаемые исполнительной властью меры и личное вмешательство главы государства в процесс ценового урегулирования, инфляционные скачки повторяются с периодичностью, переходящей в устойчивую тенденцию. Индекс цен на продовольственные товары в декабре 2021 года по отношению к декабрю 2020 года составил 110,6%, опережая рост как базового индекса потребительских цен (108,9%), так и годовой индекс цен на продовольственные товары в предшествующем 2020 году (106,7)¹. Согласно официальной позиции Минэкономразвития России, одна из основных причин роста внутренних цен на продовольствие заключается в воздействии внешнего фактора, а именно в повышательной динамике мировых цен², однако

¹ Об индексе потребительских цен в декабре 2021 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1_12-01-2022.html (дата обращения 22.02.2022). По оценкам Экспертно-аналитического центра агробизнеса «АБ-Центр», рост цен выше уровня инфляции демонстрировали 82 товара из проанализированных 121, рост цен на продукты питания свыше 25% отмечался у 9 товаров, свыше 10% — у 73 товаров, снижение наблюдалось только у 3 товаров. См.: Цены на продукты питания в России и их изменение за год, данные на декабрь 2021 года // Экспертно-аналитический центр агробизнеса «АБ-Центр». URL: <https://ab-centre.ru/news/ceny-na-produkty-pitaniya-v-rossii-i-ih-izmenenie-za-god-dannye-na-dekabr-2021-goda> (дата обращения 22.02.2022).

² Стенограмма брифинга Максима Решетникова о ситуации с ценами на продукты и реализации общенационального плана восстановления экономики. 4 февраля 2021 г. // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/stenogramma_briefinga_maksima_reshetnikova_o_situacii_s_cenami_na_produkty_i_realizacii_

ранее было показано, что главным фактором этого роста является отнюдь не «внешняя», а плохо контролируемая «внутренняя» инфляция [1].

Драматичная ситуация, складывающаяся на рынке продовольствия, заставляет по-новому взглянуть на Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации (далее также — Доктрина) — как в концептуальном, так и в прикладном плане. Нужен ли подобный документ, в чем состоит прикладная роль Доктрины и как она реализуется на практике?

Указом Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20³ была принята обновленная Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. С момента утверждения первой редакции Доктрины⁴ прошло 10 лет, произошедшие за этот немалый срок количественные и качественные изменения в агропромышленной сфере, безусловно, требовали внесения в нее соответствующих коррективов [2]. Сопоставительному анализу двух редакций Доктрины посвящено немало содержательных публикаций. В частности, отмечаются изменения, затронувшие структуру документа, основные термины и определения, систему показателей, перечень рисков и угроз продовольственной безопасности Российской Федерации [3]. Э.М. Лубкова и А.Э. Шилова акцентируют внимание на уточнении приоритетов Доктрины и усилении ее целевого блока за счет включения двух новых разделов: «Национальные интересы в сфере продовольственной безопасности» и «Стратегическая цель и основные задачи обеспечения продовольственной безопасности» [4]. На уточнение целей, расширение круга решаемых задач, конкретизацию исходных понятий указывают И.Г. Ушачев и В.С. Чекалин [5].

Тем не менее, не могу разделить оптимизма в отношении роли и значения внесенных дополнений и изменений для практического решения задач обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации. Действительно, в новой редакции развиваются — углубляются и технически корректируются — исходные принципы, заложенные в первой редакции, однако при этом сохраняются все ее концептуальные изъяны, неоднократно критиковавшиеся ранее [6, 7].

Безусловно, фундаментальные предпосылки обеспечения продовольственной безопасности создаются мерами структурного характера, инновационной трансформацией отечественной экономики, созданием новых высокопроизводительных мест, развитие рыночной инфраструктуры, на базе чего будет обеспечен общий рост доходов российского населения и качественный сдвиг в преодолении социального неравенства. В данной статье рассматриваются специфические проблемы модернизации национальной продовольственной системы как составной части процесса трансформации национальной экономики.

2. Предметная область Доктрины

Совершенно справедливым является утверждение В.И. Ленина, высказанное по другому поводу, но имеющее общеметодологическое значение: «...Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу

obshchenacionalnogo_plana_vosstanovleniya_ekonomiki.html (дата обращения 09.12.2021).

³ Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

⁴ Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

бессознательно для себя «наткаться» на эти общие вопросы»⁵. В нашем случае таким общим вопросом является определение предмета регулирования Доктрины, вытекающего из признаков/критериев продовольственной безопасности.

На рисунке представлена принципиальная схема связей (*Mind map*) системы обеспечения продовольственной безопасности. Основной методологический изъян новой редакции Доктрины — сохраняющийся дуализм в трактовке понятия «продовольственной безопасности» без предварительного анализа совместимости и соподчиненности двух предлагаемых критериев: продовольственной независимости и всеобщей доступности (экономической и физической) продовольствия [7, 8].

При прочих равных условиях все дальнейшие новации и дополнения лишь отдаляют нас от действительного решения проблем в сфере продовольственной безопасности. Во-первых, два используемых в Доктрине равноценных критериальных признака продовольственной безопасности могут в определенных условиях вступать в противоречие друг с другом. Действительно, продовольственная независимость страны, трактуемая как отказ от импорта либо его сокращение, еще не гарантирует продовольственной безопасности ее населения как всеобщего права на адекватное питание [8].

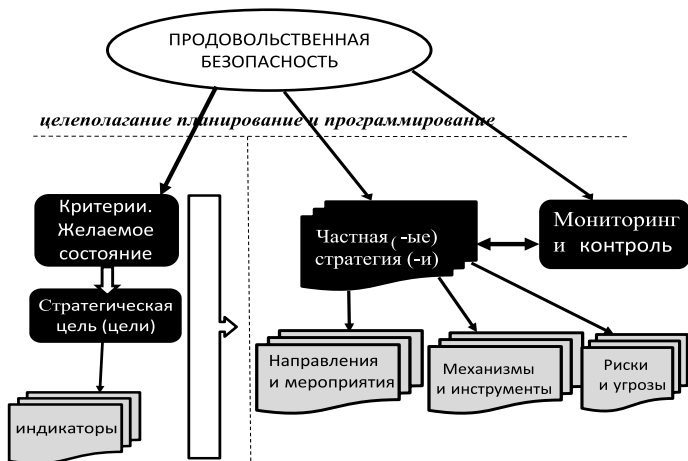

Рисунок. Принципиальная схема связей (*Mind map*) системы обеспечения продовольственной безопасности

Импортозамещение может сопровождаться снижением экономической доступности продовольствия и ухудшением продовольственного статуса наименее обеспеченной части населения. С такой ситуацией на практике страна столкнулась в 2014 г. сразу после введения специальных защитных мер в ответ на политико-экономические санкции со стороны ряда зарубежных стран⁶. Известно, что защита единого общеевропейского рынка сельскохозяйственной продукции и продовольствия в рамках реализации Римско-

⁵ Ленин В.И. Отношение к буржуазным партиям // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 15. М.: Издательство политической литературы, 1972. С. 368.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации».

го договора 1957 г. также привела к заметному росту внутренних потребительских цен на соответствующую продукцию в сравнении с ценами мирового рынка⁷. Таким образом, необходимо, по крайней мере, определить соподчиненность, иерархию двух критериев.

Во-вторых, действующая редакция Доктрины неоправданно расширяет круг ее компетенций, что, выражаясь шахматным языком, создает «перегрузку» и не позволяет должным образом решать основную задачу обеспечения продовольственной безопасности. Часть основных задач и направлений «обеспечения продовольственной безопасности», установленных Доктриной (разделы V, VI), на самом деле выходит за рамки собственно продовольственной безопасности и должна реализовываться в рамках других документов стратегического планирования, как-то: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (в части регулирования доли импортного продовольствия и сырья для его производства), Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы и др. С другой стороны, обеспечение продовольственной безопасности населения является макроэкономической задачей, выходящей за рамки собственно агропромышленного производства и аграрной политики и требующей проведения активной политики в области доходов населения и регулирования розничных цен, а также использования специальных механизмов распределения продовольствия для социально незащищенных слоев населения⁸. Необходимость создания таких механизмов внутренней продовольственной помощи декларируется в Доктрине, однако практическая работа в этом направлении фактически свернута [9].

3. Стратегическая цель Доктрины и способы ее обеспечения

Отмеченное внутреннее противоречие Доктрины может быть разрешено путем разграничения стратегической цели продовольственной безопасности, с одной стороны, и способов, или стратегий (в узком смысле этого слова) ее достижения, с другой.

Продовольственная безопасность имеет тесную коннотацию со *всеобщим правом на адекватное питание*⁹. Аутентичное понимание продовольственной безопасности,

⁷ Цели и принципы единой аграрной политики ЕС // Инфопедия. URL: <https://infopedia.su/18x75dd.html> (дата обращения 01.12.2021).

⁸ В разъясняющем документе Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам констатируется: «Экономическая доступность подразумевает наличие любого механизма приобретения или права, которые позволяют людям получать продовольствие <...>. Социально уязвимые группы <...> могут нуждаться в особом внимании по линии специальных программ». См.: Вопросы существа, возникающие в ходе осуществления международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах. Замечание общего порядка 12. П. 5 // United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G99/420/14/PDF/G9942014.pdf?OpenElement> (дата обращения 27.02.2022).

⁹ Бывший Специальный докладчик ООН по вопросу о праве на питание Оливье де Шуттер сформулировал это понятие следующим образом: «Право на питание — это право каждого человека отдельно или совместно с другими иметь в любое время физический и экономический доступ к достаточному, адекватному и приемлемому в плане культуры продовольствию, производимому и потребляемому устойчивым образом с сохранением доступа к продовольствию для будущих по-

зафиксированное во всех официальных международных документах, не содержит упоминания продовольственной независимости. В одном из последних (по времени публикации) официальных определений продовольственной безопасности утверждается: «Четырьмя основами продовольственной безопасности являются следующие: наличие, доступ, использование и стабильность»¹⁰. Продовольственная независимость не имеет логико-генетических связей ни с основными признаками (всеобщность права и адекватность питания), ни с фундаментальными основами продовольственной безопасности (наличие, доступ, использование, стабильность). В этой связи следует отметить, что в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, например, продовольственная безопасность и продовольственная независимость разграничиваются и рассматриваются как два самостоятельных понятия (подпункт «г» пункта 15)¹¹.

Продовольственная безопасность населения означает, что все группы населения имеют равный доступ к определенному набору продуктов питания, обеспечивающему ведение здорового и активного образа жизни. Здесь важно сделать два замечания. Во-первых, понятие продовольственной безопасности всегда контекстуально. Ранее было показано, что обеспечение продовольственной безопасности представляет собой непрерывный процесс, в ходе которого меняются как представления о стандартах здорового и достаточного (адекватного) питания [11, 12], так и возможности государства по их удовлетворению. На данном этапе таким стандартом выступают рациональные нормы потребления, в дальнейшем может быть поставлен вопрос о предпочтениях граждан относительно потребляемого набора продуктов. В последних документах Комитета по всемирной продовольственной безопасности этот вектор развития обозначается термином «субъектность»¹². Во-вторых, формулу «наличие у всех людей постоянного физического, социального и экономического доступа к достаточному количеству безопасной и питательной пищи» не следует понимать буквально. Такое сознательное искажение (утрирование) важнейшего признака продовольственной безопасности иногда используется для критики концепции продовольственной безопасности как таковой и, в частности, системы внутренней продовольственной помощи как компоненты ее обеспечения. Речь идет о *принципиальной возможности, или праве на* «равный и постоянный доступ к адекватному питанию» для всех групп населения, независимо от уровня доходов, имущественного и социального статуса. Естественно, в рамках

колений» (The right to food is the right of every individual, alone or in community with others, to have physical and economic access at all times to sufficient, adequate and culturally acceptable food that is produced and consumed sustainably, preserving access to food for future generations)» [10, p. 3].

¹⁰ Полностью это определение звучит следующим образом: «Продовольственная безопасность считается достигнутой при наличии у всех людей постоянного физического, социального и экономического доступа к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и вкусовые предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни. Четырьмя основами продовольственной безопасности являются следующие: наличие, доступ, использование и стабильность...». См.: Комитет по всемирной продовольственной безопасности. Глобальный стратегический механизм в области продовольственной безопасности и питания. Рим, 2017. С. 8.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», подпункт «г» пункта 15.

¹² См., например, Доклад группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания на период до 2030 года. Рим, 2020. С. 7–8, 91 // FAO. URL: <https://www.fao.org/3/ca9731ru/ca9731ru.pdf> (дата обращения 27.02.2022).

различных групп всегда будут граждане, не получающие постоянного доступа к адекватному питанию в силу той или иной жизненной ситуации.

Цель, соответствующая букве и духу международных представлений и соглашений, в Доктрине поставлена: «Стратегической целью обеспечения продовольственной безопасности является обеспечение населения страны безопасной, качественной и доступной сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием в объемах, обеспечивающих рациональные нормы потребления пищевой продукции». По всем правилам формальной логики, которым подчиняется и логика стратегического планирования, вся архитектура Доктрины — целевые индикаторы, задачи, частные стратегии (в узком смысле слова), мероприятия — должна выстраиваться вокруг этой стратегической цели [13]. Однако в тексте Доктрины эта внутренняя логика постоянно нарушается. К примеру, индикаторы продовольственной безопасности установлены в тексте Доктрины ранее, чем поставлена стратегическая цель, и в число этих индикаторов включены показатели самообеспеченности, не имеющие причинно-следственной связи со стратегической целью Доктрины, поскольку потребителю совершенно безразлично, за счет каких источников защищается его право на адекватное питание. Безусловно, в рамках принятой стратегии самообеспеченности соответствующие показатели имеют право на существование, но они должны иметь подчиненный характер по отношению к основным показателям доступности продовольствия.

В каком же соотношении находятся два рассматриваемых понятия? В Плане действий Всемирного продовольственного саммита 1996 г. заявляется, что «каждая страна должна принять стратегию, соответствующую ее ресурсам и возможностям, для достижения своих индивидуальных целей...»¹³. Продовольственная безопасность и продовольственная независимость соотносятся как стратегическая цель и стратегия (в узком смысле слова), или способ ее обеспечения, соответственно. Стратегия обеспечения продовольственной безопасности — это всегда политический выбор, опирающийся на анализ сильных и слабых сторон (преимуществ и уязвимостей), возможностей и рисков, и заключенный в определенные временные рамки. Как будет показано далее, на наших глазах стратегия обеспечения продовольственной безопасности фактически меняется, трансформируется.

Далее, следует различать продовольственную независимость и самообеспеченность, которые в обеих редакциях Доктрины фактически отождествляются. Первая является родовым понятием, второе — видовым. Продовольственная независимость — это готовность проводить суверенную агропродовольственную политику в соответствии с национальными интересами и приоритетами, установленными в том числе в документах стратегического планирования¹⁴. Альтернативами продовольственной независимости

¹³ Дается в авторском переводе: «Each nation must adopt a strategy consistent with its resources and capacities to achieve its individual goals and, at the same time, cooperate regionally and internationally in order to organize collective solutions to global issues of food security». См.: World Food Summit Plan of Action, i.1 // FAO. World food summit, 13–17 November 1996. Rome, Italy. URL: <http://www.fao.org/docrep/003/w3613e/w3613e00.htm> (дата обращения: 29.11.2021).

¹⁴ Понятие продовольственной независимости имеет тесные связи с концепцией продовольственного суверенитета, отрицающей главенство правил ВТО, а также с концепцией многофункциональности (многофункциональной роли) сельского хозяйства. Согласно концепции продовольственного суверенитета, народы обладают правом «самостоятельно определять характер производства продовольствия и сельскохозяйственной продукции; защищать и регулировать отечественное сельскохозяйственное производство с целью выполнения задач устойчивого развития; определять степень своей самодостаточности; ограничивать демпинг на своих рынках». См.: Peoples' Food

являются безоговорочное следование принципам ВТО либо зависимое положение национальной продовольственной системы от поставок продуктов питания по линии гуманитарной помощи, связанных кредитов и иных форм экономической зависимости. Самообеспеченность (в том числе импортозамещение, как форма ее реализации при определенных условиях на заданном временном отрезке) является одной из возможных стратегий реализации продовольственной независимости, но не тождественна ей [8]. Даже в Продовольственной программе СССР (при всей закрытости советской экономики) не ставилась задача обеспечения максимальной автономности внутреннего продовольственного рынка, приоритет отдавался росту потребления.

Мотивы продовольственной самообеспеченности актуализируются в переходные периоды и переломные моменты, когда возникают развилки в выработке продовольственных стратегий. Стратегия продовольственной самообеспеченности страны целесообразна и наиболее эффективна в случаях, когда по тем или иным причинам нарушаются нормальные условия производства и/или международной торговли продовольствием. В 50-е годы прошлого столетия многие страны акцентировали внимание на продовольственной самообеспеченности в результате того, что военные действия нарушили налаженные ранее торговые связи, а также под воздействием платежного кризиса. Нехватка валюты для осуществления расчетов за продовольствие вынуждала многие страны (в частности, Латинской Америки) сокращать его ввоз даже на фоне дефицита внутреннего производства. В нашей стране концепция самообеспеченности также сформировалась в определенном историческом контексте — в обстановке противодействия глубокому политическому и экономическому кризису 1990-х годов, когда в результате неолиберальных опытов над аграрной экономикой российское сельское хозяйство было поставлено в условия жесткой внешней конкуренции, к которой оно не было готово ни в финансовом, ни в институциональном, ни в организационном плане. В итоге внутренний продовольственный рынок заполнила некачественная импортная продукция. В результате принятия защитных контрмер в 2014 г. стратегия самообеспеченности приняла модифицированную форму импортозамещения¹⁵. Наконец, в ходе глобального продовольственного кризиса 2007–2008 гг. многие страны усилили протекционистские меры, реагируя на аномальный (выходящий за рамки устоявшихся тенденций) рост цен на продовольственные товары¹⁶.

В результате внешней реакции на начало специальной операции на Украине также начинает складываться ситуация, требующая перехода к новой фазе импортозамещения — замещения зарубежных технологий и некоторых видов ресурсов¹⁷. Многие авторы справедливо обращают внимание на то, что в процессе ускоренного импортозамещения может

Sovereignty — WTO Out Of Agriculture // La Via Campesina. URL: <https://viacampesina.org/en/peoples-food-sovereignty-wto-out-of-agriculture/> (дата обращения: 25.01.2022).

¹⁵ Указ Президента РФ от 6 августа 2014 года № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации».

¹⁶ Журнал *The Economist* писал по этому поводу: «Рост цен на продовольствие в 2007–2008 годах заставил все страны беспокоиться о «продовольственной безопасности» — и это справедливо. Но за прошедший год «продовольственная безопасность» (обеспечение всеобщего доступа к достаточному продовольствию) трансформировалась в «продовольственную самообеспеченность». Самообеспеченность стала основной политической целью во многих странах». См.: *How to feed the world. Business as usual will not do it* // *The Economist*. Nov 19th 2009. URL: <http://www.economist.com/node/14915144> (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁷ Эта ситуация потребует специального анализа, выходящего за рамки статьи.

расти зависимость страны от импорта ресурсов для производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, что и происходит в настоящее время [14, 15]. В одной из ранее опубликованных работ этот феномен был назван парадоксом современного импортозамещения [16]. Очевидно, что впредь заявленная политика импортозамещения должна формулироваться и реализовываться более широко и системно, охватывать не только конечную продукцию, но и продукцию связанных с сельским хозяйством отраслей и производств, прежде всего тех, которые определяют научно-технический прогресс в агропродовольственном комплексе. Есть еще один нюанс, не нашедший пока отражения в современных исследованиях и требующий уточнения: когда мы говорим о самообеспеченности, имеется ли в виду лишь место производства продукции (продукция производится на территории Российской Федерации), либо необходимо также учитывать, производится ли данная продукция национальным производителем либо зарубежными корпорациями и/или их дочерними предприятиями [в этой связи см. 17]? Иными словами, соответствует ли проникновение ТНК на внутренний продовольственный рынок критерию продовольственной независимости, либо следует ограничить их присутствие¹⁸?

Обратной стороной импорта продукции АПК является ее экспорт. Естественным образом мы подошли к тому периоду развития отечественного сельского хозяйства, когда экспорт продукции АПК начинает оказывать не меньшее влияние на состояние продовольственной безопасности российского населения, чем ее импорт. Расширение экспортных возможностей АПК является одним из приоритетов современной аграрной политики, закрепленным в национальном проекте «Международная кооперация и экспорт». В Национальном докладе о ходе и результатах реализации в 2019 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия впервые достаточно акцентированно прозвучал тезис о фактической смене модели развития АПК с импортозамещающей на экспортно ориентированную¹⁹. Аналогичной позиции придерживаются некоторые отечественные исследователи [18], в том числе отмечающие, что «проблема импортозамещения остается на повестке дня, однако акцент переносится на экспортно-ориентированную модель развития отрасли и достижение экономической доступности продовольствия в границах соответствующих индикаторов (пороговых значений)» [19, с. 118–119]. Действительно, в 2020 году экспорт сельскохозяйственной продукции впервые превысил ее импорт, и обновленная стратегия обеспечения продовольственной безопасности должна учитывать этот тренд. В действующую редакцию Доктрины включены две новые задачи: 1) «достижение положительного сальдо в международной торговле основными видами сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», 2) «реализация экспортного потенциала с учетом приоритета самообеспечения страны отечественной сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием...». Однако, во-первых, как совершенно справедливо отмечает М.Г. Прокопьев, «данные цели внутренне противоречивы: с одной стороны, ставится задача роста экспорта и достижение положительного сальдо торгового баланса, с другой — данный рост ограничивается приоритетом самообеспечения продовольствием» [19]. Во-вторых, в соответствии с критикуемой общей концепцией Доктри-

¹⁸ Актуальность этой проблемы подтверждается действиями ТНК в отношении своей деятельности на территории РФ после начала специальной операции на Украине.

¹⁹ Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2019 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. М., 2020. С. 13.

ны в качестве ограничивающего экспорт фактора предлагается уровень самообеспеченности (критерий второго порядка), а не доступности продовольствия (критерий первого порядка). Наконец, в-третьих, между сальдо международной торговли продовольствием и продовольственной безопасностью нет прямой связи: если, предположим, будет сокращен импорт тропических фруктов при одновременном увеличении экспорта мясной продукции и зерна, это не приведет автоматически к укреплению продовольственной безопасности. В данном случае нужен более глубокий анализ внешнеторговых операций в продуктовом разрезе.

Надо иметь в виду, что рост экспорта произошел в основном не за счет наращивания его натуральных объемов, а в результате существенного роста цен мирового рынка, усиливающего при прочих равных условиях привлекательность вывоза продовольствия за пределы страны и формирующего «идеологическое» обоснование роста внутренних цен. Пока эмпирические исследования свидетельствуют о том, что увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия в современном российском контексте усиливает флуктуацию внутренних цен на продукты питания и приводит к ухудшению продовольственного статуса российского населения, прежде всего, его малообеспеченных слоев [1]. Доктрина эти изменения не отражает.

4. Об индикаторах Доктрины

Используемый в Доктрине набор показателей продовольственной безопасности составлен с нарушением принципа иерархии и не отвечает принципу необходимости и достаточности.

В качестве основных индикаторов обеспечения продовольственной безопасности в Доктрине как *равнозначные* используются пороговые значения показателей (в использованной в Доктрине последовательности):

- продовольственной независимости;
- экономической и физической доступности продовольствия;
- соответствия пищевой продукции требованиям законодательства Евразийского экономического союза о техническом регулировании.

Экономическая доступность продовольствия в Доктрине определяется как отношение фактического потребления основной пищевой продукции *на душу населения* к рациональным нормам ее потребления, отвечающим требованиям здорового питания, и имеет пороговое значение 100 процентов. Прежде всего, само собой разумеется, что пороговое значение может быть отнесено только к отдельным продуктам и неприменимо к их набору. Далее, продовольственная безопасность — это проблема не только производства, но и последующего распределения и потребления. Приведенная формулировка вызывает возражения: оценка экономической доступности продовольствия по усредненным среднестатистическим показателям недопустима по определению, она выхолащивает саму суть проблемы продовольственной безопасности, поскольку игнорирует существенные различия в уровне потребления основных продуктов питания разными группами населения с различным уровнем доходов [20]. Несостоятельность среднестатистического показателя доказательно иллюстрируют данные Росстата о потреблении основных продуктов питания в разрезе децильных групп населения. Действительно, если обратиться к данным Росстата, то при относительно благоприятной продовольственной ситуации в среднем обнаруживается существенный дефицит потребления белков, продуктов животного про-

исхождения и наиболее ценных продуктов питания (мясо и мясопродукты, молоко и молокопродукты, овощи, фрукты) в группах с низкими доходами (табл. 1).

Как видно из табл. 1, в среднем по стране превышены нормы рационального питания по мясу и мясопродуктам, рыбе, яйцам, однако потребление этих продуктов в низшей (первой) доходной группе значительно от них (норм) отстает. В низших доходных группах значительно меньше потребляется овощей, фруктов, мясных и молочных продуктов. Аналогичная картина наблюдается в отношении пищевой и энергетической ценности рациона питания.

Таблица 1

Потребление основных продуктов питания в среднем и по 10-ти процентным группам населения в 2020 году (в среднем на члена домашнего хозяйства)

	Рациональные нормы потребления ²⁰	все домашние хозяйства	первая группа	шестая группа	десятая группа
<i>Потребление основных продуктов питания, кг в год:</i>					
хлеб и хлебные продукты	96	96	86	98	94
картофель	90	56	49	59	54
овощи и бахчевые	140	104	68	111	121
фрукты и ягоды	100	77	43	80	106
мясо и мясные продукты	73	92	61	96	111
молоко и молочные продукты	325	271	178	279	348
яйца, шт.	260	239	179	238	285
рыба и рыбные продукты	22	22	14	23	30
сахар и кондитерские изделия	24	31	24	32	33
масло растительное и другие жиры	12	10	9	11	11
<i>Пищевая ценность, г в сутки:</i>					
белки		81	59	84	96
жиры		110	78	114	128
углеводы		333	275	342	351
<i>Энергетическая ценность, ккал в сутки</i>					
		2657	2044	2739	2950

Источник: данные Росстата²¹

Кроме того, этот показатель в большей степени характеризует наличие и использование продовольствия, нежели его экономическую доступность. Как известно, продовольственная безопасность — это не просто доступность продуктов питания, а способ-

²⁰ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614 «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания».

²¹ Потребление, пищевая и энергетическая ценность продуктов питания в домашних хозяйствах // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ANvrRBXm/potr07_12.xlsx (дата обращения 27.02.2022); Потребление, пищевая и энергетическая ценность продуктов питания по 10-процентным группам населения в 2020 г. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/wP2m0EDw/potr07_13.xlsx (дата обращения 27.02.2022).

ность удовлетворять потребности в здоровой, достаточной пище без ущерба или угрозы другим потребностям индивида²². Нельзя сказать, что экономическая доступность продовольствия обеспечена в полной мере, если приобретение стандартного набора продуктов питания вынуждает домашние хозяйства сокращать общественно-нормальное потребление непродовольственных товаров и услуг. Доля затрат на приобретение продуктов питания требует особого мониторинга и контроля, поскольку в нашей стране значение этого индикатора чрезвычайно велико и существенно дифференцировано в разрезе групп населения и регионов страны [21, 22, 23].

В целях оценки и мониторинга продовольственной независимости (точнее, самообеспеченности) Доктрина устанавливает пороговые значения уровня самообеспеченности по зерну, сахару, растительному маслу, мясу и мясопродуктам, молоку и молокопродуктам, рыбе и рыбопродуктам, картофелю, овощам и бахчевым, фруктам и ягодам, семенам основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции, соли пищевой. Согласно Национальному докладу о ходе и результатах реализации в 2020 году Государственной программы развития сельского хозяйства <...>, уровень самообеспеченности по зерну, растительному маслу, рыбе и рыбопродуктам значительно превосходит внутреннее потребление (167,6, 195,9 и 149,7% соответственно)²³. Есть ли резон в установлении целевых показателей, которые давно достигнуты и даже устойчиво превышены?

Критерий соответствия качества продовольствия установленным требованиям является излишним, поскольку эта норма прямо регулируется текущим законодательством.

5. О механизмах и инструментах обеспечения продовольственной безопасности

Все отмеченные недостатки Доктрины критиковались и ранее, но почти одновременно с утверждением новой редакции Доктрины был принят ряд управленческих решений, которые, собственно, и подтолкнули к выводу, вынесенному в заголовок данной статьи. Эти решения лишили Доктрину инструментов ее практической реализации; без наличия таких инструментов любые установки Доктрины превращаются в благие пожелания.

Первое решение — принятие новой редакции Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (далее — Госпрограмма)²⁴, из которой была изъята цель «Обеспечение продовольственной независимости Российской Федерации в соответствии с Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации <...>, с учетом экономической и территориальной доступности продукции агропромышленного комплекса». Согла-

²² Вопросы существа, возникающие в ходе осуществления международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах. Замечание общего порядка 12. П. 4 // United Nations. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G99/420/14/PDF/G9942014.pdf?OpenElement> (дата обращения 27.02.2022).

²³ Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2020 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. М., 2021. С. 20–21.

²⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2021 г. № 1474 «О внесении изменений в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации».

сима, названная цель не обеспечивалась необходимыми программными мероприятиями, однако разработчики Госпрограммы пошли путем наименьшего сопротивления: нет цели — нет проблемы. Негативные последствия этого шага рассмотрены в [24]. Исключение из Госпрограммы названной цели разрушило всю архитектуру документов стратегического планирования. Цели и приоритеты Доктрины не каскадированы до уровня операциональных задач плановых документов и не обеспечиваются необходимыми программными мероприятиями и финансированием. Иные документы стратегического планирования в сфере программирования и планирования для достижения целей Доктрины, помимо Госпрограммы, не разработаны.

Второе решение — это переход к новой методологии определения прожиточного минимума²⁵. Если ранее величина прожиточного минимума определялась, исходя из стоимости условной потребительской корзины, т.е. привязывались к расходам, то теперь она определяется на основе величины медианного среднедушевого дохода за предыдущий год. Но ведь в конечном счете уровень бедности определяется не уровнем дохода как таковым, а объемом потребительских благ и услуг, которые потребитель может позволить себе приобрести на свои доходы. Величина прожиточного минимума в его современном понимании оторвана от какого-либо натурального эквивалента и, соответственно, не позволяет оценивать его истинную покупательную способность. Теоретически даже при росте абсолютной величины прожиточного минимума (в рублях) его покупательная способность может снижаться.

Но главное заключается не в этом. Ранее действовавшая методология устанавливала связь между наблюдаемым уровнем бедности и состоянием продовольственной (не)безопасности отдельных категорий граждан, поскольку в основу стоимости потребительской корзины была положена стоимость минимального набора продуктов питания. И этот выбор выглядел вполне логичным как с методологической, так и практической точек зрения. Точно так же, как производство продуктов питания составляет основу всякого производства, а потребление продовольствия лежит в основании «пирамиды потребностей», так и расходы на питание составляют естественную точку отсчета всех потребительских расходов. Сейчас прожиточный минимум лишен такой наглядной картины: новая методология не дает вразумительного обоснования того, почему соотношение величины прожиточного минимума и величины медианного среднедушевого дохода устанавливается в размере 44,2 процента, а не в какой-либо иной доле²⁶.

Согласимся, сама методика определения стоимости минимальной потребительской корзины имела свои недостатки. В частности, использовавшийся в последние годы нормативно-статистический метод формирования минимальной потребительской корзины очевидным образом завышал долю расходов на оплату продовольственных товаров. Высокая доля нормативных расходов на приобретение продуктов питания в совокупных расходах домашних хозяйств (до 50%) превышала как фактическую долю расходов на питание в стране, так и долю расходов, характерную для модели потребления в большинстве развитых стран мира [22, 23]. Однако этот недостаток, как и большинство недостатков

²⁵ Федеральный закон от 29.12.2020 № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

²⁶ С большой вероятностью, это соотношение просто «подтягивает» величину прожиточного минимума до уровня, который установился при расчетах по старой методологии.

нормативно-статистической модели определения стоимости минимальной потребительской корзины, мог бы быть преодолен в рамках старой методологии определения прожиточного минимума [11, 25].

Наконец, последнее по очередности, но не по важности обстоятельство. Старая методология давала представление о том, как, какими путями можно и следует повышать порог бедности — прежде всего, увеличивать производство продовольствия и на этой основе снижать расходы домохозяйств на его приобретение, параллельно развивать систему внутренней продовольственной помощи. Новая методология таких представлений, кроме самого императива повышать доходы граждан, не дает. Программа внутренней продовольственной помощи, так и не стартовав, фактически свернута.

Выводы. Что делать?

Анализ содержания Доктрины свидетельствует о необходимости внесения значимых изменений и дополнений в ее содержание и структуру.

Стратегической целью обеспечения продовольственной безопасности следует считать обеспечение всеобщей доступности (физической и экономической) сбалансированного набора продуктов питания, отвечающего меняющимся стандартам здорового, полноценного питания с учетом вкусовых и иных предпочтений каждого индивида. Достаточно гибкая формулировка означает, что постоянство целей и общей концепции продовольственной безопасности сопровождается сменой конкретных количественных ориентиров и частных стратегий.

Для достижения стратегической цели могут реализовываться *частные стратегии*, включающие набор мероприятий и инструментов для достижения стратегической цели на ограниченном временном отрезке и/или в разрезе отдельных продуктовых групп. В связи с этим целесообразно предусмотреть автоматический пересмотр Доктрины, например, раз в пять лет.

Для всех частных стратегий устанавливаются общие приоритеты и «красные линии»:

- максимальное использование собственного агроэкономического потенциала без ущерба интересам потребителей, сочетание импортозамещения со взвешенной политикой импорта отдельных видов продукции АПК;

- сбалансированное развитие агропромышленного производства и отраслей, обеспечивающих сельское хозяйство ресурсами и современными технологиями, недопущение технико-технологического отставания отечественного АПК;

- реализация экспортного потенциала с учетом приоритета экономической доступности продовольствия, недопущение влияния внешней конъюнктуры на рост цен внутреннего продовольственного рынка. Стимулирование экспорта, равно как и импортозамещение, не должно ухудшать продовольственную ситуацию на внутреннем рынке;

- сочетание мер структурной политики в АПК, активной политики в сфере повышения доходов населения и регулирования цен, а также специальных мер поддержки малообеспеченных;

- паритет мер государственной поддержки сельскохозяйственных производителей и доходов домашних хозяйств. Субсидирование и иные меры поддержки производителей (в том числе экспорта) не должны противоречить целям и задачам обеспечения продовольственной безопасности (экономической доступности продовольствия).

Согласно современным представлениям, отсутствие продовольственной безопасности — ситуация, при которой люди лишены доступа к достаточному количеству безопасной и питательной пищи для нормального роста и развития, здоровой и активной жизни. Причинами отсутствия продовольственной безопасности могут стать отсутствие продовольствия, недостаточная покупательная способность, недолжное распределение или неадекватное использование продовольствия на уровне домохозяйства²⁷. Именно по этим векторам и надо контролировать состояние продовольственной безопасности российского населения. Принятая система индикаторов некорректно отражает цели и приоритеты обеспечения продовольственной безопасности и этим требованиям не отвечает²⁸.

Достижение цели и выполнение частных стратегий может оцениваться и контролироваться с помощью *системы ключевых индикаторов*, включенных в табл. 2 (в классификации ФАО)²⁹.

На уровне оценки баланса продовольственных ресурсов оцениваются доли запасов, ввоза, вывоза соответствующих товаров по действующей методологии Росстата.

Для показателей потребления в краткосрочном периоде пороговыми (иначе — целевыми) ориентирами Доктрины являются рекомендации Минздрава России по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания. Ввиду существенных различий в потреблении между децильными группами следует использовать линейку соответствующих показателей. При прочих равных условиях наиболее точной характеристикой уровня продовольственной безопасности населения было бы отношение фактического потребления основной пищевой продукции к рациональным нормам ее потребления в группе с наименьшими среднедушевыми доходами (первая децильная группа); этот индикатор может использоваться для оперативного мониторинга продовольственной безопасности без углубления в детали проблемы. В дальнейшем могут использоваться другие критерии здорового и полноценного питания.

Шкала опыта продовольственной небезопасности (*The Food Insecurity Experience Scale, FIES*) относится к категории индикаторов восприятия. Оценка продовольствен-

²⁷ Доклад ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире — 2017. Повышение устойчивости к внешним воздействиям в целях обеспечения мира и продовольственной безопасности». Рим, 2017. С. 107.

²⁸ Нынешняя ситуация вызывает аллюзию со старым анекдотом: «В целях борьбы с вредителями Министерство сельского хозяйства Китая стало выплачивать по одному юаню за каждую сданную саранчу. Китайские крестьяне стали выращивать саранчу».

²⁹ В мировой практике используются интегрированные (сводные) показатели продовольственной безопасности. В частности, исследовательское подразделение Economist Impact разрабатывает Глобальный индекс продовольственной безопасности (The Global Food Security Index, GFSI). Индекс представляет собой динамическую модель количественного и качественного сравнительного анализа, построенную на основе 58 показателей в категориях доступности, наличия, качества и безопасности продуктов питания, а также природных ресурсов и устойчивости (последняя категория — с 2017 г.) в 113 странах (2021 г.). Общая цель исследования состоит в том, чтобы оценить, какие страны наиболее и наименее уязвимы к отсутствию продовольственной безопасности в совокупности и в разрезе названных категорий. С методологией измерения индекса можно ознакомиться по адресу: URL: <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/Home/Methodology> (дата обращения 12.02.2022).

Таблица 2

Рекомендуемые индикаторы продовольственной безопасности

Наличие	Доступ	Использование	Стабильность
Темпы роста валовой продукции сельского хозяйства и продукции пищевой промышленности	Доля расходов на приобретение продуктов питания в совокупных потребительских расходах домохозяйств	Среднедушевое потребление основных продуктов питания (в том числе в разрезе децильных групп)	Волатильность валовых сборов зерновых
Балансы продовольственных ресурсов и производные показатели	Соотношение индексов потребительских цен и цен на продовольственные товары	Пищевая и энергетическая ценность продуктов питания (в том числе в разрезе децильных групп)	Уровень зависимости от импорта семенного и генетического материала
	Число нуждающихся во внутренней продовольственной помощи	Оценки продовольственной безопасности домохозяйств на основе Шкалы опыта продовольственной небезопасности	Доля мелиорируемых земель в составе сельскохозяйственных угодий
	Стоимость набора продуктов питания		Уровень государственной поддержки (рентабельность сельскохозяйственного производства с учетом и без учета субсидий)
			Волатильность розничных цен на продукты питания

ной безопасности домохозяйств на основе Шкалы используется ФАО с 2014 года с привлечением результатов опроса *Gallup World Poll (GWP)*. Модуль обследования *FIES (FIES-SM)* состоит из восьми вопросов, касающихся доступа людей к достаточному питанию, и может быть легко интегрирован в различные типы обследований населения. Вопросы сосредоточены на самооценке поведения, связанного с едой, и на индивидуальном опыте домохозяйств, связанном с трудностями в доступе к еде из-за нехватки ресурсов³⁰.

Стоимость базового набора продуктов питания определяется по номенклатуре Росстата, используемой в еженедельном наблюдении средних потребительских цен и тарифов на 106 товаров и услуг и оценке ИПЦ.

Доля расходов на приобретение продуктов питания в совокупных потребительских расходах домохозяйств также следует оценивать в разрезе децильных групп, ориентируясь в первую очередь на расходы домохозяйств первой децильной группы.

³⁰ Voices of the Hungry // FAO. URL: <https://www.fao.org/in-action/voices-of-the-hungry/fies/en/> (дата обращения 12.02.2022).

Но главное — это создание работающей системы управления процессом обеспечения продовольственной безопасности. Безусловно, решающими факторами обеспечения продовольственной безопасности являются динамичное и эффективное развитие отраслей АПК (со стороны предложения) и рост общего уровня доходов населения на базе структурной перестройки российской экономики (со стороны спроса). Нельзя обеспечивать продовольственную безопасность на основе различных льгот и дотаций — такая система неустойчива и неэффективна. Тем не менее, необходима и система дополнительных мер «тонкой настройки», элиминирующих в том числе провалы рынка.

В числе первоочередных шагов — восстановление цели обеспечения продовольственной безопасности в составе целей Госпрограммы, включение в Госпрограмму федерального проекта «Система внутренней продовольственной помощи» и мероприятий по оперативному регулированию цен на продовольствие (в том числе в форме государственных товарных интервенций) [1, 9, 24]. Еще одним стратегическим направлением является предметная, конкретная работа с рисками и уязвимостями национальной продовольственной системы, без чего невозможно ее устойчивое развитие [26]. Используемый в настоящее время перечень рисков и угроз продовольственной безопасности неконкретен, система мониторинга и контроля рисков не отстроена. Без этих минимально необходимых шагов Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации продолжит свое существование в статусе неработающего, декларативного документа³¹.

Список источников

1. Гумеров Р.Р. Невыученные уроки ценовых скачков на продовольственном рынке // Российский экономический журнал. 2021. № 3. С. 25–45. <http://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-3-25-45>.
2. Решетникова Е.Г. Экономическая доступность продовольствия: инструменты обеспечения в условиях новых вызовов // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 2. С. 128–136. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-128-136>.
3. Яркова Т.М. Доктрина продовольственной безопасности России — что изменилось в 2020 году // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2020. № 6. С. 7–10.
4. Лубкова Э.М., Шилова А.Э. Особенности новой доктрины продовольственной безопасности 2020 // ЭКО. 2020. № 11. С. 124–140. <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-11-124-140>.
5. Ушачев И.Г., Чекалин В.С. Новая доктрина продовольственной безопасности и меры по реализации ее основных положений // АПК: экономика, управление. 2020. № 4. С. 4–12.
6. Гумеров Р.Р. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации нуждается в концептуальной переработке // Российский экономический журнал. 2017. № 4. С. 49–68.

³¹ Во время подготовки статьи к публикации была начата специальная операция на Украине. Ее первые результаты, а также последовавшая внешняя реакция подтвердили необходимость укрепления продовольственного суверенитета страны, в том числе в сфере регулирования экспорта продовольствия и поддержания ценовой стабильности на внутреннем продовольственном рынке. Исследования в этом направлении необходимо развивать, а их результаты должны быть отражены в обновленной редакции Доктрины.

7. Паппэ Я.Ш., Антоненко Н.С., Ползиков Д.А. Продовольственная безопасность России: современный подход // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 62–74.
8. Гумеров Р.Р. Продовольственная безопасность: новые подходы к анализу содержания и оценке // Проблемы прогнозирования. 2020. № 5. С. 133–141.
9. Гумеров Р.Р. Продовольственная безопасность в контексте национальных целей Российской Федерации // ЭКО. 2020. № 12. С. 122–142. <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-12-122-142>.
10. De Schutter O. Final Report: The transformative potential of the right to food. Presented to the 25th Session of the UN Human Rights Council, United Nations General Assembly. 2014. 28 p.
11. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. Минимальная потребительская корзина: какой ей быть в нынешней России? // Российский экономический журнал. 2020. № 1. С. 54–73. <http://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-1-54-73>.
12. Ксенофонтов М.Ю., Ползиков Д.А., Гольденберг И.А., Ситников П.В. Методологические проблемы формирования концепции продовольственной безопасности в России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 5. С. 127–136.
13. Водясов П.В. Доктрина продовольственной безопасности России и ее регионов: от постановки цели к методике оценки ее достижения // Экономика. Профессия. Бизнес. 2021. № 2. С. 13–20. <http://doi.org/10.14258/epb202117>.
14. Белова Т.Н. «Сладкие» и «горькие» аргументы в пользу правильного протекционизма // ЭКО. 2021. № 12. С. 78–96. <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-12-78-96>.
15. Потапов А.П. Обеспечение ресурсной независимости аграрного производства в контексте продовольственной безопасности России // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5. С. 120–129.
16. Гумеров Р.Р., Гусева Н.В. Об эффектах и парадоксах импортозамещения в контексте национальной продовольственной безопасности // ЭКО. 2018. № 2. С. 90–102.
17. Гумеров Р.Р. Продовольственная безопасность России: проблемы и угрозы // ЭКО. 2016. № 5. С. 71–88.
18. Белугин А.Ю., Белугина Т.А. Оценка национальной продовольственной безопасности при экспортной ориентации сельского хозяйства России // АПК: экономика, управление. 2021. № 3. С. 13–19. <http://doi.org/10.33305/213-13>.
19. Прокопьев М.Г. Продовольственная безопасность и самообеспеченность продовольствием: методические аспекты // Проблемы рыночной экономики. 2021. № 3. С. 117–130. <http://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-3-117-130>.
20. Решетникова Е.Г. Особенности трансформации институциональной среды для обеспечения экономической доступности продовольствия // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 17–22.
21. Алтухов А.И. Первоочередные меры по реализации новой Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // Экономика сельского хозяйства России. 2020. № 3. С. 2–10. <http://doi.org/10.32651/203-2>.
22. Калугина З.И. Экономическая доступность продовольствия: региональные и социальные различия // ЭКО. 2021. № 2. С. 165–175. <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-2-165-175>.
23. Широв А.А., Потапенко В.В. Парадокс российского потребления // ЭКО. 2020. № 6. С. 8–25. <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-8-25>.
24. Гумеров Р.Р. Новые подходы к разработке государственных программ Российской Федерации и первый опыт их практического воплощения // Российский экономический журнал. 2021. № 5. С. 31–41. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-5-31-41>.

25. Корнейчук Б.В. Принципы реформирования российской потребительской корзины // ЭКО. 2020. № 6. С. 48–66. <http://doi.org/0.30680/ECO0131-7652-2020-6-48-66>.
26. Гумеров Р.Р., Кириченко И.А. Управление рисками в системе обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации // Мир новой экономики. 2021. Т. 15, № 4. С. 41–47. <http://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-4-41-47>.

References

1. Gumerov R.R. Unlearned lessons of food price spikes. *Russian Economic Journal*. 2021;(3):25–45. (In Russ.). <http://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-3-25-45>.
2. Reshetnikova E.G. Tools to Ensure the Affordability of Food in the Context of New Challenges. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2020;26(2):128–136 (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-128-136>.
3. Yarkova T.M. Food security doctrine – what has changed in 2020. *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2020;(6):7–10. (In Russ.).
4. Lubkova E.M., Shilova A.E. A New Doctrine of Food Security of the Russian Federation: A Paradigm Change. *ECO*. 2020;(11):124–140. (In Russ.). <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-11-124-140>.
5. Ushachev I.G., Chekalin V.S. The new doctrine of food security and measures to implement its main provisions. *AIC: Economics, Management*. 2020;(4):4–12. (In Russ.). <http://doi.org/10.33305/204-4>.
6. Gumerov R.R. The Food Security Doctrine of the Russian Federation needs a conceptual revision. *Russian Economic Journal*. 2017;(4):49–68. (In Russ.).
7. Pappé Ya.Sh., Antonenko N.S., Polzиков D.A. Food security of Russia: a modern approach. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian economic development*. 2017;(3):62–74. (In Russ.).
8. Gumerov R.R. Food Security: New Approaches to Content Analysis and Evaluation. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian economic development*. 2020;(5):133–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.1134/S107570072005007X559-564>.
9. Gumerov R.R. Food security in the context of the national goals of the Russian Federation. *ECO*. 2020;(12):122–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-12-122-142>.
10. De Schutter O. Final Report: The transformative potential of the right to food. Presented to the 25th Session of the UN Human Rights Council, United Nations General Assembly. 2014. 28 p.
11. Bobkov V.N., Gulugina A.A., Odintsova E.V. Minimum consumer basket: what should it be in today's Russia? *Russian Economic Journal*. 2020;(1):54–73. (In Russ.). <http://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-1-54-73>.
12. Ksenofontov M.Yu., Polzиков D.A., Gol'denberg I.A., Sitnikov P.V. Methodological problems of the formation of the concept of food security in Russia. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian economic development*. 2018;(5):127–136. (In Russ.).
13. Vodyasov P.V. Food security doctrine: from setting a purpose to a method to evaluate its achievement. *Economics. Profession. Business*. 2021;(2):13–20. (In Russ.). <http://doi.org/10.14258/epb202117>.
14. Belova T.N. “Sweet” and “bitter” Arguments for the Right Protectionism. *ECO*. 2021;(12):78–96. (In Russ.). <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-12-78-96>.
15. Potapov A.P. Ensuring resource independence of agrarian production in the context of food security of Russia. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian economic development*. 2019;(5):120–129. (In Russ.).

16. Gumerov R.R., Guseva N.V. On the effects and paradoxes of import substitution in the context of national food security. *ECO*. 2018;(2):90–102. (In Russ.).
17. Gumerov R. R. Food security of Russia: Problems and threats. *ECO*. 2016;(5):71–88. (In Russ.).
18. Belugin A.Y., Belugina T.A. Assessment of National Food Security in the Export Orientation of Russian Agriculture. *AIC: Economics, Management*. 2021;(3):13–19. (In Russ.). <http://doi.org/10.33305/213-13>.
19. Prokopyev M.G. Food security and food self-sufficiency: methodological aspects. *Market Economy Problems*. 2021;(3):117–130. (In Russ.). <http://doi.org/10.33051/2500-2325-2021-3-117-130>.
20. Reshetnikova E.G. Features of the transformation of the institutional environment to ensure the economic accessibility of food. *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2020;(3):17–22. (In Russ.).
21. Altukhov A.I. Priority measures for the implementation of the new doctrine of food security of the Russian Federation. *Economics of Agriculture of Russia*. 2020;(3):2–10. (In Russ.). <http://doi.org/10.32651/203-2>.
22. Kalugina Z.I. Economic Accessibility of Food: Regional and Social Differences. *ECO*. 2021;(2):165–175. (In Russ.). <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-2-165-175>.
23. Shirov A., Potapenko V. The Russian Consumption Paradox. *ECO*. 2020;(6):8–25. (In Russ.). <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-8-25>.
24. Gumerov R.R. New approaches to the development of state programs of the Russian Federation and the first experience of their practical implementation. *Russian Economic Journal*. 2021;(5):31–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-5-31-41>.
25. Korneychuk B.V. Principles of Reforming the Russian Consumer Basket. *ECO*. 2020;(6):48–66. (In Russ.). <http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-6-48-66>.
26. Gumerov R.R., Kirichenko I.A. Risk Management in the Food Security System of the Russian Federation. *The World of New Economy*. (In Russ.). <http://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-4-41-47>.

Информация об авторе

Р.Р. Гумеров — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра развития программно-целевого управления ВАВТ Минэкономразвития России, Москва, Россия.

Information about the author

R.R. Gumerov — Ph.D. (Economics), Docent, Leading Researcher, Center for Development of Program-Target Management, Russian Foreign Trade Academy, Ministry of Economic Development of Russia, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 18.03.2022; принята к публикации 14.04.2022.

The article was submitted 14.03.2022; approved after reviewing 18.03.2022; accepted for publication 14.04.2022.

Финансовые и кредитные отношения

Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 45–62.

Russian Economic Journal. 2022;(3):45–62.

Научная статья

УДК: 339.7

<https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-45-62>

РЕФОРМЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ БАНКЕ РЕКОНСТРУКЦИИ И РАЗВИТИЯ: «ПОДСТРОЙКА» ПОД ИЗМЕНИВШУЮСЯ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Екатерина Сергеевна Романчук

Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия,

kate.romanchuk@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7218-8290>

Аннотация. Современная мировая валютно-финансовая система, оформившаяся после образования бреттон-вудских институтов, Международного валютного фонда и Всемирного банка, вынуждена постоянно трансформироваться с тем, чтобы приходить в соответствие с окружающими ее экономическими и политическими реалиями. В последнее десятилетие и фонд, и банк пережили схожие изменения: были увеличены их капиталы и перераспределены голоса. В российской научной литературе широкое освещение получила реформа Международного валютного фонда, тогда как нововведения в работе Всемирного банка детально не рассматривались.

Целью статьи является анализ процессов, происходящих в Группе Всемирного банка в целом и в ее ключевом институте — Международном банке реконструкции и развития (МБРР) — в частности, в связи с увеличением капитала МБРР посредством выпуска дополнительных акций. Для этого в статье последовательно описаны циклы докапитализации МБРР и на основе сопоставления финансовых показателей банка за разные годы проведена оценка эффективности нововведений и осуществленному пересмотру подходов к предоставлению займов в части ценовой политики и удлинения периода заимствования. В итоге, как оказалось, реформы МБРР не только помогли Группе Всемирного банка упрочить свои позиции в мировой валютно-финансовой системе, закрепив за ней роль ведущего института развития, но и стали катализатором при структурировании проектов уделения банком большего внимания социальной сфере. Описанный случай Узбекистана как истории успеха модернизированного МБРР показал, насколько банк готов слышать своих акционеров и заемщиков.

С учетом изложенного выше сделан вывод о необходимости сохранения Россией своей доли в капитале МБРР, даже несмотря на все сложности, с которыми она вынуждена сталкивается из-за позиции западных государств.

Ключевые слова: МБРР, Группа Всемирного банка, Узбекистан

Для цитирования: Романчук Е.С. Реформы в Международном банке реконструкции и развития: «подстройка» под изменившуюся экономическую реальность // Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 45–62. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-45-62>.

Financial and Credit Relations

Original article

REFORMS IN THE INTERNATIONAL BANK FOR RECONSTRUCTION AND DEVELOPMENT: “ADJUSTMENT” TO THE CHANGING ECONOMIC REALITY

Ekaterina S. Romanchuk

*Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
kate.romanchuk@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7218-8290>*

Abstract. Global financial system, which took shape after the formation of the Bretton Woods institutions, the International Monetary Fund and the World Bank, is forced to constantly transform in order to come in line with the economic and political realities. In the last decade, both the fund and the bank have experienced similar changes: their capitals have been increased and the votes of their main shareholders have been redistributed. The reform of the International Monetary Fund is widely covered in the Russian scientific literature, while innovations in the work of the World Bank have not been considered in detail.

The purpose of the article is to analyze the processes taking place in the World Bank Group and in its key institution — the International Bank for Reconstruction and Development (IBRD), in connection with the increase in the equity capital of the IBRD through the issuance of additional shares. So, the article includes the description of the cycles of the abovementioned capital increase of the IBRD. Based on a comparison of the bank’s financial indicators for different years an assessment of the effectiveness of innovations and the revision of approaches to providing loans in terms of pricing policy and lengthening the borrowing period was carried out. As a result, it was concluded that the IBRD reforms not only helped the World Bank Group strengthen its position in the global financial system, securing its role as a leading development institution, but also became a catalyst in structuring projects in a way to pay more attention to the social sphere. The case of Uzbekistan described in the article as a success story of the modernized IBRD showed how ready the bank is to listen to its shareholders and borrowers.

Taking into account the above, it is concluded that Russia needs to maintain its share in the capital of the IBRD, even despite all the difficulties it has to face due to the position of Western states.

Keywords: IBRD, World Bank Group, Uzbekistan

For citation: Romanchuk E.S. Reforms in the International Bank for Reconstruction and Development: “Adjustment” to the changing economic reality. *Russian Economic Journal*. 2022;(3):45–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-45-62>.

За последние 15 лет была переосмыслена роль в поддержании финансовой стабильности и стимулирования экономического развития как на уровне отдельных государств, так и в глобальном масштабе институтов, являющихся столпами современной мировой валютно-финансовой системы, — Международного валютного фонда (далее — МВФ) и Всемирного банка¹. Как результат, их капитал был увеличен, а подходы к ведению кредитно-инвестиционной деятельности — скорректированы. Однако если о реформе МВФ писали такие ученые, как Л.Н. Красавина [1], Н.Г. Хмелевская [2], Д.В. Хлебникова [3] и М.В. Жариков [4], то ключевые изменения, произошедшие в организациях, входя-

¹ В Группу Всемирного банка входят 5 институтов: Международный банк реконструкции и развития, Международная ассоциация развития, Международная финансовая корпорация, Международное агентство гарантирования инвестиций и Международный центр урегулирования инвестиционных споров. Первые два из упомянутых финансовых институтов формируют то, что принято именовать «Всемирным банком». В данной статье «Группа Всемирного банка» и «Всемирный банк» будут использованы как синонимичные.

щих в Группу Всемирного банка, не получили широкого освещения в российской научной литературе. Между тем, по нашему мнению, именно Всемирному банку удалось достичь наибольших результатов в трансформации основных модальностей работы его институтов для приведения их в соответствие с реалиями современной мировой экономики.

Несмотря на изменения внешнеполитической обстановки вокруг России данная тема сегодня остается актуальной. Напомним, что Российская Федерация с начала 1990-х годов является участником четырех из пяти институтов Всемирного банка — Международного банка реконструкции и развития (далее — МБРР), Международной ассоциации развития (далее — МАР), Международной финансовой корпорации (далее — МФК) и Международного агентства гарантирования инвестиций (далее — МАГИ).

На протяжении трех десятков лет наша страна сохраняла необходимое влияние в указанных международных организациях, в том числе и за счет пользования правом назначать своих представителей в Советах (исполнительных) директоров — среднем звене трехуровневой системы управления институтами², в компетенции которого входит *inter alia* решение вопросов оперативного управления организациями, утверждение политик, устанавливающих условия предоставления финансирования, а также принятие стратегий развития институтов. С начала 1990-х годов наша страна подписала с МБРР 67 кредитных соглашений (из которых 62 закрыты, а 5 все еще действуют) на сумму \$10,5 млрд.³

В 2014 году страны с наиболее развитой экономикой (Группа-7) договорились блокировать на уровне Советов директоров многосторонних институтов развития одобрение предоставления финансирования для реализации проектов на территории Российской Федерации⁴. Произшедшая *de facto* процедура принудительного градуирования, т.е. погашения текущих займов с запретом на выдачу новых кредитов, способствовала тому, что наша страна во Всемирном банке поменяла статус, превратившись из реципиента кредитных средств в их донора. В свою очередь, Правительство Российской Фе-

² В последний раз Совет директоров формировался из 25 кандидатов, за которого действующие акционеры МБРР отдали как минимум 2% голосов. См. подробнее: International Bank for Reconstruction and Development Board of Governors. Resolution No. 675 (2020 Regular Election of Executive Directors). URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/814351596524415320/pdf/International-Bank-for-Reconstruction-and-Development-IBRD-Board-of-Governors-Resolution-No-675-2020-Regular-Election-of-Executive-Directors.pdf> (дата обращения: 01.04.2022). По состоянию на конец июня 2021 года у России было 2,57% голосов.

³ Prospectus on the offering of additional bonds due 2027 and bonds due 2036 issued by the Ministry of Finance of the Russian Federation, dated 25 May 2021. P. 208–209 // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/05/main/Russia-2036_EUR_Prospectus_dated_25_May_2021.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

⁴ G7 хочет заблокировать проекты Всемирного банка в России // РБК. 2014. 1 августа. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/08/2014/570420199a794760d3d4068a> (дата обращения: 03.03.2021).

⁵ В тот год российским правительством планировалось договориться с МБРР о займах на общую сумму \$767,5 млн для 5 проектов. См. подробнее: Приложение 39. Программы государственных внешних заимствований Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов Федерального закона от 2 декабря 2013 г. № 349-ФЗ «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» // Гарант.Ру. URL: <https://base.garant.ru/70525334/8b4fda4d4f5b40eeb49520802c56393b/> (дата обращения: 01.04.2022).

дерации активизировало сотрудничество со Всемирным банком по линии трастовых фондов, администрируемых МБРР и МАР⁶, продолжило пользоваться услугами банка в части аналитики⁷ и — что стало наиболее знаменательным в свете происходивших в то время событий — повысило уровень представленности в Совете управляющих МБРР и МАГИ⁸. В прошлом году Правительство Российской Федерации совместно с банком запустило специальную программу *Knowledge Exchange Program*, в рамках которой предусматривался «обмен российскими знаниями и опытом в области развития со странами с низким и средним уровнем дохода по всему миру»⁹.

Однако в текущем году под давлением геополитических обстоятельств руководство Всемирного банка вынуждено было заявить о прекращении всех программ в России¹⁰, сократив тем самым сферы сотрудничества с нашей страной, но не отказавшись от него. По мере нормализации международных отношений взаимодействие нашей страной с Группой Всемирного банка, скорее всего, расширится, возвратившись к формату, который существовал до 2014 года. В этой связи считаем необходимым даже в текущих условиях уделять внимание тем процессам, которые происходят во Всемирном банке.

В данной статье полагаем целесообразным ограничиться рассмотрением тех реформ, которые были реализованы в центральном институте группы — МБРР, с которого началась история Всемирного банка. Сегодня в соответствии с разделением сфер деятельности между институтами Группы в мандат МБРР входит предоставление суверенных кредитов и займов под гарантию государств. Как правило, у банка занимают страны со средним и низким уровнем дохода на душу населения. При этом роль МБРР является ключевой в группе, во многом из-за того, что управляющие и исполнительные директора банка *ex officio* являются также управляющими и (исполнительными) директорами в МАР и МФК¹¹. В МАГИ назначения управляющих и выборы директоров происходят отдельно.

⁶ Например, распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2017 г. № 2254-р было перечислено \$10 млн в качестве взноса в Фонд развития женского предпринимательства Всемирного банка.

⁷ Всемирный банк предоставляет своим клиентам два продукта: Консультационные услуги и аналитика (Advisory Services and Analytics) и Возмещаемые консультационные услуги (Reimbursable Advisory Services).

⁸ Указом Президента Российской Федерации от 17 августа 2020 г. № 517 вместо ушедшего с поста министра экономического развития Российской Федерации М.С. Орешкина управляющим был назначен заместитель Председателя Правительства Российской Федерации А.Л. Оверчук.

⁹ World Bank — Russian Federation. Knowledge Exchange Program 2021–2024 // World Bank Group. 2021. P. 8. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/9ba22c3306897b520256a561541a9dfa-0080012021/original/wb-russia-knowledge-exchange-2021-2024-eng.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁰ World Bank Group Statement on Russia and Belarus // Официальный сайт Всемирного банка. 2022. March 2. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/statement/2022/03/02/world-bank-group-statement-on-russia-and-belarus> (дата обращения: 01.04.2022).

¹¹ Article IV. IFC Articles of Agreement // IFC. URL: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/corp_ext_content/ifc_external_corporate_site/about+ifc_new/ifc+governance/articles/about+ifc+-+ifc+articles+of+agreement+-+article+iv (дата обращения: 01.04.2022); Article VI. IDA Articles of Agreement // The World Bank. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/2a209939e876fdcd0d957036daebff6e-0410011960/original/IDA-Articles-of-Agreement-English.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

Первый цикл увеличения капитала МБРР

В конце июня 2008 года уставный капитал МБРР был равен \$190,8 млрд (1 581 724 акций)¹², из них \$189,8 млрд были распределены между акционерами банка, а остальные числились как нераспределенные и предназначались для стран, не являвшихся акционерами банка, на случай изъявления ими желания о вступлении в МБРР. При этом, следуя общепринятой среди многосторонних банков практике формирования капитала, государства-участники оплатили свои акции частично, в совокупности внося в уставный капитал МБРР \$11,5 млрд, оставшуюся сумму денежных средств за подписанные акции страны обязались уплатить при наступлении у банка финансовых трудностей и приятия Советом управляющих МБРР соответствующего решения¹³¹⁴.

Если в начале XXI века указанный выше размер уставного капитала МБРР считался достаточным, то после наступления Глобального финансового кризиса 2008-2010 годов стало очевидным, что МБРР для поддержаний статуса глобального института развития необходимо увеличить собственный капитал¹⁵. В то же время, с учетом возросшего к концу 2000-х годов веса развивающихся государств в мировой экономике докапитализация банка не могла не сопровождаться перераспределением голосов.

Ввиду сложности ведения переговорного процесса с большим количеством вовлеченных сторон реформа проходила в два этапа.

На первом этапе было решено ограничиться увеличением доли базовых голосов с почти 3 до 5,5% в общем количестве голосов, распределяемых между акционерами, а также разрешением 16 государствам, включая КНР, Индию, Россию и Саудовскую Аравию, осуществить подписку на свободные акции¹⁶. Резолюция Совета управляющих МБРР по данному вопросу была принята довольно быстро, что даже вдохновило Президента Группы Всемирного банка Роберта Зеллика заявить в апреле 2010 году об исчезновении «Третьего мира»¹⁷.

¹² International Bank for Reconstruction and Development. Management's Discussion & Analysis and Financial Statements June 30, 2008. P. 48–49. // The World Bank. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/901471586526417701-0040012020/original/IBRDFinancialStatementsJune2008.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

¹³ Там же. P. 21–22.

¹⁴ Стоит отметить, что за время функционирования МБРР такое решение не принималось ни разу. Финансовые проблемы банка Совет управляющих разрешал путем докапитализации МБРР.

¹⁵ Косвенным подтверждением того, что капитала международных финансовых организаций, в том числе МБРР, не хватало для удовлетворения возросших потребностей в относительно дешевых и выдаваемых на длительный срок кредитных ресурсах государств-заемщиков, можно считать создание в первой половине 2020-х годов двух многосторонних банков развития с уставным капиталом в \$100 млрд каждый: Азиатского банка инфраструктурные инвестиции и Нового банка развития. Этот аргумент, в частности, приводит Марк Лантен [5, p. 75–76].

¹⁶ IBRD Board of Governors Resolution No. 596 "Enhancing Voice and Participation of Developing and Transition Countries" (Adopted on January 30, 2009) // The World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/353491468179326098/pdf/855350IBRD59600PUBLIC00Box0382159B.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁷ Zoellick R.B. The End of the Third World? Modernizing Multilateralism for a Multipolar World / Speech presented at Woodrow Wilson Center for International Scholars, April 14, 2010 // The World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29639/124460-WP-Zoellick-4-14-2010-ENGLISH-End-of-the-Third-World-PUBLIC.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 01.04.2022).

На втором этапе планировались более масштабные изменения. Однако после принятия резолюций по первому этапу реформа голосов с увеличением капитала МБРР застопорилась из-за медленного согласования модальностей ее проведения. Озвученное в сентябре 2009 года на ежегодной встрече лидеров стран, входящих в Группу-20, требование об увеличении голосов развивающихся государств и стран с переходной экономикой «как минимум на 3 процентных пункта» фактически привело к поиску компромиссов с третьей десятичной запятой. Переговорный процесс затягивался, так как развитые страны долго не могли договориться о формуле для расчета долей стран-членов в капитале МБРР.

Вместе с тем, все понимали, что отказаться от докапитализации МБРР было невозможно по причине стремительного наращивания менеджментом банка кредитно-инвестиционного портфеля. Эксперты МБРР убедили представителей стран-акционеров, что спрос клиентов на кредиты банка останется высоким после 2010 финансового года, и представляли оценки, согласно которым уровень посткризисного кредитования должен был быть не меньше \$15 млрд в год¹⁸. Поэтому развитые страны вынуждены были найти компромиссное решение. После чего менеджмент банка, чтобы договориться с остальными акционерами МБРР, прибег к «грязному и непрозрачному процессу обратного проектирования политических сделок» [6, р. 361], вручную скорректировав количество отводимых государствам акций.

Отдельной проблемой для развитых стран стал поиск достаточных обоснований для их парламентов необходимости увеличения капитала МБРР в условиях применения мер жестких бюджетной экономии, введенных для того, чтобы справиться с мировым финансовым кризисом 2008–2010 годов, а также обсуждения вопросов докапитализации региональных многосторонних банков развития¹⁹. Для это была разработана новая стратегия Всемирного банка «Новый мир — Новая Группа Всемирного банка»²⁰ — документ, характеризующийся экспертами как «короткий, расплывчатый и банальный» [6, р. 363], но впоследствии оказавший значительное влияние на трансформацию работы института.

В итоге, в рамках второго этапа в 2010 году Советом управляющих МБРР было принято три резолюции, предусматривающие: (1) выборочное увеличение капитала

¹⁸ Development Committee (Joint Ministerial Committee of the Boards of Governors of the Bank and the Fund On the Transfer of Real Resources to Developing Countries). Review Of IBRD And IFC Financial Capacities. April 24, 2010 // The World Bank Group. URL: <https://devcommittee.org/sites/dc/files/download/Documentation/DC2010-0005%28E%29FinancialCap.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

¹⁹ Так, капитал африканского и азиатского банков развития предлагалось увеличить на \$66,5 млрд и \$110 млрд, что составляло 200% от первоначальной величины капитал этих организаций. Уставный капитал Исламского банка развития должен был вырасти на \$70 млрд, а Европейского банка реконструкции развития — на \$15 млрд. Подробнее см.: Weiss M.A. Multilateral Development Banks: General Capital Increases. CRS Report for Congress, January 27, 2012. P. 6 // Federation of American Scientists. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R41672.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

²⁰ Development Committee (Joint Ministerial Committee of the Boards of Governors of the Bank and the Fund On the Transfer of Real Resources to Developing Countries). Synthesis Paper: New World, New World Bank Group. April 25, 2010 // The World Bank Group. URL: https://devcommittee.org/sites/dc/files/download/Documentation/DC2010-0002-1_E_SynthesisPaperRevised.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

на 230 374 акции²¹; (2) общее увеличение капитала на 484,102 акций²²; и (3) увеличение уставного капитала на 11 400 акций, которые автоматически зачисляются в нераспределенный уставный капитал и будут использован для приема новых членов²³. Принятие указанных резолюций привело к увеличению капитала на \$86,2 млрд, из которых оплаченная часть составила \$5,1 млрд.

По прошествии нескольких лет стало очевидным, что в период с 2008 по 2011 годы произошел всплеск кредитной активности МБРР и без докапитализации банк по мере завершения финансового кризиса мог бы вернуться к докризисным показателям. В новых же условиях руководство МБРР имело возможность нарастить объем чистых ежегодных обязательств банка, что оно и сделало. В конце 2021 финансового года этот показатель достиг \$23,6 млрд (рис. 1).

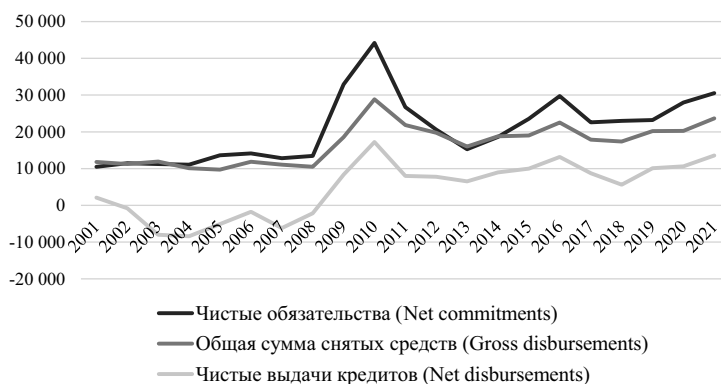

Рис. 1. Ключевые показатели кредитования МБРР

Источник: составлено автором по данным финансовой отчетности за соответствующие годы

Сопровождавшая процесс докапитализации дискуссия о будущем Группы Всемирного банка и ее роли в мировой экономике принесла положительные результаты. Например, пересмотру подверглись некоторые практики работы МБРР и МАР со странами-заемщиками. В частности, практически обязательным при структурировании проектов стало выделение средств на социальную поддержку населения в случае, если реализация каких-либо мероприятий проекта повлечет возникновение негативных социальных эффектов.

²¹ IBRD Board of Governors Resolution No. 612 “2010 Selective Increase in Authorized Capital Stock to Enhance Voice and Participation of Developing and Transition Countries” (Adopted on March 16, 2011) // The World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/267931468157173225/pdf/855558-REVISED-PUBLIC.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

²² IBRD Board of Governors Resolution No. 613 “2010 General Capital Increase” (Adopted on March 16, 2011) // The World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/397351468170952663/pdf/855600IBRD61300PUBLIC00Box0382159B.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

²³ IBRD Board of Governors Resolution No. 614 “2010 Additional Increase in Authorized Capital Stock for Subscription of New Members” (Adopted on March 16, 2011) // The World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/962611468330877269/pdf/855620IBRD61400PUBLIC00Box0382159B.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

Второй цикл увеличения капитала МБРР

К началу 2010-х годов среди экспертов бытовало мнение о том, что Всемирный банк «решил слишком мало глобальных проблем» [7]. Государства решили исправить эту «ошибку» и в 2015 году возложили на него и на другие международные финансовые институты обязательства по помощи развивающимся странам в достижении целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года²⁴. После, на очередном заседании Комитета по развитию, многосторонние банки выпустили совместное заявление, в котором говорилось, что мировому сообществу надо теперь обсуждать не «миллиарды официальной помощи развитию», а ««триллионы» инвестиций всех видов: государственных и частных, национальных и глобальных, как в капитале, так и в потенциале»²⁵.

При этом Группа Всемирного банка брала на себя функции ведущего института развития, выполняющего две ключевые функции: (1) содействие продвижению поддерживающей торговлю глобальной политики, открытости и формированию «свободных рынков», а также (2) лидерство в вопросах устранения и смягчения рисков глобализации. Ценность Всемирного банка, по мнению его руководства, заключается в способности входящих в группу организаций работать на стыке глобальных и местных проблем, «дополняя политическую работу оперативными мерами реагирования и взаимодействия как с государственным, так и с частным сектором»²⁶. Осенью следующего года приведенные выше тезисы были зафиксированы в новом видении Группы Всемирного банка на период до 2030 года (схематично представлено на рис. 2)²⁷.

Новые амбициозные цели, поставленные перед Всемирным банком его государствами-участниками и менеджментом, потребовали новых финансовых вложений от акционеров. Стремительный рост кредитно-инвестиционного портфеля в первой половине 2010-х годов привел к тому, что на конец 2017 года соотношение собственного капитала МБРР к займам составило 23%, что лишь на 3 процентных пункта выше установленного 20-процентного минимального уровня²⁸. Другими словами, МБРР достиг своего предела по увеличению

²⁴ Resolution adopted by the General Assembly on 27 July 2015 № 69/313. Addis Ababa Action Agenda of the Third International Conference on Financing for Development (Addis Ababa Action Agenda) // CBM. URL: https://www.cbm.org/fileadmin/user_upload/Publications/N1523222.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

²⁵ Development Committee (Joint Ministerial Committee of the Boards of Governors of the Bank and the Fund On the Transfer of Real Resources to Developing Countries). From Billions To Trillions: Transforming Development Finance Post-2015 Financing For Development: Multilateral Development Finance. April 2, 2015 // The World Bank Group. URL: <https://devcommittee.org/sites/dc/files/download/Documentation/DC2015-0002%28E%29FinancingforDevelopment.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

²⁶ Development Committee (Joint Ministerial Committee of the Boards of Governors of the Bank and the Fund On the Transfer of Real Resources to Developing Countries). Forward Look A Vision For The World Bank Group In 2030 Main Messages. September 20, 2016 // The World Bank Group. URL: <https://devcommittee.org/sites/dc/files/download/Documentation/DC2016-0009.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

²⁷ Development Committee (Joint Ministerial Committee of the Boards of Governors of the Bank and the Fund On the Transfer of Real Resources to Developing Countries). Forward Look A Vision For The World Bank Group In 2030. September 20, 2016 // The World Bank Group. URL: <https://devcommittee.org/sites/dc/files/download/Documentation/DC2016-0008.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

²⁸ В 2008 году этот показатель составлял 36,7%. Подробнее см.: International Bank for Reconstruction and Development. Management's Discussion & Analysis and Financial Statements. June 30, 2008 // The World Bank. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/901471586526417701-0040012020/original/>

проектного портфеля и при наращивании интенсивности выборки государствами средств займа мог столкнуться с нарушением требований риск-менеджмента. Для того чтобы избежать подобной ситуации руководство Всемирного банка вышло к странам с предложением новой докапитализации института. На этот раз сумма запрашиваемого оплачиваемого капитала составляла \$7,5 млрд, из которых \$1,9 млрд — в рамках выборочного увеличения капитала, а \$5,6 млрд — в рамках общего увеличения капитала²⁹.

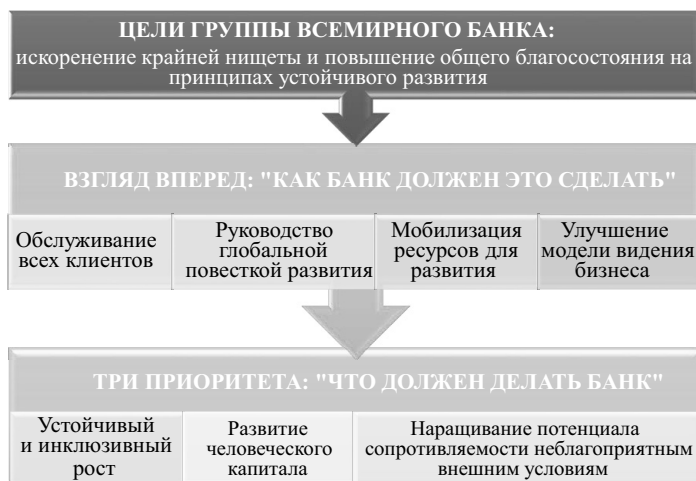

Рис. 2. Визуальное изображение стратегии Всемирного банка «Перспективный взгляд – Видение Группы Всемирного банка на 2030 год»

Источник: адаптировано автором по материалам Группы Всемирного банка³⁰

Поскольку по сравнению с предыдущей докапитализацией МБРР сумма была относительно небольшой, а формула для расчета количества акций, на которое стране будет разрешена подписка в рамках распределения голосов, ранее уже была согласована³¹, обсуждение выпуска новых акций не затянулось надолго. В 2018 году Советом управляющих МБРР были приняты две резолюции со сроком исполнения в 5 лет и возможностью

IBRDFinancialStatementsJune2008.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

²⁹ Development Committee (Joint Ministerial Committee of the Boards of Governors of the Bank and the Fund on the Transfer of Real Resources to Developing Countries). Sustainable Financing for Sustainable Development. April 21, 2018 // The World Bank Group. URL: https://devcommittee.org/sites/dc/files/download/Documents/2018-10/DC2018-0002_PSustainableFinancing421.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

³⁰ Development Committee (Joint Ministerial Committee of the Boards of Governors of the Bank and the Fund on the Transfer of Real Resources to Developing Countries). Forward Look A Vision For The World Bank Group In 2030. September 20, 2016 // The World Bank Group. URL: <https://devcommittee.org/sites/dc/files/download/Documentation/DC2016-0008.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

³¹ Development Committee (Joint Ministerial Committee of the Boards of Governors of the Bank and the Fund on the Transfer of Real Resources to Developing Countries). A Report to Governors On Shareholding At The Spring Meetings 2018. April 20, 2018 // The World Bank Group. URL: https://devcommittee.org/sites/dc/files/download/Documents/2018-10/DC2018-0003_PShareholding420.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

пролонгации до 7 лет: (1) общего увеличения капитала на 230 500 акций³²; и (2) селективного увеличения капитала на 245 733 акций, из которых США согласовали 42 298 акций, КНР — 46 405 акций³³.

Корректировки в кредитно-инвестиционной деятельности МБРР

При сравнении финансовых показателей МБРР за 2021 год с показателями 2010 года картина представляется оптимистичной. В то время как размер совокупных активов банка практически не изменился, а объем чистых выданных займов вырос на 70%, чистый инвестиционный портфель и портфель заимствований увеличились в 2,8 и 2 раза соответственно (подробнее см. табл. 1). Это свидетельствует об изменении структуры активов в пользу роста объемов выдаваемых займов, т.е. более эффективном и целевом использовании капитала, и о внедрении в работу МБРР более сложных финансовых инструментов для хеджирования возникающих у банка рисков.

Таблица 1

**Сравнение изменения финансовых показателей МБРР
(млн долл. США, если не указано иное)**

	2021	2018	2010	2021/2010
Совокупные активы	317 301	263 800	313 871	101%
Чистый инвестиционный портфель	85 831	73 492	30 324	283%
Чистые выданные и непогашенные кредиты	218 799	183 588	130 470	168%
Портфель заимствований	253 656	213 652	122 501	207%
Совокупный капитал	48 078	41 844	39 683	121%
<i>Полезный капитал (англ. Usable Equity)</i>	49 997	43 518	38 689	129%
<i>Отношение собственного капитала к займам (англ. Equity-to-loans ratio)</i>	22,60%	22,90%	28,68%	79%

Источник: составлено автором по данным финансовой отчетности МБРР за соответствующий финансовый год

Так, с 2015 года займы стали выдаваться на срок более 18 лет (максимум до 35 лет). Данная опция является весьма востребованной со стороны государств-заемщиков. На протяжении 8 последних лет в среднем с таким сроком одобрялось кредитов на общую сумму около 8 млрд, что в 1,7 раз больше средств, выделяемых на срок от 12 до 15 лет; в 1,8 раз больше, чем на срок до 10 лет, и в 2 раза превышает объемы кредитования проектов со сроками реализации 10–12 лет и 15–18 лет (рис. 3).

³² IBRD Board of Governors Resolution No. 663 “2018 General Capital Increase” (Adopted on October 1, 2018) // The World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/668831538549114339/pdf/130434-BR-PUBLIC-resolution-ADD-SERIES-IBRD663-2018GeneralCapitalIncrease.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

³³ IBRD Board of Governors Resolution No. 664 “2018 Selective Capital Increase” (Adopted on October 1, 2018) // The World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/370231538549507417/pdf/130436-BR-PUBLIC-resolution-ADD-SERIES-IBRD664-2018SelectiveCapitalIncrease.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

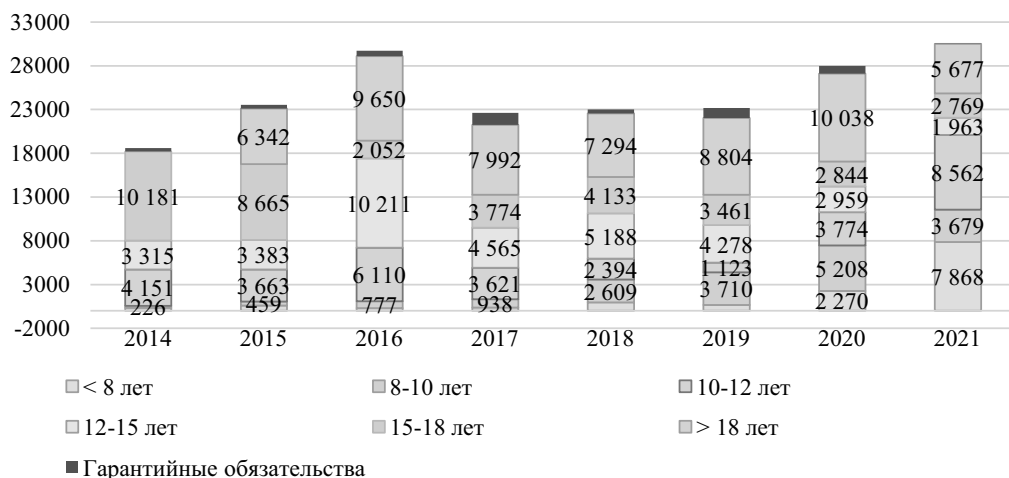

Рис. 3. Чистые обязательства МБРР по срокам предоставления займов, млн долл. США

Источник: составлено автором по данным финансовой отчетности МБРР за соответствующие финансовые годы

Стоит отметить, что МБРР смог отойти от требования жесткого соблюдения условий проведения институциональных реформ в сторону развития физической и рыночной инфраструктуры при одновременном достижении социальной устойчивости [8], что в свою очередь отразилось в изменении структуры заимствований. Если в 2014 году более половины кредитов предоставлялось на проекты для проведения определенной политики, то на конец 2021 финансового года их доля сократилась до 35%, а доля кредитов, при которых снятие средств происходит по достижению ранее согласованных результатов, выросла (рис. 4).

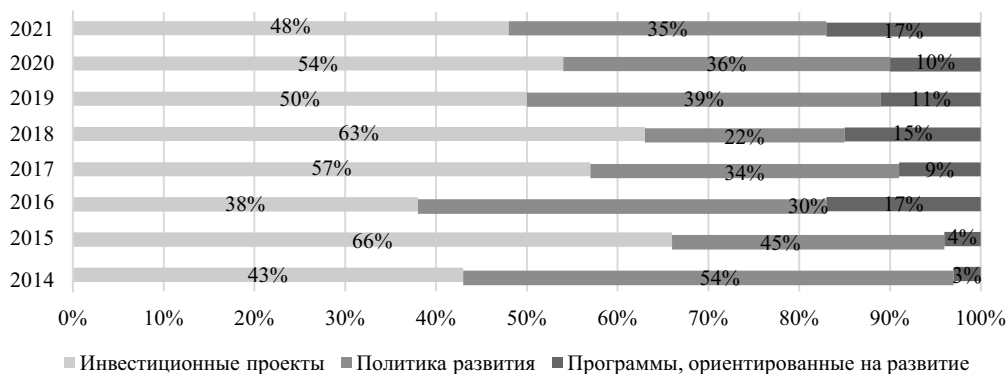

Рис. 4. Доля категорий кредитования в годовых чистых обязательствах

Источник: составлено автором по данным финансовой отчетности МБРР за соответствующие финансовые годы

Также обращает на себя внимание диверсификация проектного портфеля МБРР, произошедшая с 2011 года, и увеличение кредитно-инвестиционной активности банка в Африке и Восточной Азии. Вместе с тем, нельзя не отметить, что на шесть государств — Турция, Мексика, Индия, Индонезия, Китай и Бразилия — по-прежнему приходится до 35–40% всех выданных МБРР займов. На конец 2021 финансового года этот показатель в абсолютном выражении составлял около \$95 млрд (рис. 5).

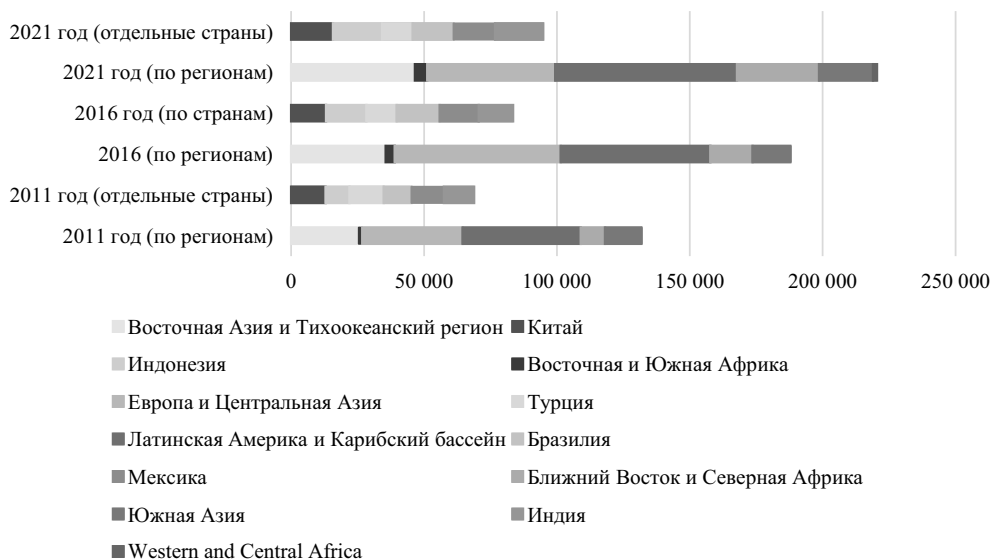

Рис. 5. Объем выданных займов по регионам и странам, млн долл. США

Источник: составлено автором по данным финансовой отчетности МБРР за соответствующие финансовые годы

Перечисленные выше страны продолжают привлекать займы МБРР не только из-за их финансовой выгоды, но и потому что при взаимодействии с крупнейшими странами-заемщиками банк в последние годы применял разнообразный набор стратегий, который допускал значительные межрегиональные и внутрирегиональные различия в моделях кредитования с учетом предпочтений клиентов. Иными словами, МБРР научился при необходимости «подстраиваться» под нужды клиентов.

Между тем, развитые страны продолжают настаивать на том, что миссией МБРР должна оставаться борьба с бедностью. Поэтому с целью сокращения объемов кредитования государств со средним уровнем дохода на душу населения и направления до 70% объема финансирования в страны с низким уровнем дохода параллельно с последней докапитализацией в МБРР был проведен ряд внутренних реформ. В частности, с июля 2018 года введено дифференцированное ценообразование, при котором страны с более высоким уровнем дохода платят за пользование кредитными средствами МБРР больше, чем другие заемщики.

Данное изменение в кредитной политике МБРР вынудило руководство банка активизировать работу в развивающихся странах и из них создавать новые истории успеха,

одной из которых стали реформы в Узбекистане: за последние 4 года стране одобрено кредитов и грантов больше, чем за все предыдущие годы³⁴.

Показательным с точки зрения обновленного подхода Всемирного банка к работе с развивающимися государствами стало решение Советов директоров МБРР и МАР, принятое в конце 2021 года, о предоставлении финансирования Правительству Республики Узбекистан для реализации Программы по ускорению реализации политики, направленной на переход узбекской экономики к рынку. Обращают на себя внимание:

- объемы кредитных средств, которые были одновременно выделены институтами. МБРР предоставил заем в размере \$150 млн на 18 лет³⁵, а МАР — кредит на льготных условиях в размере \$250 млн сроком на 30 лет³⁶. Бюджеты предшествующих трех программ, целью которых являлась поддержка Правительства Республики Узбекистана в реализации мероприятий, предусмотренных среднесрочной стратегией развития страны, также были большими³⁷;
- масштабность параллельно проводимых реформ: (i) укрепление рыночных институтов и совершенствования управления государственными предприятиями; (ii) повышение финансовой прозрачности и подотчетности правительства страны; и (iii) расширение экономической социальной интеграции, особенно женщин и инвалидов;
- комплексная аналитическая работа, предшествовавшая подготовке программы³⁸.

В этой связи можно заключить, что если на стыке веков Всемирный банк подвергался повсеместной критике, в том числе и из-за навязывания правительствам стран обязательств по внедрению мер жесткой экономической политики [9], то после того как была доказана значимость института, особенно при работе на международном уровне [10] и проведена докапитализация его центральной организации — МБРР, подходы к работе банка в странах-заемщиках изменились. МБРР смог позволить себе предоставлять развивающимся странам больше средств и на более длительный период.

³⁴ Рассчитано автором на основе данных, опубликованных на сайте Всемирного банка. Всего за годы сотрудничества со Всемирным банком республике было решено предоставить на реализацию проектов \$8,2 млрд, еще как минимум 10 проектов с займами на сумму около \$1 млрд.

³⁵ Loan Agreement (Accelerating Uzbekistan's Transition Development Policy Loan) between Republic of Uzbekistan and International Bank For Reconstruction And Development dated 16-Dec-2021 // The World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/377771639716655312/pdf/Official-Documents-Loan-Agreement-for-Loan-9321-UZ.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

³⁶ Financing Agreement (Accelerating Uzbekistan's Transition Development Policy Financing) between Republic of Uzbekistan And International Development Association dated 16-Dec-2021 // The World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/732991639716641074/pdf/Official-Documents-Financing-Agreement-for-Credit-7014-UZ.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

³⁷ В июне 2018 г. был утвержден кредит МАР в сумме \$500 млн на реализацию проекта «Uzbekistan Reforms for a Sustainable Transformation toward a Market Economy Development Policy Operation»; в июне 2019 г. заем МБРР в размере \$500 млн (с последующим увеличением до \$700 млн) на проект «Sustaining Market Reforms in Uzbekistan Development Policy Operation», а в декабре 2020 г. — заем МБРР в сумме \$250 млн и кредитные средства МАР в размере \$250 млн на проект «Uzbekistan: Supporting a Transparent and Inclusive Market Transition Development Policy Operation».

³⁸ Project Appraisal Document. Accelerating Uzbekistan's Transition Development Policy Operation (P176353) / World Bank, November 18, 2021. P. 38 // The World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/716331641931922968/pdf/Uzbekistan-Accelerating-Uzbekistan-s-Transition-Development-Policy-Operation.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

Перспективы запуска третьего цикла увеличения капитала

По итогам последнего пересмотра капитала банка, проведенного в 2020 году, Китай вместе с Лаосом, Катаром и Туркменистаном значился как недопредставленный более чем на 100%³⁹. Однако очередная корректировка голосов не была поддержана развитыми государствами⁴⁰.

Международные эксперты отмечают, что Китай становится «все более напористым, даже развязным» в вопросах продвижения своих интересов на мировой арене [8, р. 366]. Существенным аргументом в переговорной позиции КНР безусловно стало учреждение АБИИ и НБР, послужившим явным намеком Вашингтону на то, что Пекин готов выстраивать свою финансовую систему, если ему не удастся занять достойного места в существующей. Возможно в них Китаю удастся установить продвигаемые Поднебесной ценности преобладания права на развитие над индивидуальными политическими и гражданскими правами.

Однако события последних лет показали, что Китай либо не желает, либо не способен заменить США в делах мобилизации международного сообщества для реагирования на глобальные вызовы. Как заключает Элизабет Эконом в своей статье, написанной для журнала *Foreign Affairs*: «Китай, возможно, просто хочет пользоваться правами, но не всеми обязанностями, которые традиционно выпадают на долю самой важной державе в мире» [11, р. 66]. В свою очередь США, как показали два прошедших в XXI веке цикла реформ голосов акционеров, не намерены отказаться от лидерства во Всемирном банке, поэтому если перераспределение влияния в глобальных институтах происходит, то преимущественно за счет европейских государств [12].

Как отметил профессор Университета Конкордия Гауссу Диарра, влияние международной организации в мире определяется бюрократической автономией и переданными ей полномочиями [13]. Возглавив шествие по миру в части реформ и записав себя в повестку развития ООН, Всемирный банк вновь прописал свое центральное место в мировой финансовой системе.

В то время как российские экономисты уверены в необходимости создания параллельной финансовой системы «для полноценного участия [стран БРИКС] в процессах глобализации» [14], по утверждению зарубежных экспертов, на сегодняшний день «нет хороших альтернативных вариантов» [15, р. 412] ныне функционирующей мировой финансовой архитектуре. Сегодня мы видим, что банки развития с участием Китая, Индии

³⁹ Development Committee (Joint Ministerial Committee of the Boards of Governors of the Bank and the Fund on the Transfer of Real Resources to Developing Countries). 2020 Shareholding Review: Concluding Report to Governors at the Annual Meetings 2021. September 28, 2021 // The World Bank Group. URL: <https://devcommittee.org/sites/dc/files/download/Documents/2021-09/DC2021-0008%20Final%20Shareholding%20paper.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

⁴⁰ Development Committee (Joint Ministerial Committee of the Boards of Governors of the Bank and the Fund on the Transfer of Real Resources to Developing Countries). 2020 Shareholding Review: Concluding Report to Governors at the Annual Meetings 2021. September 28, 2021 // The World Bank Group. <https://devcommittee.org/sites/dc/files/download/Documents/2021-09/DC2021-0008%20Final%20Shareholding%20paper.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

и России — АБИИ и НБР — были созданы по лекалу Всемирного банка и совместно с другими многосторонними институтами развития участвуют в выработке общих правил финансирования проектов. Поэтому можно согласиться с тезисом Кевина П. Галлахера и Уильяма Н. Кринга о том, что мировая финансовая система продолжит существовать, возможно с незначительными изменениями в сторону увеличения «финансирования и координации для достижения финансовой стабильности и экономического развития в глобальном масштабе» [16, р. 2].

По нашему мнению, с учетом описанной выше активности сотрудничества Всемирного банка с нашей страной утверждение Е.А. Звоновой и В.В. Безнощенко о том, «полноценным участником мировой финансовой архитектуры Россия не стала» [17, с. 28–29], представляется спорным. Безусловно, оценивая деятельность бреттон-вудских институтов, необходимо учитывать, что международные финансовые организации часто попадают в т.н. ловушку парадокса: с одной стороны, они представляют собой политические институты, которые не могут препятствовать вовлечению политической составляющей в их деятельность (так как его политика и проекты по сути являются результатом политических переговоров), с другой стороны, легитимность их самих проистекает из политической нейтральности и высокой компетентности их сотрудников [18]. Одновременно институты зачастую не просто отражают предпочтения и власть составляющих их единиц (в данном случае — государств), но сами формируют эти предпочтения и эту власть [19, р. 382]. Как результат, АБИИ, в котором доля участия западных государств является недостаточной для принятия решения о прекращении сотрудничества с Российской Федерацией, выпустил заявление, постулирующее, что «все мероприятия, связанные с Россией и Беларусью, приостановлены»⁴¹.

В связи с этим, даже несмотря на сложную внешнеполитическую среду, прекращение сотрудничества России со Всемирным банком было бы стратегической ошибкой, исправление которой в будущем принесет существенные издержки. Согласно данным финансового отчета МБРР за 2020/2021 финансовый год Российская Федерация не выкупила выделенные ей по резолюциям Совета управляющих банка от 2018 года дополнительные акции. Если данная покупка не произойдет в согласованный акционерами пяти-семилетний период времени, то наша страна рискует потерять место в Совете директоров МБРР, а следовательно, МАР и МФК.

Отдельной проблемой может стать невозможность обслуживания Правительством Российской Федерации внешних займов, привлеченных у МБРР⁴². В случае, если Россия

⁴¹ AIB Statement on war in Ukraine // Beijing, официальный сайт. 2022. March 03. URL: <https://www.aiib.org/en/news-events/news/2022/AIB-Statement-on-war-in-Ukraine.html> (дата обращения: 01.04.2022).

⁴² Единственным документом, в котором удалось найти агрегированные данные по внешним заимствованиям нашей страны, оказалось Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов», опубликованное на сайте Государственной Думы Российской Федерации (Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1258295-7> (дата обращения: 01.04.2022)). Согласно нему, по состоянию на начало 2021 года совокупный российский долг перед международными финансовыми организациями, в т.ч. МБРР, составлял около \$474 млн с прогнозными показателями по его наращиванию к началу 2023 года до \$2 613 млн. На период 2022–2024 годов было запланировано выделение бюджетных ассигнований федерального бюджета на сумму \$112,3 млн для обслу-

не сможет с оговоренный в международных договорах с банком срок перечислить денежные средства, по истечению 60 дней этот вопрос будет передан для решения в арбитражный суд⁴³. Также в соответствии со статьей VI Статей соглашения МБРР по решению Совета управляющих банка, принимаемого простым большинством голосов, членство России в банке может быть приостановлено на год с последующим исключением ее из состава акционеров⁴⁴.

Таким образом, в ближайшее время от действий Правительства Российской Федерации будет зависеть, останется ли наша страна в мировой финансовой системе со всеми остальными государствами или выйдет из нее, закрыв для себя возможности, которые предлагает странам Всемирный банк.

Список источников

1. Красавина Л.Н. Страны БРИКС: участие в реформе управления Международным валютным фондом, Группой Всемирного банка. Каковы результаты? // Мир новой экономики. 2018. Т. 12, № 3. С. 58–67.
2. Хмелевская Н.Г. Доминанты реформы МВФ в контексте трансформации глобального финансового миропорядка // Финансы и кредит. 2009. № 27(363). С. 14–26.
3. Хлебникова Д.В. Реформа источников ресурсов МВФ в свете рекомендаций G20 // Банковское дело. 2013. № 12. С. 30–34.
4. Жариков М.В. Актуальные вопросы реформы мировой финансовой архитектуры // Вопросы новой экономики. 2014. № 2(30). С. 44–53.
5. Lanteigne M. Chinese Foreign Policy: An Introduction (Fourth Edition). New York: Routledge, 2020. 256 p.
6. Wade R.H. Emerging world order? From multipolarity to multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF. *Politics and Society*. 2011;39(3):347–378.
7. Sachs J. A World Bank for a New World // Project Syndicate. 2012. February 24. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/a-world-bank-for-a-new-world> (дата обращения: 01.04.2022).
8. Güven A.B. The World Bank and emerging powers: beyond the multipolarity-multilateralism conundrum. *New Political Economy*. 2017;22(5):496–520.
9. Mallaby S. The World's banker: a Story of Failed States, Financial Crises, and The wealth and Poverty of Nations. New York: Penguin Press. 2004. 400 p.
10. Makova E.A. Role of the World Bank and IMF in Issuing Loans to Russia: Responsibility, Tricks, Corruption, Mafia, and Important Use of Legal Enforcement. *LLM Theses and Essays*. 2015;31. URL: https://digitalcommons.law.uga.edu/stu_llm/31 (дата обращения: 01.04.2022).

живания этих займов и порядка \$446 млн — для погашения обязательств.

⁴³ Арбитражный суд состоит из трех арбитров, назначаемых следующим образом: (i) один арбитр назначается МБРР; (ii) второй арбитр назначается заемщиком, т.е. Россией; и (iii) третий арбитр назначается по соглашению сторон или, если они не согласны, Председателем Международного суда или, в случае отсутствия назначения указанным Председателем, Генеральным секретарем ООН. Подробнее см.: General Conditions for IBRD Financing: Investment Project Financing.

⁴⁴ International Bank for Reconstruction and Development. Articles of Agreement (As amended effective June 27, 2012) // The World Bank. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/722361541184234501-0330022018/original/IBRDArticlesOfAgreementEnglish.pdf> (дата обращения: 01.04.2022).

11. *Economy E.* Xi Jinping's New World Order. Can China Remake the International System? *Foreign Affairs*. 2022;101(1):52 – 68.
12. *Wincoff W.K.* “The persistent myth of lost hegemony” revisited: structural power as a complex network phenomenon. *European Journal of International Relations*. 2020;26(1):209–252.
13. *Gaoussou Diarra.* The Governance Doctrine and the Agenda of Multilateral Institutions in Developing Countries: an International Political Economy Approach. Economics and Finance. Université d'Auvergne – Clermont-Ferrand I, 2012.
14. *Кузнецов А.В.* Международные финансовые институты и вызовы многополярности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 1. С. 9–21.
15. *Ikenberry G.J.* The Future of Multilateralism: Governing the World in a Post-Hegemonic Era. *Japanese Journal of Political Science*. 2015;16(3):399–413.
16. *Gallagher K.P., Kring W.N.* Remapping Global Economic Governance: Rising Powers and Global Development Finance // Global Development Policy Center. Policy Brief. 2017;(10). URL: https://www.bu.edu/gdp/files/2017/10/Gallagher.Kring_Final_11-17.pdf (дата обращения: 01.04.2022).
17. *Звонова Е.А., Безнощенко В.В.* Современные проблемы участия России в процессах трансформации мировой финансовой архитектуры // Экономика. Налоги. Право. 2016. Т. 9, № 2. С. 21–29.
18. *Cartier-Bresson J.* Les mecanismes de construction de l'agenda de la gouvernance. *Mondes en Developpement*. 2010;38(152):111–127.
19. *Keohane R.O.* International Institutions: Two Approaches. *International Studies Quarterly*. 1988;32(4):379–396.

References

1. *Krasavina L.N.* BRICS countries: participation in the management reform of the International Monetary Fund, the World Bank Group. What are the results? *THE WORLD OF NEW ECONOMY*. 2018;12(3):58–67. (In Russ.).
2. *Hmelevskaya N.G.* The dominants of the IMF reform in the context of the transformation of the global financial world order. *Finance and Credit*. 2009;27(363):14–26. (In Russ.).
3. *Hlebnikova D.V.* Reforma istochnikov resursov MVF v svete rekomendacij G20 [Reform of IMF resource sources in the light of G20 recommendations]. *BANKING*. 2013;12:30–34. (In Russ.).
4. *Zharikov M.V.* Topical issues of the reform of the global financial architecture. *Voprosy novoj ekonomiki*. 2014;2(30):44–53. (In Russ.).
5. *Lantaigne M.* Chinese Foreign Policy: An Introduction (Fourth Edition). New York: Routledge, 2020. 256 p.
6. *Wade R.H.* Emerging world order? From multipolarity to multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF. *Politics and Society*. 2011;39(3):347–378.
7. *Sachs J.* A World Bank for a New World. *Project Syndicate*. 2012. February 24. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/a-world-bank-for-a-new-world> (date of access: 01.04.2022).
8. *Güven A.B.* The World Bank and emerging powers: beyond the multipolarity-multilateralism conundrum. *New Political Economy*. 2017;22(5):496–520.

9. *Mallaby S.* The World's banker: a Story of Failed States, Financial Crises, and Thewearth and Poverty of Nations. New York: Penguin Press. 2004. 400 p.
10. *Makova E.A.* Role of the World Bank and IMF in Issuing Loans to Russia: Responsibility, Tricks, Corruption, Mafia, and Important Use of Legal Enforcement. *LLM Theses and Essays*. 2015;31. URL: https://digitalcommons.law.uga.edu/stu_llm/31 (date of access: 01.04.2022).
11. *Economy E.* Xi Jinping's New World Order. Can China Remake the International System? *Foreign Affairs*. 2022;101(1):52–68.
12. *Winecoff W.K.* “The persistent myth of lost hegemony” revisited: structural power as a complex network phenomenon. *European Journal of International Relations*. 2020;26(1): 209–252.
13. *Gaoussou Diarra.* The Governance Doctrine and the Agenda of Multilateral Institutions in Developing Countries: an International Political Economy Approach. Economics and Finance. Universite d'Auvergne – Clermont-Ferrand I, 2012.
14. *Kuznetsov A.V.* International financial institutes and multipolarity challenges. *VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS*. 2017;17(1):9–21. (In Russ.).
15. *Ikenbergy G.J.* The Future of Multilateralism: Governing the World in a Post-Hegemonic Era. *Japanese Journal of Political Science*. 2015;16(3):399–413.
16. *Gallagher K.P., Kring W.N.* Remapping Global Economic Governance: Rising Powers and Global Development Finance. *Global Development Policy Center. Policy Brief*. 2017;(10). URL: https://www.bu.edu/gdp/files/2017/10/Gallagher.Kring_Final_11-17.pdf (date of access: 01.04.2022).
17. *Zvonova E.A., Beznoshchenko V.V.* Modern problems of Russia's participation in the processes of transformation of the global financial architecture. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2016;9(2):28–29. (In Russ.).
18. *Cartier-Bresson J.* Les mecanismes de construction de l'agenda de la gouvernance. *Mondes en Developpement*. 2010;38(152):111–127.
19. *Keohane R.O.* International Institutions: Two Approaches. *International Studies Quarterly*. 1988;32(4):379–396.

Информация об авторе

E.S. Романчук – аспирант, младший научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Information about the author

E.S. Romanchuk – Postgraduate Student, Junior Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 21.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted 21.04.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 28.04.2022.

Реформа и регион

Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 63–83.

Russian Economic Journal. 2022;(3):63–83.

Научная статья

УДК 332.1

<https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-63-83>

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ПО ДОСТИЖЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ

Виктор Иванович Блануца

*Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения РАН, Иркутск,
Россия, blanutsa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3958-216X>*

Аннотация. Статья посвящена анализу возможности достижения национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. в регионах Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Предложена мера для количественной оценки расстояния между регионами в многомерном признаковом пространстве. Исходные данные по регионам взяты из приложения к Единому плану по достижению национальных целей развития Российской Федерации. С помощью авторского алгоритма иерархического кластерного анализа выделены два кластера, два подкластера и пять групп регионов. Приведена краткая характеристика кластерных образований. Результаты кластеризации интерпретированы через положение рассматриваемых территорий в Российской Федерации, различие между кластерами, взаимосвязи показателей, территориальную структуру, сравнение с другими группировками, меры поддержки и политические последствия. Предложены десять направлений дальнейших исследований. Практическая значимость полученных результатов может быть связана с корректировкой значений целевых показателей для регионов и ежегодным мониторингом достижения национальных целей развития на региональном уровне.

Ключевые слова: национальная цель развития, целевой показатель, региональная экономика, экологическая экономика, регион, кластерный анализ, Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ

Для цитирования: Блануца В.И. Кластеризация регионов Сибири и Дальнего Востока по достижению национальных целей развития // Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 63–83. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-63-83>.

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств государственного задания (номер регистрации темы АААА-А21-121012190018-2).

Reform and Region

Original article

CLUSTERING THE REGIONS OF SIBERIA AND THE FAR EAST TO ACHIEVE NATIONAL DEVELOPMENT GOALS

Viktor I. Blanutsa

V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia, blanutsa@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3958-216X>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the possibility of achieving the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 in the regions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts. A measure is proposed for quantifying the distance between regions in a multidimensional feature space. The initial data for the regions are taken from the appendix to the Unified Plan for Achieving the National Development Goals of the Russian Federation. Using the author's algorithm of hierarchical cluster analysis, two clusters, two subclusters and five groups of regions are identified. A brief description of cluster formations is given. The results of clustering are interpreted through the position of the territories under consideration in the Russian Federation, the difference between clusters, the relationship of indicators, territorial structure, comparison with other groupings, support measures and political consequences. The practical significance of the results obtained may be related to the adjustment of the values of the target indicators for the regions and the annual monitoring of the achievement of national development goals at the regional level.

Keywords: national development goal, target indicator, regional economy, ecological economics, region, cluster analysis, Siberian Federal District, Far Eastern Federal District

For citation: Blanutsa V.I. Clustering the regions of Siberia and the Far East to achieve national development goals. *Russian Economic Journal*. 2022;(3):63–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-63-83>.

Acknowledgments

The study was carried out at the expense of the state assignment (theme registration number AAAA-A21-121012190018-2).

Введение

Переход к постиндустриальной экономике усилил сомнения в том, что с помощью показателя валового внутреннего продукта можно оценить экономическое развитие и общее благополучие государств [1]. В новом научном направлении, названном «экологической экономикой», попытались объединить чистый экономический вклад, вклад природного капитала (экосистемных услуг) и социальный вклад [2, 3]. Эти идеи начали активно обсуждаться в 1980-х гг., а с 1989 г. стал издаваться журнал *Ecological Economics*, первым редактором которого был Р. Констанза. Популяризация более широкого взгляда на благополучие населения привела к пониманию необходимости устойчивого развития всех государств [4, 5], и в сентябре 2015 г. на Генассамблее ООН был принят итоговый документ «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (17 целей и 169 задач; в 2001–2015 гг. в той или иной мере были реализованы 8 целей и 21 задача предыдущего документа ООН — «Цели развития тысячелетия»). На основе совпадения между основными компонентами устойчивости и главными векторами экологической экономики делается вывод о том, что целью современного экономического развития является не бесконечный экономический рост, а сбалансированное процветание, справедливость и устойчивость [6].

В каждом государстве на основе целей устойчивого развития ООН могли формироваться собственные национальные цели развития. В России такие цели на период до 2024 г. были утверждены в мае 2018 г. (9 целей; далее — Указ 204¹), а в июле 2020 г.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России.

в связи с пандемией коронавируса и сложной экономической ситуацией произошла трансформация целей и смещение их реализации на 2030 г. (5 целей; далее — Указ 474²). Затем в октябре 2021 г. правительство утвердило «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» (далее — Единый план³). Опыт реализации стратегических целей России в 2000–2020 гг. свидетельствует о том, что многие из них не были выполнены [7]. Дополнительные сложности с реализацией национальных целей развития возникли после 24 февраля 2022 г., но 16 марта 2022 г. Президент России заявил, что эти цели должны быть достигнуты к 2030 г.⁴

Российское научное сообщество активно обсуждало Указы 204 и 474. Если оперировать только статьями в отечественных научных журналах, то интерес к рассматриваемой проблематике постоянно увеличивался (рис. 1). Отдельные статьи публиковались и в зарубежных периодических изданиях (например, [8]). Большинство публикаций связано с общей характеристикой национальных целей и возможностью их достижения. В 10 статьях (из 59) анализировалась ситуация в отдельных регионах России, в 4 — в двух и более регионах, в 2 — в одном или нескольких федеральных округах. Получается, что в нашей стране уделялось мало внимания достижению национальных целей развития на региональном уровне. В связи с этим следует отметить недавнее исследование по Италии (анализ 175 показателей по 20 регионам), в котором особо подчеркивалась необходимость достижения целей устойчивого развития в каждом регионе государства [9]. Что касается России, то перспективные новации региональной экономической политики приведены в Стратегии пространственного развития⁵. Однако в Указе 474 ничего не сказано о взаимосвязи этой стратегии с особенностями достижения национальных целей на региональном уровне, несмотря на их взаимообусловленность [10, 11]. Конечно, существующая стратегия пространственного развития России содержит много неточностей и неопределенностей [12–14], но это только усиливает необходимость ее корректировки с учетом замечаний разных авторов и встраивания стратегии в систему национальных целей развития. Целесообразно также зафиксировать, что к настоящему времени нет ни одной научной статьи с результатами анализа целевых показателей по российским регионам, приведенным в приложении к Единому плану.

URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 01.03.2022).

² Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 01.03.2022).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г. № 2765-р «Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ffccd6ed40dbd803eedd11bc8c9f7571/Plan_po_dostizheniyu_nacionalnyh_celej_razvitiya_do_2024g.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

⁴ Стенограмма совещания В.В. Путина о мерах социально-экономической поддержки регионов // Президент России. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-soveschaniya-putina-o-merah-socialno-ekonomicheskoi-podderzhki-regionov-16-03-2022.html> (дата обращения: 20.03.2022).

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года» // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

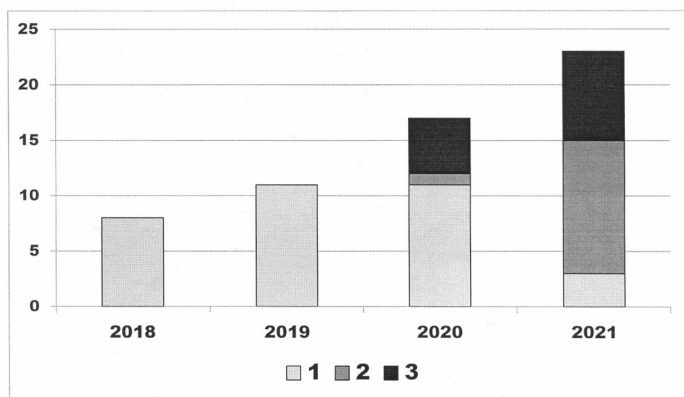

Рис. 1. Динамика ежегодного количества статей в отечественных научных журналах (опубликованы в 2018–2021 гг.), посвященных анализу Указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 (1), 21 июля 2020 г. № 474 (2) и обоих указов (3)

Источник: составлено автором по наукометрической базе данных www.elibrary.ru (дата обращения: 01.03.2022).

Мониторинг достижения целей развития проводится с помощью различных инструментов (методов). В рамках экологической экономики предпочтение отдается относительным оценкам, получаемым с помощью простого среднего, измерения расстояния и показателей прогресса [15]. При измерении того, насколько то или иное государство продвинулось к целевым показателям устойчивого развития ООН, обычно используются меры расстояния до конечных целей [16, 17]. Кроме этого, применяются ранговые корреляции [18], составные индексы [19, 20], кластерный анализ [21, 22] и экономико-математическое моделирование [23]. Можно также отметить отдельную группу исследований со своей методологией, предназначенной для управления рисками достижения целей развития [24–26].

Анализ положений Указа 474 и Единого плана в сопоставлении с имеющимися научными публикациями показал, что многие разделы этих документов не прошли независимую экспертизу. В первую очередь следует отметить региональный уровень достижения национальных целей развития России в соответствии с приложением к Единому плану. Поэтому наше исследование направлено на определение групп (кластеров) регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, характеризующихся разным расстоянием до значений целевых показателей, которые должны быть достигнуты в 2030 г. при реализации национальных целей развития Российской Федерации. Хронологические (территориальные) рамки исследования связаны с государственным заданием для научного подразделения, в котором работает автор, а хронологические рамки определялись горизонтом планирования, принятом в Указе 474.

Материалы и методы

Исходные данные по регионам взяты из приложения «Показатели для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных

органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, соответствующие на региональном уровне показателям, характеризующим достижение национальных целей развития» к Единому плану. В приложении приведены количественные данные по 85 субъектам (регионам) Российской Федерации и 19 показателям для 2020 (факт), 2021 (оценка), 2022, 2023, 2024 и 2030 гг. Отсутствие данных за 2020 г. по трем показателям привело к тому, что целевые значения 2030 г. сравнивались со значениями 2021 г. Поскольку использовались разные единицы измерения, то для возможности сравнения все показатели были переведены в относительные единицы: значения 2021 г. принимались за 100%, а значения 2030 г. рассчитывались как превышение (плюс несколько процентов с точностью до одного знака после запятой) или снижение (минус) относительно 2021 г. Разность значений 2030 и 2021 гг. интерпретировалась как расстояние до поставленных целей. Целесообразно различать одномерное и многомерное расстояние. В первом случае расстояние фиксируется по одному показателю (признаку), а во втором случае рассчитывается k -мерное (k — количество показателей) расстояние в признаковом пространстве, для чего используются методы многомерного статистического анализа.

Обзор 87 эмпирических случаев реализации «локальной повестки дня-21» для достижения целей устойчивого развития по всему миру показал [27], что на достижение (не достижение) поставленных целей воздействует множество различных факторов, которые на субнациональном уровне могут быть сведены в четыре основные группы — наличие ресурсов, благоприятная практика планирования и разработки политики, компетентные местные субъекты и доверие населения. Подробный анализ этих и других факторов, воздействующих на достижение национальных целей развития России на региональном уровне, — предмет отдельного цикла исследований. Анализ приложения к Единому плану показал, что российские регионы находятся на разном расстоянии от целевых показателей. Например, по показателю «уровень образования» город федерального значения Москва должен за десять лет (2021–2030 гг.) увеличить этот уровень на 3,9%, а Еврейская автономная область за тот же период времени должна повысить уровень образования на 14,4%. Даже если бы отмеченная дальневосточная автономия обладала (пропорционально своей людности) теми же финансовыми и другими возможностями, что и российская столица, то все равно пришлось бы пройти более длинный путь. Поэтому в нашем исследовании возможность достижения национальных целей развития в каждом регионе оценивалась через многомерное расстояние между значениями 2021 и 2030 гг. Другое ограничение, предопределенное используемыми материалами, связано с неделимостью региона как статистической единицы. На самом деле восточные регионы России характеризуются значительной внутренней дифференциацией по уровню хозяйственной освоенности и экономической активности. Однако мы не можем это отразить из-за отсутствия сведений о достижении национальных целей на муниципальном уровне. Последнее ограничение также связано с анализируемым приложением к Единому плану, в котором все российские регионы должны достигать разных значений одних и тех же показателей. Однако мировой опыт локализации целей устойчивого развития указывает на то, что отдельные территории в соответствии со своими социально-экономическими и природными особенностями должны иметь некоторые специфические показатели [28–30]. Применительно к российским регионам такая специфика отсутствует в Едином плане.

Многомерное расстояние D_{ij} между i -м и j -м регионами при разном диапазоне значений по заданным показателям предлагается оценивать по следующей формуле:

$$D_{ij} = \frac{1}{N} \sum_{k=1}^N \left(\frac{|x_{ik} - x_{jk}|}{\max(x_k) - \min(x_k)} \right),$$

где k — показатель ($k = 1, 2, \dots, N$), x_{ik} и x_{jk} — значения k -го показателя для регионов i и j , $\max(x_k)$ и $\min(x_k)$ — максимальное и минимальное значение по показателю k . При отсутствии различий по всем показателям между двумя регионами будет $D_{ij} = 0$, а при максимальном различии по всем показателям получится $D_{ij} = 1$.

При такой мере расстояния можно использовать алгоритм иерархического кластерного анализа [31] в следующей модификации: (а) рассчитывается таксономическое расстояние между каждой парой регионов и полученные результаты сводятся в симметричную матрицу $\{D_{ij}\}$; (б) на основе этой матрицы задается величина группировочного шага ΔD , определяющая количество шагов h ($h = \max D_{ij} \div \Delta D$); (в) отыскиваются два региона i и j с наименьшим расстоянием и объединяются в кластер на шаге h ($D_{ij} \leq h\Delta D$); (г) к образованному кластеру присоединяется регион p с наименьшим расстоянием до регионов i и j при соблюдении условия $D_{ip} \leq h\Delta D$, $D_{jp} \leq h\Delta D$; (д) дальнейшее присоединение новых регионов к формирующемуся кластеру происходит до тех пор, пока выполняется условие $D_{ip} \leq h\Delta D$, $D_{jp} \leq h\Delta D$; (е) после выделения первого кластера к регионам, не вошедшим в этот кластер, применяются действия (в) — (д) с целью определения всех остальных кластеров при $D_{ij} \leq h\Delta D$; (ж) на следующем шаге ($h+1$) действия (в) — (е) повторяются для всех регионов при условии увеличения допустимого расстояния на ΔD . Алгоритм останавливается при объединении всех регионов в один кластер.

Дополнительные действия связаны с определением оптимального варианта (шага) группировки регионов в кластеры. Для этого может использоваться теоретико-графовый подход, опирающийся на представление о сложности леса (множество деревьев, отражающих пошаговую последовательность объединения регионов в кластеры) [31]: (з) дендрограмма преобразуется в группировочное дерево или сразу формируется дерево (граф без циклов, у которого ребра фиксируют переход от одного шага к другому с объединение или без объединения регионов, а вершины соответствуют исходным регионам и последующим кластерным образованиям); (и) на каждом шаге рассчитываются сложность отдельного дерева $\sigma(x)$ [32], суммарная сложность всех деревьев $\sigma(D)$ и относительная сложность леса ($C_h = \sigma(D) \div \sigma(D)_{\max}$); (к) выделяются «пики» C_h при переходе от одного шага к другому ($C_{h-1} < C_h > C_{h+1}$) и если таковые существуют (при их отсутствии невозможна кластеризация), то максимальное значение C_h среди «пиков» будет соответствовать оптимальной кластеризации, а остальные «пики» будут отражать объединение регионов в подкластеры (на предыдущих шагах относительно максимального «пика» C_h) или надкластеры (на последующих шагах). Выбор именно данного алгоритма обусловлен его апробацией при анализе отечественных стратегических документов [33], а также возможностями верификации и интерпретации полученных результатов [34].

Национальные цели развития

В Указе 474 перечислены следующие национальные цели развития: (А) «Сохранение населения, здоровья и благополучия людей», (Б) «Возможности для самореализации и развития талантов», (В) «Комфортная и безопасная среда для жизни», (Г) «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» и (Д) «Цифровая трансформация».

Достижение этих целей планируется фиксировать через следующие показатели: (A1) «Численность населения субъекта Российской Федерации, тыс. человек», (A2) «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет», (A3) «Уровень бедности, %», (A4) «Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, %», (B1) «Уровень образования, %», (B2) «Эффективность системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, %», (B3) «Условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности, %», (B4) «Доля граждан, занимающихся волонтерской (добровольческой) деятельностью, %», (B5) «Число посещений культурных мероприятий, тыс. единиц», (B1) «Количество семей, улучшивших жилищные условия, тыс. семей», (B2) «Объем жилищного строительства, млн кв. метров общей площади», (B3) «Качество городской среды, %», (B4) «Доля дорожной сети в крупнейших городских агломерациях, соответствующая нормативам, %», (B5) «Качество окружающей среды, %», (Г1) «Темп роста (индекс роста) реальной среднемесячной заработной платы, % к 2020 году», (Г2) «Темп роста (индекс роста) реального среднедушевого денежного дохода населения, % к 2020 году», (Г3) «Темп роста (индекс роста) физического объема инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований федерального бюджета, % к 2020 году», (Г4) «Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, тыс. человек», (Д1) «Цифровая зрелость» органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, подразумевающая использование ими отечественных информационно-технологических решений, %».

Из приведенных показателей не наблюдаются региональные различия у B3 (все регионы в 2021 г. по 101,0%, а в 2030 г. — по 130,0%), B5 (100% в 2021 г. и 108,3% в 2030 г.), Г3 (102,5–104,3% в 2021 г. и 170,0% в 2030 г.) и Д1 (11,0% в 2021 г. и 100% в 2030 г.). Поэтому для кластеризации регионов по различиям в достижении национальных целей использовались только 15 из 19 показателей. В Российской Федерации наименьшее одномерное расстояние по показателям предполагается у следующих регионов: (A1) при установке на устойчивый рост численности населения лучше всего ожидается ситуация в г. Севастополь (+14,8%), (A2) Республика Ингушетия (+1,3%), (A3) снижение уровня бедности в г. Санкт-Петербург (–26,3%), (A4) Белгородская область (+28,7%), (B1) Тюменская область (+1,9%), (B2) Республика Тыва (+1,8%), (B4) Республика Алтай (+4,2%), (B5) г. Севастополь (+126,5%), (B1) Ненецкий автономный округ (+33,3%), (B2) г. Санкт-Петербург (–4,5%), (B3) г. Москва (+450,0%), (B4) г. Москва и Московская область (нет удаленности), (Г1) Мурманская область (+17,8%), (Г2) г. Санкт-Петербург (+19,7%) и Московская область (+19,7%), (Г4) г. Москва (+9,0%). Наиболее длинный путь предстоит пройти следующим регионам: (A1) Республика Коми (–9,4%), (A2) Амурская область (+13,4%), (A3) Республика Ингушетия (–58,7%), (A4) Республика Крым (+166,2%), (B1) Республика Дагестан (+20,1%), (B2) Новосибирская область (+44,3), (B4) Тульская область (+614,3%), (B5) Республика Тыва (+190,7%), (B1) Чеченская Республика (+51,1%), (B2) Республика Ингушетия (+193,4%), (B3) Новгородская область (+585,7%), Республика Адыгея (+585,7%) и Ямало-Ненецкий автономный округ (+585,7%), (B4) Еврейская автономная область (+88,9%), (Г1) Ивановская область (+32,0%), Республика Дагестан (+32,0%), Кабардино-Балкарская Республика (+32,0%) и Карачаево-Черкесская Республика (+32,0%), (Г2) Республика Тыва (+35,9%) и (Г4) Республика Ингушетия (+25,9%).

Если ранжировать российские регионы по мере увеличения расстояния, то регионы Сибири и Дальнего Востока занимают разные места (табл. 1). В подобных ранжированных рядах в первую очередь уделяется внимание проблемным регионам (по [17] следует обратить внимание на территории последнего квартиля рейтинга). При наличии в двух рассматриваемых федеральных округах 21 региона будем считать, что в последний квартиль рейтинга входят территории с рангами от 65 до 85. Тогда на примере первой национальной цели видно (см. табл. 1), что только Еврейская автономная область по всем четырем показателям является проблемной, а Томская область и Республика Саха (Якутия) не относятся к проблемным территориям ни по од-

Таблица 1

Место сибирских и дальневосточных регионов в рейтинге субъектов Российской Федерации по достижению национальной цели «Сохранение населения, здоровья и благополучия людей»

Регионы	Показатели			
	A1	A2	A3	A4
Республика Алтай	11	76–77	77	58
Республика Тыва	7	83–84	78–79	19
Республика Хакасия	35	59–62	65	26–27
Алтайский край	72–74	57–58	66	9
Красноярский край	31	65–67	52–54	62
Иркутская область	40–41	80–82	59–63	56–57
Кемеровская область	59	76–77	19	42–43
Новосибирская область	20	50–56	26	65
Омская область	75–76	50–56	49	47–49
Томская область	32	32–34	56	60–61
Республика Бурятия	26	50–56	78–79	18
Республика Саха (Якутия)	15–16	32–34	22–23	47–49
Забайкальский край	56–58	80–82	80	80
Камчатский край	18	75	20–21	73
Приморский край	50–52	70–73	15	77
Хабаровский край	46–47	80–82	45–47	54
Амурская область	53	85	27–28	79
Магаданская область	48–49	79	7	83
Сахалинская область	21	68–69	3	29
Еврейская автономная область	72–74	83–84	81	84
Чукотский автономный округ	2	74	11	64

Примечания. Показатели: A1 – общий прирост численности населения, A2 – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, A3 – уровень бедности, A4 – доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом. Ранг 1 присваивается региону с наименьшим расстоянием до целевого показателя, а ранг 85 – региону с наибольшим расстоянием. При одинаковых значениях у нескольких регионов указывается интервал рангов.

Источник: составлено автором по приложению к Единому плану.

ному из приведенных показателей. Если оперировать всеми показателями, то ни один регион Сибири и Дальнего Востока не является как полностью проблемным, так и без проблем. При этом наиболее длинный путь (по количеству проблемных показателей) предстоит пройти Республике Алтай (последний квартиль по показателям А2, А3, Б5, В3, В4, Г2, Г4), Республике Тыва (А2, А3, Б1, Б5, В4, Г2, Г4), Республике Хакасия (А3, Б2, Б4, В3, В4, Г2, Г4), Чукотскому автономному округу (А2, Б4, Б5, В2, В3, В4, Г4), Забайкальскому краю (А2, А3, А4, Б1, Б2, В2, В4, Г4) и Еврейской автономной области (А1, А2, А3, А4, Б1, Б5, В4, Г4), а наименее длинный путь — Новосибирской области (Б2) и Красноярскому краю (А2, Б2).

Кластеризация регионов

Исходные данные (21 регион по 15 показателей) были преобразованы в симметричную матрицу расстояний между регионами (размер 2121), используемую для выделения кластеров. При точности измерения расстояния до 0,01 величина группировочного шага принята как ближайшее значение ($\Delta D = 0,02$). Тогда при максимальном расстоянии $D_{ij} = 0,37$ (между Еврейской автономной областью и Чукотским автономным округом) получается 19 группировочных шагов. Первые четыре шага не привели к объединению регионов. На 5-м шаге ($D_{ij} \leq 0,10$) образовались пять кластеров по два региона: Кемеровская и Омская области ($D_{ij} = 0,09$), Амурская и Магаданская области (0,09), Республика Саха (Якутия) и Камчатский край (0,10), Красноярский край и Томская область (0,10), Иркутская область и Забайкальский край (0,10). Последующие шаги характеризовались образованием новых кластеров и укрупнением первоначальных кластеров (рис. 2).

На первом шаге не происходило образование кластеров, и поэтому лес состоял из 21 дерева, каждое из которых имело по две вершины и одному ребру, что соответствовало $\sigma(D) = 21 \times 2 \times 1 = 42$ и $C_1 = 42 \div 462 = 0,0909$. Следующие три шага также были без кластеров, что привело к $C_2 = 0,1111$, $C_3 = 0,1304$ и $C_4 = 0,1489$. Первые объединения регионов в кластеры произошли на пятом шаге, что было зафиксировано 16 деревьями (5 деревьев по 11 вершин и 10 ребер, а остальные 11 деревьев по 6 вершин и 5 ребер) с $C_5 = 0,1865$. Далее еще на 8 шагах происходило образование (расширение, объединение) кластеров. В итоге получилось 9 вариантов кластеризации регионов (от 16 до 2 кластеров). Среди них наибольшее значение относительной сложности леса было достигнуто на 15-м шаге с образованием двух кластеров ($C_{14} = 0,2877$, $C_{15} = 0,2943$ и $C_{16} = 0,2905$). Предыдущий «пик» был на 13-м шаге ($C_{12} = 0,2750$, $C_{13} = 0,2909$ и $C_{14} = 0,2877$), где сформировалось 3 кластерных образования. Последний «пик» с наименьшим значением пришелся на 10-й шаг ($C_9 = 0,2542$, $C_{10} = 0,2692$ и $C_{11} = 0,2684$) с 6 образованиями. Кластерные образования, полученные на 13-м и 10-м шагах, названы, соответственно, «подкластер» и «группа». Таким образом, в результате применения алгоритма кластерного анализа получилось 2 кластера (12 и 9 регионов), из них первый кластер не делился на подкластеры, а представлен тремя группами (6, 4 и 2 региона). Во второй кластер вошли два подкластера (6 и 3 региона) с делением меньшего из них на две группы. В итоге получилось следующее распределение регионов Сибири и Дальнего Востока по кластерам, подкластерам и группам (в скобках перечислены показатели первого и четвертого квартилей — $Q1$ и $Q4$, характерные для не менее половины регионов кластерного образования).

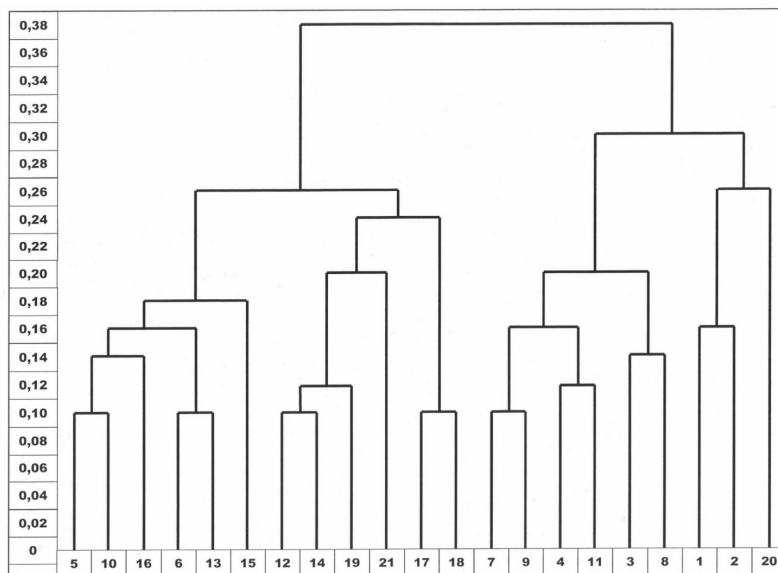

Рис. 2. Дендрограмма последовательности объединения регионов Сибири и Дальнего Востока в кластеры по достижению национальных целей развития при увеличении расстояния между регионами от 0 до 0,38

Регионы: 1 – Республика Алтай, 2 – Республика Тыва, 3 – Республика Хакасия, 4 – Алтайский край, 5 – Красноярский край, 6 – Иркутская область, 7 – Кемеровская область-Кузбасс, 8 – Новосибирская область, 9 – Омская область, 10 – Томская область, 11 – Республика Бурятия, 12 – Республика Саха (Якутия), 13 – Забайкальский край, 14 – Камчатский край, 15 – Приморский край, 16 – Хабаровский край, 17 – Амурская область, 18 – Магаданская область, 19 – Сахалинская область, 20 – Еврейская автономная область, 21 – Чукотский автономный округ.

Источник: составлено автором

Кластер K1: Красноярский край, Иркутская область, Томская область, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область и Чукотский автономный округ (*Q1:* B1, Г1, Г2; *Q4:* A2, B4).

Группа K1A1: Красноярский край, Иркутская область, Томская область, Забайкальский край, Приморский край и Хабаровский край (*Q1:* Г1, Г2; *Q4:* A2, B2, B4, B2, B4).

Группа K1A2: Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Сахалинская область и Чукотский автономный округ (*Q1:* A1, A3, B1, B3, Г1, Г2; *Q4:* A2, B4, Г4).

Группа K1A3: Амурская область и Магаданская область (*Q1:* A3, B1, B4, Г1, Г2, Г4; *Q4:* A2, A4, B1).

Кластер K2: Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область, Республика Бурятия и Еврейская автономная область (*Q4:* A3, B5, Г2, Г4).

Подкластер K2A: Республика Хакасия, Алтайский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Омская область и Республика Бурятия (*Q4:* A3, B2, B2, Г2, Г4).

Подкластер К2Б: Республика Алтай, Республика Тыва и Еврейская автономная область (Q1: A1, B2; Q4: A2, A3, B1, B5, B4, Г2, Г4).

Группа К2Б1: Республика Алтай и Республика Тыва (Q1: A1, A4, B2, B4, B1, B2; Q4: A2, A3, B1, B5, B3, B4, Г2, Г4).

Группа К2Б2: Еврейская автономная область (Q1: B2, B3; Q4: A1, A2, A3, A4, B1, B5, B4, Г4).

Обсуждение результатов

Результаты кластеризации регионов Сибири и Дальнего Востока можно обсуждать с различных позиций, но далее ограничимся только следующими сферами: положение рассматриваемых территорий в Российской Федерации, различия между кластерами, взаимосвязи показателей, территориальная структура, сравнение с другими группировками, меры поддержки и политические последствия.

В рамках нашего исследования не ставилась задача кластеризации всех российских регионов. Поэтому нет возможности установить принадлежность анализируемых регионов к общероссийским кластерам по достижению национальных целей развития. Однако можно выделить регион, находящийся в наиболее близком положении от национальных целей, и противоположный ему наиболее проблемный регион. Среди 85 российских регионов наиболее короткий путь предстоит пройти городу федерального значения Москва (Q1: A1, A2, A3, B1, B2, B5, B3, B4, Г1, Г2, Г4; Q4: нет). Относительно Москвы максимальное расстояние имеет Республика Ингушетия ($D_{ij} = 0,53$). Сравнение выявленных кластерных образований с этими крайними регионами по максимальным расстояниям позволило установить, что только группа К2Б1 (Республика Алтай и Республика Тыва) немного ближе расположена к Ингушетии ($D_{ij} = 0,39$), чем к Москве ($D_{ij} = 0,41$), а остальные образования ближе к столице России. При этом у К1А1, К2А и К2Б2 эти расстояния не менее 0,39, то есть максимального расстояния между сибирско-дальневосточными регионами. Поэтому большинство выявленных кластерных образований находится на большем расстоянии от Москвы и Ингушетии, чем между собой. Только группы К1А2 и К1А3 немного ближе к столице (соответственно, 0,31 и 0,29; до Ингушетии 0,48 и 0,47). Более подробное положение кластерных образований можно получить из сравнения средних для них значений показателей с соответствующими средними значениями по Российской Федерации. К сожалению, в приложении к Единому плану только пять показателей имели абсолютные значения, что позволило рассчитать арифметическое среднее (табл. 2). Из приведенных данных следует (см. табл. 2), что 21 рассматриваемый регион существенно отличается (более 10%) от всех российских регионов только по показателям А1 и В2, а по кластерным образованиям таких отличий значительно больше — по А1, В5, В2 и Г4.

Различия между двумя выявленными кластерами могут проявляться через разный набор целевых показателей, значения которых находятся в последнем квартиле. Если исходить из количества регионов с проблемными показателями и оперировать знаками превышения (>) и равенства (=) этого количества, то кластер К1 будет характеризоваться $A2 > B4 > A4 = B2 > B2 > B4 = Г4 > B1 = B3 > A3 = B5 > A1 = B1 = Г1 = Г2$ (A2 встречается в 10 регионах, а А1, В1, Г1 и Г2 нигде не встречаются), а кластер К2 будет иметь $A3 = Г4 > B5 = Г2 > B1 = B2 = B4 > A1 = A2 = B2 > B3 > A4 = B4 = Г1 > B1$ (А3 и Г4 будут в 6 регионах, а В1 — нигде). Отсюда следует, что в регионах первого кластера больше всего

Таблица 2

Изменение значений некоторых показателей национальных целей развития в 2030 г. по сравнению с 2021 г. по кластерам, подкластерам и группам регионов Сибири и Дальнего Востока, %

Кластеры, подкластеры и группы регионов	Показатели				
	А1	Б5	В1	В2	Г4
К1	-1,7	+173,8	+42,0	+76,4	+10,5
К1А1	-2,4	+173,7	+42,4	+82,8	+10,5
К1А2	+3,9	+173,3	+40,2	+51,1	+10,6
К1А3	-4,3	+176,8	+40,9	+60,1	+10,5
К2	-2,3	+179,4	+42,9	+87,0	+10,5
К2А	-2,8	+178,8	+43,0	+88,8	+10,4
К2Б	+5,9	+188,7	+42,1	+53,8	+11,8
К2Б1	+9,4	+189,2	+41,8	+52,6	+11,8
К2Б2	-6,1	+186,2	+42,9	+64,0	+11,8
Все регионы Сибири и Дальнего Востока	-2,0	+176,6	+42,4	+81,3	+10,5
Все регионы Российской Федерации	-0,4	+170,1	+42,9	+54,0	+10,1

Примечания. Показатели: А1 – общий прирост численности населения, Б5 – число посещений культурных мероприятий, В1 – количество семей, улучшивших жилищные условия, В2 – объем жилищного строительства, Г4 – численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых. Кластер К1 объединяет регионы 5, 6, 10, 12–19 и 21 (по рис. 2), а кластер К2 – остальные регионы. В подкластер К2А входят регионы 3, 4, 7–9 и 11, а в К2Б – 1, 2 и 20 (см. рис. 2). Группа К1А1 состоит из регионов 5, 6, 10, 13, 15 и 16, К1А2 – из 12, 14, 19 и 21, К1А3 – из 17 и 18, К2Б1 – из 1 и 2, К2Б2 – из 20.

Источник: рассчитано автором по приложению к Единому плану

усилий придется приложить для достижения целевых показателей по ожидаемой продолжительности жизни при рождении, доле нормативной дорожной сети в городских агломерациях и доле граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, а в регионах второго кластера наиболее проблематично будет со снижением уровня бедности, увеличением численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, а также с посещаемостью культурных мероприятий и темпами роста реального среднедушевого денежного дохода населения. Несмотря на то, что каждый показатель зависит от множества факторов, основное различие между двумя кластерами заключается в некотором преобладании социальной проблематики в К1 и экономической проблематики в К2.

Все цели и конкретизирующие их показатели в той или иной мере взаимосвязаны [35, 36]. При этом присутствие в Едином плане некоторых показателей вызывает ряд вопросов о значениях, целесообразности и повсеместности их применения. Например, показатель «Доля дорожной сети в крупнейших городских агломерациях, соответствующая нормативам» (В4) имеет целевые значения по всем регионам Сибири и Дальне-

го Востока, а крупнейшие агломерации [37] — Новосибирская, Омская, Красноярская, Новокузнецкая, Иркутская, Барнаульская, Владивостокская, Томская, Хабаровская и Кемеровская — размещены только в 9 регионах. Получается, что в остальных 12 регионах показатель В4 не должен рассчитываться. В качестве другого примера можно привести взаимосвязанные показатели «Количество семей, улучшивших жилищные условия» (В1) и «Объем жилищного строительства» (В2). В 19 регионах относительный прирост В2 в разной мере превышает прирост В1, а в двух регионах — Красноярском крае и Республике Алтай — почему-то запланирована инверсия (В1 превышает В2). Получается, что в Красноярском крае (К1А1) в 2021 г. на одну семью, улучшившую жилищные условия, приходится 15,6 кв. метра нового жилья, а в 2030 г. это значение снижается до 13,4 кв. м, тогда как в соседней Иркутской области (К1А1) повышается с 16,4 до 23,8 кв. м на семью. В Республике Алтай (К2Б1) этот производный показатель будет уменьшаться с 22,5 в 2021 г. до 21,4 в 2030 г., а в соседней Республике Тыва (К2Б1) увеличиваться с 21,0 до 24,9 кв. м на семью. Последний пример иллюстрирует взаимосвязь показателей «Уровень бедности» (А3) и «Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства» (Г4): в К1А1, К2А, К2Б1 и К2Б2 медианные значения указывают на то, что увеличение в 2021–2030 гг. показателя Г4 на 1% приводит к снижению А3 на 4,3–4,5%, а в К1А2 и К1А3 соответствующее увеличение Г4 дает снижение только на 3,3–3,6%. В Едином плане и других документах нет объяснения столь существенному межрегиональному различию. В Республике Саха (Якутия), Камчатском крае, Чукотском автономном округе, Амурской, Магаданской и Сахалинской областях уменьшение уровня бедности может слабо зависеть от развития среднего и малого предпринимательства или при определении значений на 2030 г. по каким-то причинам снизили одни и повысили другие показатели.

По причине межрегиональных социально-экономических связей соседние регионы могут характеризоваться пространственной автокорреляцией отдельных показателей, что наиболее наглядно продемонстрировано на примере регионов Европейского союза [38–40]. В результате этого складывается некоторая территориальная структура в виде компактных скоплений смежных регионов со сходными характеристиками. К примеру, при оценке специализации российских регионов на телекоммуникационных услугах было установлено [41], что наличие в Европейской России двух мощных хабов — Москва и Санкт-Петербург — привело к «выдавливанию» функции специализации на периферию (Калининградская область и три региона Уральского федерального округа), а также созданию на значительном удалении от столицы еще одного ядра (четыре региона в Сибири) и окраинного эффекта (на Дальнем Востоке). Что касается достижения национальных целей развития на востоке России, то территориальную смежность регионов имеет только кластер К1, а в К2 смежность 9 регионов сопровождается анклавным положением Еврейской автономной области. Переход к другим выявленным кластерным образованиям позволяет отметить только географически компактное расположение групп К1А2 и К2Б1 (К2Б2 не учитывается, так как состоит из одного региона). При интерпретации результатов кластеризации через многомерное расстояние от столицы России получается другая территориальная структура: наименее удаленные группы — К1А2 и К1А3 — образуют сплошную зону на Дальнем Востоке, «разрезающую» переходную зону (К1А1 и К2А) на западную (10 регионов) и восточную (Приморский и Хабаровский край) части с расположением наиболее удаленных групп (К2Б1 и К2Б2) вдоль государственной границы.

При сравнении полученных результатов с другими группировками сибирских и дальневосточных регионов, опирающимися на прогноз социально-экономического развития, следует отметить, что до настоящего времени опубликован только один вариант кластеризации этих регионов [33] — по сочетанию перспективных экономических специализаций, представленных в стратегии пространственного развития России до 2025 г. Если практика смещения горизонта планирования, имеющая место в Указе 474, распространится на другие отечественные стратегические документы, то реализация целей пространственного развития может быть сдвинута на 2030 г. В сравниваемой кластеризации 21 регион по 32 перспективным экономическим специализациям объединен в пять кластеров: K1* (11 регионов), K2* (Республика Саха (Якутия)), K3* (Республика Бурятия, Забайкальский край и Еврейская автономная область), K4* (Камчатский край, Магаданская область, Сахалинская область и Чукотский автономный округ) и K5* (Республика Алтай, Республика Тыва). Нетрудно заметить, что K1*, ..., K5* не могут быть свернуты в K1 и K2. Вместе с тем, некоторые параллели все же имеются: «наихудший» кластер K5* идентичен почти «наихудшей» группе K2Б1; 3 из 4 регионов являются одинаковыми в K4* и K1А2; одни и те же 10 регионов встречаются в K1* и объединении K1А1 с K2А (несовпадение связано с Республикой Бурятия, Забайкальским краем и Амурской областью). Тем не менее, сложность сочетания перспективных специализаций и достижение национальных целей развития в сибирско-дальневосточных кластерах имеют разную направленность: наиболее перспективный K1* только по одному региону — Амурской области — пересекается с относительно близкими к российской столице группами K1А2 и K1А3 (в них 4 из 6 регионов входят в неперспективную K4*).

В Едином плане в разделе «Региональное развитие» специально отмечено, что «ключевое условие эффективного развития регионов — наращивание собственной доходной базы» (с. 232). Тем не менее, за счет средств федерального бюджета будет осуществляться финансирование проектов достижения национальных целей развития в приоритетных и геостратегических территориях. К ним отнесены Дальний Восток, Арктическая зона Российской Федерации, Ангаро-Енисейский макрорегион и другие территории, не рассматриваемые в нашем исследовании. Кроме этого, предлагается финансирование индивидуальных программ социально-экономического развития 10 регионов, среди которых Республика Алтай, Республика Тыва и Алтайский край. Дополнительно выделена программа по диверсификации экономики Кемеровской области — Кузбасса. Таким образом, на федеральную поддержку могут рассчитывать все регионы, входящие в K1А2, K1А3, K2Б1 и K2Б2, а также 5 из 6 регионов в K1А1 и 4 из 6 регионов в K2А. Оставшиеся три региона — Новосибирская, Омская и Томская области — для достижения национальных целей развития должны опираться только на собственную доходную базу.

Не достижение национальных целей развития в тех или иных регионах будет иметь политические последствия для глав этих регионов, о чем можно судить по названию приложения к Единому плану — «Показатели для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц...». По результатам нашего исследования получается, что относительно легче будет главам тех регионов, в которых предстоит пройти относительно короткий путь к достижению национальных целей развития (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Сахалинская область и Чукотский автономный округ в K1А2, Амурская и Магаданская области в K1А3), а тяжелее всего придется главам регионов с наиболь-

шим многомерным расстоянием до целей, к которым относятся Еврейская автономная область (К2Б2), Республика Алтай и Республика Тыва (К2Б1).

Заключение

Анализ 15-мерных расстояний между 21 регионом Сибири и Дальнего Востока по достижению национальных целей развития показал, что сформировались два кластера регионов, первый из которых состоит из трех групп, а второй представлен двумя подкластерами с делением одного из них на две группы. По отношению к региону-лидеру, наиболее приближенному к национальным целям (г. Москва), четыре сибирско-дальневосточных кластерных образования находятся на значительном удалении, превышающем межрегиональные расстояния, а две группы первого кластера в многомерном признаковом пространстве расположились значительно ближе к российской столице, чем остальные регионы. Поэтому шесть регионов, компактно расположенных на Дальнем Востоке, с большей вероятностью достигнут к 2030 г. установленных целевых показателей, чем остальные регионы, среди которых наиболее длинный путь до национальных целей предстоит пройти Еврейской автономной области, Республике Алтай и Республике Тыва.

Попытка оценить многомерное расстояние между регионами при достижении национальных целей развития предпринята впервые в мировой науке. Пионерные исследования обычно содержат много допущений и предположений, которые в дальнейшем предстоит подтвердить или опровергнуть. Не все из них можно идентифицировать на начальной стадии научного поиска. В первом приближении представляется целесообразным в будущем сосредоточить усилия на следующих направлениях: (а) построить интегральный индекс достижимости национальных целей развития в регионе; (б) провести кластеризацию всех российских регионов; (в) одни и те же регионы объединить в кластеры с помощью различных алгоритмов, чтобы в результате сопоставления полученных результатов выйти на некоторую инвариантную кластерную структуру; (г) перейти от выделения кластеров к определению будущих социально-экономических районов с помощью алгоритмов прогнозного районирования [31]; (д) разработать и апробировать другие меры расстояния между регионами; (е) идентифицировать территориальные структуры более высокого уровня, чем смежность регионов; (ж) параметризовать новые свойства кластера относительно региона; (з) выявить факторы, влияющие на каждый показатель, и посредством многофакторного анализа оценить вероятность достижения поставленных целей в каждом регионе; (и) рассчитать оптимальный размер бюджетного финансирования для проблемных регионов, необходимый для достижения целевых показателей; (к) предложить новые социально-экономические инновации, позволяющие ускорить достижение поставленных целей, и рассчитать предпочтительную маршрутизацию пространственной диффузии этих инноваций.

Практическая значимость полученных результатов может быть связана с корректировкой целевых показателей для регионов, чтобы сократить межрегиональные различия и тем самым способствовать достижению национальных целей развития всеми российскими регионами. Другой путь предполагает поставить все регионы в равные условия по достижению поставленных целей за счет изменения горизонта планирования: регионы с небольшим многомерным расстоянием могут выйти на заданные показатели

до 2030 г., а регионы со значительными расстояниями — после 2030 г. (или одни регионы достигнут целей в 2030 г., а другие — в последующие годы). Еще одной сферой практического применения может стать использование методики определения многомерного расстояния для ежегодного мониторинга достижения национальных целей развития на региональном уровне.

Список источников

1. Fioramonti L., Coscieme L., Mortensen L.F. From gross domestic product to wellbeing: How alternative indicators can help connect the new economy with the Sustainable Development Goals. *Anthropocene Review*. 2019;6(3):207–222. <https://doi.org/10.1177/2053019619869947>.
2. Costanza R. (Ed.). *Ecological Economics: The Science and Management of Sustainability*. New York: Columbia University Press, 1991. 525 p.
3. Costanza R., Howard R.B., Kubiszewski I., Liu S., Ma C., Plumecocq C., Stern D.I. Influential publications in ecological economics revisited. *Ecological Economics*. 2016;123:68–76. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2016.01.007>.
4. Sachs J.D. *The Age of Sustainable Development*. New York: Columbia University Press, 2015. 544 p.
5. Niklasson L. *Improving the Sustainable Development Goals: Strategies and the Governance Challenge*. London: Routledge, 2019. 142 p.
6. Costanza R., Daly L., Fioramonti L., Giovannini E., Kubiszewski I., Mortensen L.F., Pickett K.E., Ragnarsdottir K.V., De Vogli R., Wilkinson R. Modelling and measuring sustainable wellbeing in connection with the UN Sustainable Development Goals. *Ecological Economics*. 2016;130:350–355. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2016.07.009>.
7. Сильвестров С.Н., Крупнов Ю.А., Старовойтов В.Г. Определение и реализация национальных целей развития в российском стратегическом планировании // Российский экономический журнал. 2021. № 1. С. 32–44. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-1-32-44>.
8. Sakharov A., Kolmar O. Prospects of implementation of the UN SDG in Russia. *International Journal of Agricultural Management*. 2019;8(1):189–206. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-11>.
9. D'Adamo I., Gastaldi M., Imbriani C., Morone P. Assessing regional performance for the Sustainable Development Goals in Italy. *Scientific Reports*. 2021;11:e24117. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-03635-8>.
10. Пронина Л.И. Трансформация стратегий социально-экономического и пространственного развития России на основе создания системы национального планирования // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 1, № 5. С. 5–14. <https://doi.org/10.36871/ek.ur.p.r.2021.05.01.001>.
11. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Стратегия пространственного развития и основные направления ее актуализации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 1. С. 7–23. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-1-7-23>.
12. Лексин В.Н. Дороги, которые мы не выбираем (О правительственной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года») // Российский экономический журнал. 2019. № 3. С. 3–24. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-3-3-24>.
13. Сорокина Н.Ю. Общесистемные проблемы пространственного развития Российской Федера-

- ции // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8, № 1. С. 4–15. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.1.1>.
14. *Блануца В.И.* Географическая экспертиза стратегий экономического развития России. М.: ИНФРА-М, 2021. 198 с.
 15. *Miola A., Schiltz F.* Measuring sustainable development goals performance: How to monitor policy action in the 2030 Agenda implementation? *Ecological Economics*. 2019;164:e106373. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106373>.
 16. *OECD.* Measuring Distance to the SDG Targets. An Assessment of Where OECD Countries Stand. Paris: OECD, 2017. 59 p.
 17. *Gennari P., D'Orazio M.* A statistical approach for assessing progress toward the SDG targets. *Statistical Journal of the IAOS*. 2020;36:1129–1142. <https://doi.org/10.3233/SJI-200688>.
 18. *Lafortune G., Fuller G., Schmidt-Traub G., Kroll C.* How is progress towards the sustainable development goals measured? Comparing four approaches for the EU. *Sustainability*. 2020;12(18):e7675. <https://doi.org/10.3390/su12187675>.
 19. *Diaz-Sarachaga J.M., Jato-Espino D., Castro-Fresno D.* Is the Sustainable Development Goals (SDG) index an adequate framework to measure the progress of the 2030 Agenda? *Sustainable Development*. 2018;26(6):663–671. <https://doi.org/10.1002/sd.1735>.
 20. *Andriati R., Yusuf A.A.* Indonesian provinces SDGs composite index: Lampung Province analysis. *Economics and Finance in Indonesia*. 2021;67(1):e819. <https://doi.org/10.47291/efi.v67i1.819>.
 21. *Cling J.-P., Eghbal-Teherani S., Orzoni M., Plateau C.* The interlinkages between the SDG indicators and the differentiation between EU countries: It is (mainly) the economy! *Statistical Journal of the IAOS*. 2020;36(2):455–470. <https://doi.org/10.3233/SJI-190507>.
 22. *Linnerud K., Holden E., Simonsen M.* Closing the sustainable development gap: A global study of goal interactions. *Sustainable Development*. 2021;29(4):738–753. <https://doi.org/10.1002/sd.2171>.
 23. *Ali E., Elsayah S., Ryan M.J.* A review and catalogue to the use of models in enabling the achievement of sustainable development goals (SDG). *Journal of Cleaner Production*. 2022;340:e130803. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.130803>.
 24. *Кириченко И.А., Гумеров Р.Р.* Реализация национальных целей и стратегическое планирование: фактор управления рисками // Российский экономический журнал. 2019. № 6. С. 52–62. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-6-52-62>.
 25. *Перцева Е.Ю., Скобарев В.Ю., Теленков Е.Е.* Устойчивое развитие и управление рисками // Проблемы анализа риска. 2021. Т. 18, № 4. С. 16–27. <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2021-18-4-16-27>.
 26. *Lyytimäki J., Salo H., Lepenies R., Buttner L., Mustajoki J.* Risks of producing and using indicators of sustainable development goals. *Sustainable Development*. 2020;28(6):1528–1538. <https://doi.org/10.1002/sd.2102>.
 27. *Ningrum D., Malekpour S., Raven R., Moallemi E.A.* Lessons learnt from previous local sustainability efforts to inform local action for the Sustainable Development Goals. *Environmental Science & Policy*. 2022;129:45–55. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2021.12.018>.
 28. *Belda-Miquel S., Boni A., Calabuig C.* SDG localisation and decentralized development aid: Exploring opposing discourses and practices in Valencia's aid sector. *Journal of Human Development and Capabilities*. 2019;20(4):386–402. <https://doi.org/10.1080/19452829.2019.1624512>.
 29. *Jiménez-Aceituno A., Peterson G.D., Norström A.V., Wong G.Y., Downing A.S.* Local lens for SDG implementation: Lessons from bottom-up approaches in Africa. *Sustainability Science*. 2020;15(3):729–743. <https://doi.org/10.1007/s11625-019-00746-0>.

30. Jones P., Comfort D. A commentary on the localization of the sustainable development goals. *Journal of Public Affairs*. 2020;20(1):e1943. <https://doi.org/10.1002/pa.1943>.
31. Блануца В.И. Социально-экономическое районирование в эпоху больших данных. М.: ИНФРА-М, 2018. 194 с.
32. Шрейдер Ю.А. Равенство, сходство, порядок. М.: Наука, 1971. 254 с.
33. Блануца В.И. Кластеризация регионов Сибири и Дальнего Востока по перспективным экономическим специализациям // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2020. Т. 18, № 2. С. 80–90. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(2\).80-90](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(2).80-90).
34. Blanutsa V.I. Dendrograms in regional socio-economic analysis: Interpretation and verification. *Scientific Visualization*. 2021;13(5):1–15. <https://doi.org/10.26583/sv.13.5.01>.
35. Le Blanc D. Towards integration at last? The sustainable development goals as a network of targets. *Sustainable Development*. 2015;23(3):176–187. <https://doi.org/10.1002/sd.1582>.
36. Weitz N., Carlsen H., Nilsson M., Skånberg K. Towards systemic and contextual priority setting for implementing the 2030 Agenda. *Sustainability Science*. 2018;13:531–548. <https://doi.org/10.1007/s11625-017-0470-0>.
37. Антонов Е.В., Махрова А.Г. Крупнейшие городские агломерации и формы расселения на дагломерационного уровня в России // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 4. С. 31–45. <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019431-45>.
38. Lutz S.U. The European digital single market strategy: Local indicators of spatial association 2011–2016. *Telecommunication Policy*. 2019;43(5):393–410. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2018.10.003>.
39. Lucendo-Monedero A.L., Ruiz-Rodríguez F., González-Relaño R. Measuring the digital divide at regional level. A spatial analysis of the inequalities in digital development of households and individuals in Europe. *Telematics and Informatics*. 2019;41:197–217. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2019.05.002>.
40. Antunes M., Pinho C., Varum C., Viegas M. The impact of structural funds on regional growth: A panel data spatial analysis. *Intereconomics: Review of European Economic Policy*. 2020;55(5):312–319. <https://doi.org/10.1007/s10272-020-0921-1>.
41. Блануца В.И. Территориальная структура специализации российских регионов на телекоммуникационных услугах // Региональные исследования. 2017. № 1. С. 16–24.

References

1. Fioramonti L., Coscieme L., Mortensen L.F. From gross domestic product to wellbeing: How alternative indicators can help connect the new economy with the Sustainable Development Goals. *Anthropocene Review*. 2019;6(3):207–222. <https://doi.org/10.1177/2053019619869947>.
2. Costanza R. (Ed.). *Ecological Economics: The Science and Management of Sustainability*. New York: Columbia University Press, 1991. 525 p.
3. Costanza R., Howard R.B., Kubiszewski I., Liu S., Ma C., Plumecocq C., Stern D.I. Influential publications in ecological economics revisited. *Ecological Economics*. 2016;123:68–76. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2016.01.007>.
4. Sachs J.D. *The Age of Sustainable Development*. New York: Columbia University Press, 2015. 544 p.
5. Niklasson L. *Improving the Sustainable Development Goals: Strategies and the Governance Challenge*. London: Routledge, 2019. 142 p.
6. Costanza R., Daly L., Fioramonti L., Giovannini E., Kubiszewski I., Mortensen L.F., Pickett K.E.,

- Ragnarsdottir K.V., De Vogli R., Wilkinson R. Modelling and measuring sustainable wellbeing in connection with the UN Sustainable Development Goals. *Ecological Economics*. 2016;130:350–355. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2016.07.009>.
7. Silvestrov S.N., Krupnov Yu.A., Starovoitov Yu.A. Determination and implementation of national development goals in Russian strategic planning. *Russian Economic Journal*. 2021;(1):32–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-1-32-44>.
 8. Sakharov A., Kolmar O. Prospects of implementation of the UN SDG in Russia. *International Journal of Agricultural Management*. 2019;8(1):189–206. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-11>.
 9. D'Adamo I., Gastaldi M., Imbriani C., Morone P. Assessing regional performance for the Sustainable Development Goals in Italy. *Scientific Reports*. 2021;11:e24117. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-03635-8>.
 10. Pronina L.I. Transformation of Russia's socio-economic and spatial development strategies based on the creation of a national planning system. *Economics and management: problems, solutions*. 2021;1(5):5–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2021.05.01.001>.
 11. Ivanov O.B., Buchwald E.M. Spatial development strategy and the main directions of its actualization. *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*. 2021;(1):7–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2021-1-7-23>.
 12. Leksin V.N. The roads that we do not choose (On the government «Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025»). *Russian Economic Journal*. 2019;(3):3–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-3-3-24>.
 13. Sorokina N.Yu. Systemic issues of spatial development of the Russian Federation. *Regional Economy. South of Russia*. 2020;8(1):4–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/re.vol10.1.1>.
 14. Blanutsa V.I. Geographical expertise of Russia's economic development strategies. Moscow: INFRA-M, 2021. 198 p. (In Russ.).
 15. Miola A., Schiltz F. Measuring sustainable development goals performance: How to monitor policy action in the 2030 Agenda implementation? *Ecological Economics*. 2019;164:e106373. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2019.106373>.
 16. OECD. Measuring Distance to the SDG Targets. An Assessment of Where OECD Countries Stand. Paris: OECD, 2017. 59 p.
 17. Gennari P., D'Orazio M. A statistical approach for assessing progress toward the SDG targets. *Statistical Journal of the IAOS*. 2020;36:1129–1142. <https://doi.org/10.3233/SJI-200688>.
 18. Lafortune G., Fuller G., Schmidt-Traub G., Kröll C. How is progress towards the sustainable development goals measured? Comparing four approaches for the EU. *Sustainability*. 2020;12(18):e7675. <https://doi.org/10.3390/su12187675>.
 19. Diaz-Sarachaga J.M., Jato-Espino D., Castro-Fresno D. Is the Sustainable Development Goals (SDG) index an adequate framework to measure the progress of the 2030 Agenda? *Sustainable Development*. 2018;26(6):663–671. <https://doi.org/10.1002/sd.1735>.
 20. Andriati R., Yusuf A.A. Indonesian provinces SDGs composite index: Lampung Province analysis. *Economics and Finance in Indonesia*. 2021;67(1):e819. <https://doi.org/10.47291/efi.v67i1.819>.
 21. Cling J.-P., Eghbal-Teherani S., Orzoni M., Plateau C. The interlinkages between the SDG indicators and the differentiation between EU countries: It is (mainly) the economy! *Statistical Journal of the IAOS*. 2020;36(2):455–470. <https://doi.org/10.3233/SJI-190507>.
 22. Linnerud K., Holden E., Simonsen M. Closing the sustainable development gap: A global study of goal interactions. *Sustainable Development*. 2021;29(4):738–753. <https://doi.org/10.1002/sd.2171>.

23. Ali E., Elsawah S., Ryan M.J. A review and catalogue to the use of models in enabling the achievement of sustainable development goals (SDG). *Journal of Cleaner Production*. 2022;340:e130803. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.130803>.
24. Kirichenko I.A., Gumerov R.R. Realization of national goals and strategic planning: Risk management factor. *Russian Economic Journal*. 2019;(6):52–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-6-52-62>.
25. Pertseva E.Yu., Skobarev V.Yu., Telenkov E.E. Sustainable development and risk management. *Issues of risk analysis*. 2021;18(4):16–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.32686/1812-5220-2021-18-4-16-27>.
26. Lyytimäki J., Salo H., Lepenies R., Buttner L., Mustajoki J. Risks of producing and using indicators of sustainable development goals. *Sustainable Development*. 2020;28(6):1528–1538. <https://doi.org/10.1002/sd.2102>.
27. Ningrum D., Malekpour S., Raven R., Moallemi E.A. Lessons learnt from previous local sustainability efforts to inform local action for the Sustainable Development Goals. *Environmental Science & Policy*. 2022;129:45–55. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2021.12.018>.
28. Belda-Miquel S., Boni A., Calabuig C. SDG localisation and decentralized development aid: Exploring opposing discourses and practices in Valencia's aid sector. *Journal of Human Development and Capabilities*. 2019;20(4):386–402. <https://doi.org/10.1080/19452829.2019.1624512>.
29. Jiménez-Aceituno A., Peterson G.D., Norström A.V., Wong G.Y., Downing A.S. Local lens for SDG implementation: Lessons from bottom-up approaches in Africa. *Sustainability Science*. 2020;15(3):729–743. <https://doi.org/10.1007/s11625-019-00746-0>.
30. Jones P., Comfort D. A commentary on the localization of the sustainable development goals. *Journal of Public Affairs*. 2020;20(1):e1943. <https://doi.org/10.1002/pa.1943>.
31. Blanutsa V.I. Socio-economic regionalization in the era of big data. Moscow: *INFRA-M*, 2018. 194 p. (In Russ.).
32. Schrader Yu.A. Equality, similarity, order. Moscow: *Nauka*, 1971. 254 p. (In Russ.).
33. Blanutsa V.I. Clustering the regions of Siberia and the Far East by promising economic specializations. *HERALD OF OMSK UNIVERSITY. Series "ECONOMICS"*. 2020;18(2):80–90. (In Russ.). [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(2\).80-90](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(2).80-90).
34. Blanutsa V.I. Dendrograms in regional socio-economic analysis: Interpretation and verification. *Scientific Visualization*. 2021;13(5):1–15. <https://doi.org/10.26583/sv.13.5.01>.
35. Le Blanc D. Towards integration at last? The sustainable development goals as a network of targets. *Sustainable Development*. 2015;23(3):176–187. <https://doi.org/10.1002/sd.1582>.
36. Weitz N., Carlsen H., Nilsson M., Skånberg K. Towards systemic and contextual priority setting for implementing the 2030 Agenda. *Sustainability Science*. 2018;13:531–548. <https://doi.org/10.1007/s11625-017-0470-0>.
37. Antonov E.V., Makhrova A.G. The largest urban agglomerations and forms of settlement of the supra-agglomeration level in Russia. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 2019;(4): 31–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019431-45>.
38. Lutz S.U. The European digital single market strategy: Local indicators of spatial association 2011–2016. *Telecommunication Policy*. 2019;43(5):393–410. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2018.10.003>.
39. Lucendo-Monedero A.L., Ruiz-Rodríguez F., González-Relaño R. Measuring the digital divide at regional level. A spatial analysis of the inequalities in digital development of households and individuals in Europe. *Telematics and Informatics*. 2019;41:197–217. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2019.05.002>.

40. Antunes M., Pinho C., Varum C., Viegas M. The impact of structural funds on regional growth: A panel data spatial analysis. *Intereconomics: Review of European Economic Policy*. 2020;55(5):312–319. <https://doi.org/10.1007/s10272-020-0921-1>.
41. Blanutsa V.I. Territorial structure of specialization of Russian regions in telecommunication services. *Regional'nye issledovaniya*. 2017;(1):16–24. (In Russ.).

Информация об авторе

В.И. Блануца – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения РАН, Иркутск, Россия.

Information about the author

V.I. Blanutsa – Doctor of Science (Geography), Leading Research Fellow of the V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia.

Статья поступила в редакцию 02.04.2022; одобрена после рецензирования 09.04.2022; принята к публикации 14.04.2022.

The article was submitted 02.04.2022; approved after reviewing 09.04.2022; accepted for publication 14.04.2022.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА»**

**Журнал
«Менеджмент
и бизнес-администрирование»**

Предоставление комплексной и систематизированной информации по теории и практике, направленной на повышение качества и эффективности управленческих процессов на различных уровнях хозяйствования.

Журнал включен в перечень ВАК
www.mba-journal.ru

ПОДПИСКА

- НА ПЕЧАТНУЮ ВЕРСИЮ:
- в редакции: (499) 152-0490, podpiska@ideg.ru
- в любом отделении почтовой связи по подписному каталогу
- НА ЭЛЕКТРОННУЮ ВЕРСИЮ:
через электронные библиотеки: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU;
Университетская библиотека ONLINE; Базы данных East View

РЕКЛАМА

Хозяйствование и технологический прогресс

Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 84–99.

Russian Economic Journal. 2022;(3):84–99.

Научная статья

УДК 330.341.1, 330.43

<https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-84-99>

**ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ
И ВЛИЯНИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОГО
ПРОИЗВОДСТВА**

**Татьяна Викторовна Гудкова¹, Алексей Витальевич Заздравных²,
Вероника Сергеевна Логинова³**

^{1,2,3} *Экономический факультет, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

¹*tat-gud@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8314-6993>*

²*apkreforma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7828-8946>*

³*lovs16a@econ.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3303-0938>*

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Викторовна Гудкова, tat-gud@yandex.ru

Аннотация. Бурное развитие науки, техники и информационных технологий, а также их активное внедрение в экономическую жизнь в последние годы вызвали изменения, связанные с развитием качественно новых технологий материального производства — цифровых. Данная статья является продолжением исследования факторов, оказывающих влияние на успешность внедрения цифровых технологий на промышленных предприятиях в России. Также на основе регрессионного анализа авторы статьи проверяют гипотезу о том, что при прочих равных условиях внедрение цифровых технологий предприятием будет положительно влиять на его финансовые показатели.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые технологии, предприятие, цифровая трансформация, эконометрическое моделирование

Для цитирования: Гудкова Т.В., Заздравных А.В., Логинова В.С. Цифровые технологии: актуальные проблемы внедрения и влияние на эффективность промышленного производства // Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 84–99. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-84-99>.

Entrepreneurship and Technological Progress

Original article

**DIGITAL TECHNOLOGIES: ACTUAL PROBLEMS OF IMPLEMENTATION
AND IMPACT ON THE EFFICIENCY OF INDUSTRIAL PRODUCTION**

Tatiana V. Gudkova¹, Alexey V. Zazdravnykh², Veronika S. Loginova³

^{1,2,3} *Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

¹*tat-gud@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8314-6993>*

© Гудкова Т.В., Заздравных А.В., Логинова В.С., 2022

²apkreforma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7828-8946>
³lovs16a@econ.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3303-0938>

Corresponding author: Tatiana V. Gudkova, tat-gud@yandex.ru

Abstract. The rapid development of science, technology and information technologies, as well as their active introduction into economic life in recent years have caused changes associated with the development of qualitatively new technologies of material production — digital. This article is a continuation of the study of factors influencing the success of the introduction of digital technologies at industrial enterprises in Russia. Also, on the basis of regression analysis, the authors test the hypothesis that, all other things being equal, the introduction of digital technologies by an enterprise will positively affect its financial performance.

Keywords: digital economy, digital technologies, enterprise, digital transformation, econometric modeling

For citation: Gudkova T.V., Zazdravnykh A.V., Loginova V.S. Digital technologies: Actual problems of implementation and impact on the efficiency of industrial production. *Russian Economic Journal*. 2022;(3):84–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-84-99>.

Введение

Активное развитие и распространение новейших *цифровых технологий*¹ в последние десятилетия в значительной мере изменило облик большинства отраслей, в том числе и промышленных, имеющих высокую долю в структуре экономики многих регионов России. При этом анализ, проведенный в более раннем исследовании [1], позволил сделать вывод о том, что цифровизация российских предприятий все еще находится на достаточно низком уровне, и лишь некоторым компаниям удалось провести глубокую цифровую трансформацию бизнес-процессов. Был выявлен ряд факторов, способствующих успешности внедрения цифровых технологий на промышленных предприятиях в России и определены барьеры, возникающие на пути их цифровой трансформации. В качестве дальнейших шагов исследования целесообразно будет выявить и другие проблемы, являющиеся препятствием для внедрения цифровых технологий в промышленное производство в России, и определить, какое влияние данные технологии оказывают на его эффективность.

Актуальные проблемы внедрения цифровых технологий в промышленное производство в России

В результате построения модели множественной регрессии на основе данных опроса, проведенного Институтом анализа предприятий и рынков ВШЭ в рамках проекта «Факторы конкурентоспособности и роста российских промышленных предприятий»², оцененной с помощью метода наименьших квадратов (МНК), на предыдущем этапе исследования была выявлена значимая положительная связь между уровнем внедрения

¹ Технологии анализа больших данных (BDA), машинное обучение, искусственный интеллект (AI), робототехника, технологии расширенной реальности (VR/AR), Интернета вещей (IoT), 3D-печати и облачных вычислений и др.

² Факторы конкурентоспособности и роста российских промышленных предприятий // Институт анализа предприятий и рынков ВШЭ, 2018. URL: <https://www.hse.ru/org/projects/217535896> (дата обращения: 17.01.2022).

цифровых технологий предприятия с его размером, выручкой, а также наличием в компании доли, принадлежащей иностранному собственнику. Значимое положительное влияние на количество внедренных технологий оказывает и расположение компаний в регионах, успешно реализующих цифровые инициативы (в Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Сибирском, Центральном федеральных округах и в Москве — наиболее промышленно развитых).

Проведенный анализ также показал, что существует отрицательная связь между использованием цифровых технологий и возрастом генерального директора предприятия, что скорее всего связано с тем, что с увеличением возраста люди становятся консервативнее, и им сложнее осваивать новые технологии. Статистически не значимыми для внедрения цифровых технологий в модели оказались такие факторы, как наличие органов власти в числе собственников предприятия и экспортная деятельность. В продолжение уже проведенного исследования в данной статье дополнительно анализируется влияние степени физического и морального износа основных фондов (ОФ), возраста предприятий и уровня образования трудовых ресурсов на успешность проникновения технологий.

Более ранние исследования выявили, что освоение цифровых технологий, создающих возможность оптимально эксплуатировать *материальные объекты киберфизических систем*, предполагает увеличение значимости материального производства в экономике [2]. Авторы предполагают, что *для большинства российских предприятий при цифровой трансформации может серьезной проблемой стать существенная степень износа основных фондов*, которая превышает 50% в некоторых отраслях (добывающая и обрабатывающая промышленность, связь, транспорт и др.) (рис. 1).

Текущее состояние основных фондов обусловлено не только низким темпом инвестиций, но и тем, что амортизационные отчисления тратятся в основном на капитальный ремонт старого оборудования, а не на модернизацию и приобретение нового, о чем свидетельствует стабильное снижение коэффициента выбытия основных фондов, который за 20 лет сократился почти в два раза — с 1,3 до 0,7% (рис. 2).

Для анализа факторов, влияющих на проникновение цифровых технологий российских компаний, за базовую модель была выбрана спецификация, представленная в статье, опубликованной по итогам предыдущего этапа исследования [1]. Спецификация модели, построенная для данной статьи, имеет следующий вид:

$$\text{Модель 1: } y_i = \beta \cdot X + \alpha \cdot A + \varepsilon_i$$

Зависимая переменная y_i характеризует уровень проникновения цифровых технологий в деятельность предприятия, вектор X — независимые (объясняющие) переменные, выбранные из базовой модели (логарифм выручки, наличие иностранной собственности, возраст генерального директора, размер предприятия, фиксированные эффекты округов), а A — набор переменных интереса, чье влияние исследуется авторами в статье, путем построения Моделей 1.1–1.3 (для каждой модели набор переменных интереса — разный).

В качестве переменных интереса, описывающих уровень износа основных фондов предприятий, входящих в выборку, были добавлены следующие переменные:

- 1) Доля основных средств со сроком использования до 5 лет;
- 2) Доля основных средств со сроком использования от 5 до 10 лет;

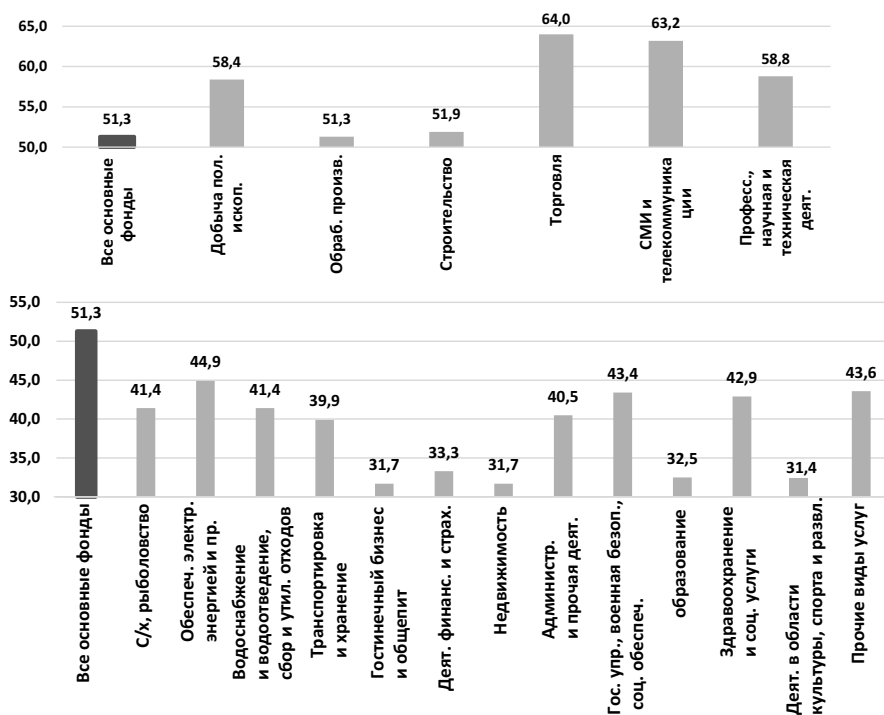

Рис. 1. Степень износа ОФ в РФ на конец года по коммерческим организациям (без субъектов МП) (по видам экономической деятельности) (2019 г., в %)

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ³

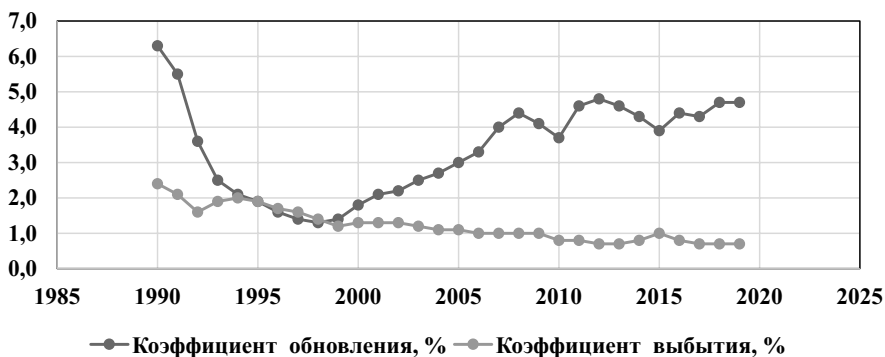

Рис. 2. Кoeffициенты обновления и выбытия ОФ в РФ (1990–2019 гг., в %)

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ⁴

³ URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 01.02.2022).

⁴ Там же (дата обращения 01.02.2022).

3) Доля основных средств со сроком использования от 11 до 20 лет.

Результаты построенной МНК Модели 1.1 для оценки влияния уровня износа основных фондов на проникновение цифровых технологий представлены в табл. 1. После корректировки исходного набора данных на пропущенные переменные размер итоговой выборки составил 1264 наблюдений.

Результаты построенной модели говорят о значимом положительном влиянии хронологического возраста основных фондов на внедрение цифровых технологий на 1% уровне значимости. При этом с увеличением срока износа мы наблюдаем увеличение данного эффекта, о чем говорят полученные коэффициенты при переменных интереса, что опровергает выдвинутую гипотезу. Таким образом, физический и моральный износ основных фондов российских предприятий не является барьером для проникновения цифровых технологий, а становится дополнительным стимулом для их внедрения.

Физический капитал в классической экономической теории рассматривается как один из четырех основных факторов производства⁵, участвующих в создании товаров и услуг. Но стоит отметить, что цифровые технологии, как и информационные, для создания стоимости требуют дополнительных инвестиций. Для предприятий, ориентированных на цифровые технологии, инвестиции в нематериальные активы, необходимые для реализации преимуществ новых технологий, такие как совокупные инвестиции в обучение навыкам, новые структуры принятия решений внутри компании, методы управления и настройки программного обеспечения, часто составляют значительно большие общие затраты, чем сами технологии. Эти дополнительные инвестиции создают форму капитала, которая, как правило, неосвязаема и которую рассматривают, как *цифровой капитал* [3].

Необходимость подобного типа инвестиций подтверждается рядом научных исследований [4–10 и др.]. При этом некоторые исследования указывают на то, что на оборудование приходится лишь около 10% от общего объема цифровых инвестиций, а остальное приходится на инвестиции в дополнительные нематериальные активы [11]. По мере роста цифровизации экономики можно ожидать увеличения важности этих активов [12, 13 и др.]. Для российских компаний в настоящий момент, по данным ряда исследований, недостаток технологических компетенций у персонала наряду с нехваткой финансовых ресурсов является основным сдерживающим фактором цифровой трансформации (ЦТ) (рис. 3).

Совокупность навыков, знаний, умений и других качеств работников, определяющих производительность, является *составляющей человеческого капитала*. Таким образом, можно предположить, что низкое качество человеческого капитала станет очередным препятствием для внедрения цифровых технологий.

Являясь сложной экономической категорией, человеческий капитал имеет как качественные, так и количественные характеристики. Одним из важнейших способов накопления человеческого капитала является обучение, поэтому упрощенным и наиболее распространенным способом оценки его качества, является способ, основанный на натуральной (временной) оценке уровня образования (в человеко-годах) — чем дольше человек обучался и чем выше уровень полученного образования, тем большим объемом человеческого капитала сотрудник обладает [14]. Для проверки гипотезы о значимости влияния *качества человеческого капитала* на эффективность внедрения цифровых тех-

⁵ Три других фактора — земля, труд и предпринимательские способности.

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа. Модель 1.1 (МНК)

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
Логарифм выручки	0,018	0,0269	4,376	<0,0001	***
Наличие доли иностранной собственности	0,8514	0,2925	2,911	0,0037	***
Возраст генерального директора	-0,1479	0,0623	-2,376	0,0177	**
Размер предприятия	0,676	0,152	4,448	<0,0001	***
Доля основных средств со сроком использования до 5 лет	0,742	0,227	3,269	<0,0001	***
Доля основных средств со сроком использования от 5 до 10 лет	1,0707	0,216	4,947	<0,0001	**
Доля основных средств со сроком использования от 11 до 20 лет	1,13754	0,286	3,974	<0,0001	***
Москва	1,1503	0,2562	4,490	<0,0001	***
СЗАО	0,687	0,248	2,77	0,0057	***
ЦФО (кроме Москвы)	1,1525	0,2162	5,331	<0,0001	***
ЮФО	-0,0693	0,2328	-0,2978	0,7659	
СКФО	-0,1282	0,2751	-0,4663	0,6411	
ПФО	0,2325	0,2104	1,105	0,2693	
УФО	1,2032	0,2723	4,879	<0,0001	***
СФО	0,2989	0,2321	1,288	0,1980	
Константа	0,0716	0,3728	0,1922	0,8477	***
R- квадрат					0,15

Источник: составлено авторами

нологий, авторами статьи в Модель 1 была добавлена следующая переменная интереса — доля работников с высшим образованием (табл. 2).

Результаты построенной МНК Модели 1.2 для оценки влияния качества уровня человеческого капитала на проникновение цифровых технологий представлены в табл. 2. Поскольку сбор персональных данных обо всех сотрудниках опрашиваемых предприятий — сложная задача, то количество наблюдений для построения модели сократилось до 572. Также важно отметить, что из-за ограниченности предоставленных данных в итоговую выборку вошли только компании с количеством сотрудников менее 250 человек и переменная, описывающая размер предприятий, была исключена из модели. Тем не менее, спецификация модели сохранила свои качества — знаки остались правильными, т.е. смещения оценок в модели не произошло.

Рис. 3. Барьеры цифровой трансформации российских предприятий

Источник: составлено авторами на основе: Цифровая трансформация в России-2020⁶; Цифровой поворот. Экономические последствия пандемии и новые стратегии⁷

⁶ Аналитический отчет компании KMDA. URL: https://komanda-a.pro/projects/dtr_2020 (дата обращения: 14.04.2021).

⁷ Аналитический отчет компании CDTO. URL: <https://cdto.ranepa.ru> (дата обращения: 14.04.2021).

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа. Модель 1.2 (МНК)

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
Логарифм выручки	0,1256	0,4402	1,667	0,0961	*
Наличие доли иностранной собственности	0,5398	0,6849	0,7882	0,4309	
Возраст генерального директора	-0,2148	0,078	-2,756	0,006	***
Доля персонала с высшим образованием	2,2117	0,9122	2,425	0,0156	**
Москва	1,5478	0,3022	5,122	4,17e-07	***
СЗАО	1,01	0,306	3,3	0,01	***
ЦФО (кроме Москвы)	1,3321	0,2577	5,170	3,26e-07	***
ЮФО	0,0827	0,2576	0,7093	0,4784	
СКФО	0,1698	0,324	0,524	0,6005	
ПФО	0,291	0,228	1,276	0,2026	
УФО	1,0443	0,2829	3,692	0,0002	***
СФО	0,4355	0,2597	1,677	0,0941	*
Константа	0,0737	0,3728	0,1922	0,8477	*
R- квадрат					0,13

Источник: составлено авторами

Построенная модель показала наличие положительного влияния *качества человеческого капитала* на проникновение цифровых технологий, и описанные выше предположения о необходимости наращивания цифрового капитала в дополнение с обновлением основных производственных фондов подтвердились на эмпирических данных.

Авторами также была проверена гипотеза о том, что *более «зрелые» предприятия обладают меньшей гибкостью при осуществлении цифровой трансформации* [15, 16]. Для проверки гипотезы о значимости влияния *данного фактора* на эффективность внедрения цифровых технологий, авторами статьи в Модель 1 была добавлена следующая переменная интереса — *дата основания компании*.

Результаты построенной МНК Модели 1.3 для оценки влияния «зрелости» предприятия на проникновение цифровых технологий представлены в табл. 3. Поскольку в данном случае, количество наблюдений не было ограничено, то объем выборки составил 1264 наблюдений.

Данная гипотеза подтвердилась, так как построенная модель выявила значимое влияние фактора: чем моложе предприятие, тем успешнее оно внедряет цифровые технологии. Это может быть связано с тем, что для модернизации более зрелого предприятия требуются существенные затраты. Также существует ряд исследований, указывающих на то, что цифровая трансформация подразумевает не только эволюцию производственных технологий, а еще и целостное изменение методов работы всей организации [17, 18 и др.]. И соответственно, более зрелым компаниям с устоявшимися процессами значительно сложнее будет перестраивать их организацию.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа. Модель 1.3 (МНК)

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
Логарифм выручки	0,1268	0,0276	4,590	<0,0001	***
Наличие доли иностранной собственности	0,8304	0,2967	2,799	0,0052	***
Возраст генерального директора	-0,147	0,063	-2,336	0,0197	**
Размер предприятия	0,6921	0,062	4,442	<0,0001	***
Дата основания предприятия	0,0040	0,1558	1,765	0,0779	*
Москва	1,2435	0,0023	4,885	<0,0001	***
СЗАО	0,8126	0,2545	3,259	0,0011	***
ЦФО (кроме Москвы)	1,2442	0,2493	5,741	<0,0001	***
ЮФО	1,2442	0,2167	0,2295	0,8185	
СКФО	0,053	0,2306	-0,3609	0,7182	
ПФО	-0,0997	0,2762	0,1413	0,1413	
УФО	0,3127	0,2125	1,472	<0,0001	***
СФО	1,2858	0,2719	4,729	0,0706	*
Константа	-7,41144	4,71234	-1,573	0,1160	
R- квадрат					0,14

Источник: составлено авторами

Важно отметить, что в процессе цифровой и любой другой трансформации быстрее и успешнее будут продвигаться компании, сформировавшие культуру, поддерживающую изменения, инновации и развитие. По данным ряда исследований, для российских компаний основным сдерживающим фактором цифровой трансформации, помимо недостатка технологических компетенций у персонала и нехватки финансовых ресурсов, является именно неготовность самих компаний к изменениям (рис. 2). Причиной этого является наличие на большинстве предприятий консервативной корпоративной культуры, для которой характерна склонность избегать резких изменений или потрясений⁸. Следовательно, руководителям российских предприятий необходимо начинать уделять должное внимание и вопросам культуры для того, чтобы она способствовала достижению намеченных бизнес-целей и стала «парусом», а не «якорем» для компаний.

Проведенный анализ позволил выявить ряд значимых факторов, оказывающих влияние на успешность процесса внедрения цифровых технологий отечественными предприятиями. В следующем разделе будет дана оценка влиянию цифровых технологий на параметры эффективности предприятий, внедряющих их в свою деятельность.

⁸ Гудкова Т.В. Корпоративная культура российских компаний: особенности формирования и тенденции развития // Национальный доклад по корпоративному управлению. 2021. Выпуск XIII. Глава 4. URL: <https://nccg.ru/deyatelnost/issledovaniya-nsku/602.html> (дата обращения: 14.09.2021).

Оценка влияния внедрения цифровых технологий на изменение эффективности промышленных предприятий

В более ранних исследованиях обосновано, что технологическое лидерство является одним из ключевых факторов, обеспечивающих компаниям преимущества, которые зачастую приводят к повышению их прибыльности [3, 19 и др.]. Цифровизация — процесс, который предполагает упрощение и модернизацию работы предприятий для повышения их эффективности, расширяет инновационные границы и позволяет лучше распределять ресурсы [20, 21 и др.]. Компании, которые пытаются максимально раскрыть свой цифровой потенциал, согласно ряду исследований, получают доход выше среднего по отрасли [22, 23 и др.]. Авторы статьи на основе данных опроса руководителей российских предприятий⁹ подтвердили гипотезу о том, что при прочих равных условиях внедрение цифровых технологий предприятием будет положительно влиять на его финансовые показатели. Для этого была построена Модель 2, где в качестве зависимой переменной был выбран показатель логарифма выручки, характеризующий прирост выручки за последний отчетный период относительно даты проведения опроса.

Для соблюдения принципа «при прочих равных» в качестве независимых (объясняющих) в модели были использованы следующие переменные, определенные на основе Модели 1: бинарные переменные о наличии экспортной выручки, о наличии в числе собственников предприятия органов власти, о принадлежности предприятия к крупному бизнесу (более 250 человек), а также переменная, характеризующая возраст генерального директора (чем больше переменная, тем старше руководитель). А в качестве переменной интереса была использована бинарная переменная о наличии у компании внедренных цифровых технологий, которая была получена на основе зависимой переменной из Модели 1. Вместо количественной переменной в модели была использована бинарная во избежание проблемы двусторонней причинно-следственной связи или проблемы эндогенности модели. Результаты МНК модели представлены в табл. 4.

Каждая переменная, включенная в модель, оказалось значимой, а переменная интереса «Наличие внедренных цифровых технологий» — на 1% уровне. При этом Модель 2 не имеет мультиколлинеарности и гетроскедастичности (по тесту Вайта), а также имеет правильную спецификацию (по тесту Рамсея). В совокупности с высоким коэффициентом детерминации на уровне 40,6% это позволяет говорить о существенном положительном влиянии внедрения цифровых технологий на прирост выручки. Однако качество данной модели не позволяет делать выводы о количественном влиянии вклада наличия цифровых технологий в темпы роста выручки, поскольку почти 60% ошибки не объясняются данной спецификацией, что может быть связано с наличием большой совокупности факторов, оказывающих влияние на показатель выручки, не включенных в Модель 2.

Важно отметить, что эффект от внедрения технологий больше для компаний, которые работают в высокотехнологичных отраслях, осуществляющих цифровую трансформацию быстрее, и ниже в прочих отраслях. Для проверки данной гипотезы авторы дополнительно построили Модель 2 на двух подвыборках. Первая состояла из предприятий, относящихся к ОКВЭД 26, 27 и 28 («Производство компьютеров, электроники

⁹ Факторы конкурентоспособности и роста российских промышленных предприятий // Институт анализа предприятий и рынков ВШЭ, 2018. URL: <https://www.hse.ru/org/projects/217535896> (дата обращения: 17.01.2022).

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа. Модель 2

Переменная	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
Наличие внедренных цифровых технологий	0,9293	0,2185	4,253	<0,0001	***
Экспортная деятельность предприятия	0,5854	0,1349	4,34	<0,0001	***
Наличие органов власти в числе собственников	1,1282	0,3022	3,732	0,0002	***
Наличие доли иностранной собственности	0,7254	0,2912	2,491	0,0129	**
Возраст генерального директора	0,226	0,06724	3,375	0,0008	***
Размер предприятия	2,9716	0,1237	24,02	<0,0001	***
Константа	8,342	0,3192	26,14	<0,0001	***
R- квадрат					0,406

Источник: составлено авторами

и оптического оборудования», «Производство электронных машин и оборудования», «Производство машин и оборудования, не включенных в другие группы»), а вторая из предприятий прочих отраслей, представленных в опросе. Результаты показали, что эффект от внедрения цифровых технологий на темпы роста выручки в 2,8 раза выше в технологичных отраслях, при этом данный фактор также остается значимым на 1% уровне на обеих подвыборках.

Заключение

Итак, основные производственные фонды предприятий в процессе эксплуатации подвергаются износу, который в экономической теории и в практической деятельности подразделяют на моральный и физический. Главной причиной модернизации производства на современном этапе развития является именно моральный износ, обусловленный наряду с таким фактором, как необходимость повышения производительности труда, еще и научно-техническим прогрессом (НТП), вследствие которого появляется более совершенное и производительное оборудование, требующее меньших затрат на производственные ресурсы, в том числе и затрат на применение живого труда. Одним из ключевых факторов обновления и воспроизводства основных фондов в современных условиях может стать цифровая трансформация предприятий, которая позволит качественно улучшить производство и освободить людей от рутинных действий, позволяя им заниматься более важными и сложными производственными задачами.

Проведенный анализ показал, что в условиях цифровизации экономических процессов увеличение темпов морального износа основных фондов создает для российских предприятий дополнительную возможность внедрять новейшее оборудование с технологиями предиктивной аналитики, машинного обучения и искусственного интеллекта, которые позволят сократить его простои, уменьшат производственные дефекты и повысят качество и конкурентоспособность выпускаемой продукции. При этом в условиях цифровой

экономики модернизация предприятий требует инвестиций как в *физический* капитал, так и в *цифровой*. Данный тип инвестиций, в свою очередь, будет способствовать повышению качества *человеческого* капитала, которое, как показало проведенное исследование, является важным фактором для успешного внедрения цифровых технологий.

Также была выявлена значимая связь успешности внедрения цифровых технологий с возрастом предприятия. По итогам проведенного анализа удалось определить, что более «зрелым» предприятиям значительно сложнее будет осуществлять цифровую трансформацию, требующую существенных изменений всех бизнес-процессов. Важным барьером на пути цифровой трансформации для российских предприятий наряду с недостатком технологических компетенций у персонала и нехваткой финансовых ресурсов, является неготовность самих компаний к изменениям. Следует подчеркнуть, что для успешной адаптации под требования новой цифровой реальности руководителям российских предприятий потребуется сосредоточиться не только на оцифровке физических активов и повышении уровня необходимых навыков и компетенций у персонала, но и на существенных изменениях в стратегии, организационной структуре и корпоративной культуре.

Стоит отметить, что в настоящий момент цифровая зрелость становится определяющим элементом в успешности предприятия, так как новые технологии существенно меняют традиционную конкуренцию, увеличивая разрыв между лидерами и отстающими. Было отмечено, что прибыль предприятий, активнее внедряющих цифровые решения, динамично растет, и их доходы значительно выше менее зрелых с этой точки зрения конкурентов. В данном исследовании авторами с помощью эконометрического моделирования гипотеза о том, что при прочих равных условиях внедрение цифровых технологий предприятием будет положительно влиять на его финансовые показатели, была проверена на выборке из российских предприятий. Построенная модель позволила выявить значимое влияние наличия цифровых технологий у предприятия на темпы роста его выручки. Также удалось определить, что данный эффект на предприятиях из высокотехнологичных отраслей проявляется в 2,8 раза сильнее.

Несмотря на то, что проведенный анализ имеет ряд ограничений, связанных со сложностью сбора данных, полученные выводы о факторах влияния на проникновение цифровых технологий могут быть использованы руководителями российских предприятий на практике при оптимизации процессов цифровой трансформации. Имеются и зоны для развития исследования. Ряд исследований указывает на то, что цифровизация способствует не только более интенсивному развитию производства и улучшению экономических результатов деятельности компаний, а еще и внедрению принципов устойчивого развития [24, 25 и др.]. Цифровые технологии также могут позволить внедрять более экологичные и безопасные методы производства, снижающие негативное влияние на окружающую среду и, в частности, объемы выбросов парниковых газов в атмосферу, тем самым способствуя реализации обязательств России по достижению углеродной нейтральности к 2060 году. Данные аспекты могут стать предметом интереса следующих исследований.

Список источников

1. Гудкова Т.В., Каспарян А.С. Факторы успешности внедрения цифровых технологий на российских предприятиях // Российский экономический журнал. 2021. № 5. С. 93–111. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-5-93-110>.
2. Гудкова Т.В., Заздравных А.В. Цифровая трансформация фирмы: предпосылки теоретического

- анализа и проблемы реализации на практике // Проблемы современной экономики. 2021. № 2. С. 27–31
3. Tambe P., Hitt L., Rock D., Brynjolfsson E. Digital Capital and Superstar Firms. NBER, Working Paper No. w28285. December 2020. 60 p. <https://doi.org/10.3386/w28285>.
 4. Bresnahan T., Brynjolfsson E., Hitt L. Information Technology, Workplace Organization, And The Demand For Skilled Labor: Firm-Level Evidence. *Quarterly Journal of Economics*. 2002;117(1):339–376. <https://doi.org/10.1162/003355302753399526>.
 5. Lynch L., Black S. How To Compete: The Impact of Workplace Practices and Information Technology on Productivity. *Review of Economics and Statistics*. 2001;83(3):434–445. <https://doi.org/10.1162/00346530152480081>.
 6. Corrado C., Hulten Ch., Sichel D. Intangible Capital and U.S. Economic Growth. *Review of Income and Wealth*. 2009;55(3):661–685. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.2009.00343.x>.
 7. McGrattan E.R., Prescott E.C. Technology capital and the us current account. *American Economic Review*. 2010;100(4):1493–1522. <https://doi.org/10.1257/aer.100.4.1493>.
 8. Eisfeldt A.L., Papanikolaou D. Organization capital and the cross-section of expected returns. *Journal of Finance*. 2013;68(4):1365–1406. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1359320>.
 9. Wu L., Hitt L., Lou B. Data analytics, innovation, and firm productivity. *Management Science*. 2020;66(5):2017–2039.
 10. McGrattan E. Intangible Capital and Measured Productivity. *Review of Economic Dynamics*. 2020;37(S 1):S147–S166. <https://doi.org/10.1016/j.red.2020.06.007>.
 11. Saunders A., Brynjolfsson E. Valuing Information Technology Related Intangible Assets. *MIS Quarterly*. 2016;40(1):83–110. <https://doi.org/10.25300/MISQ/2016/40.1.04>.
 12. Brynjolfsson E., Rock D., Syverson Ch. The Productivity J-Curve: How Intangibles Complement General Purpose Technologies. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2021;13(1):333–372. <https://doi.org/10.1257/mac.20180386>.
 13. Пороховский А.А. Цифровизация и искусственный интеллект: перспективы и вызовы // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13, № 2. С. 82–91. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-2-84-91>.
 14. Wössmann L. Specifying human capital. *Journal of Economic Surveys*. 2003;17(3):239–270. <https://doi.org/10.1111/1467-6419.00195>.
 15. Pervan M., Pervan I., Curak M. The influence of age on firm performance: Evidence from the Croatian food industry. *Journal of Eastern Europe Research in Business and Economics*. 2017;2017:1–9. <https://doi.org/10.5171/2017.618681>.
 16. Coad A., Segarra A., Teruel M. Like milk or wine: Does firm performance improve with age? *Structural Change and Economic Dynamics*. 2013;24:173–189. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2012.07.002>.
 17. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. М.: ООО «АльянсПринт», 2019. 368 с.
 18. Ismail M.H., Khater M., Zaki M. Digital Business Transformation and Strategy: What Do We Know So Far? Cambridge Service Alliance, Working Paper. January 2018. 35 p. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36492.62086>.
 19. Lieberman M.B., Montgomery D.B. First-mover advantages. *Strategic Management Journal*. 1988;9(S 1):41–58. <https://doi.org/10.1002/smj.4250090706>.
 20. Якутин Ю.В. Становление цифрового управления на микро-, мезо- и макроэкономическом уровнях: возможности универсальной системы анализа кодированных показателей хозяйственной деятельности // Российский экономический журнал. 2017. № 2. С. 27–35.

21. Yoo Y. Computing in everyday life: A call for research on experiential computing. *MIS Quarterly*. 2010;34(2):213–231. <https://doi.org/10.2307/20721425>.
22. Dobbs R., Koller T., Ramaswamy S., Woetzel J., Manyika J., Krishnan R., Andreula N. Playing to win: The new global competition for corporate profits. Washington, DC: McKinsey Global Institute, 2015. 120 p.
23. Wroblewski J.B. Digitalization and firm performance: Are digitally mature firms outperforming their peers? Master of science theses. Lund: Lund University School of Economics and Management, 2018. 80 p.
24. Ланьшина Т.А. Баринаова В.А. Кондратьев А.Д. Романцов М.В. Устойчивое развитие и цифровизация: необычный кризис COVID-19 требует оригинальных решений // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15, № 4. С. 91–114. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-05>.
25. Jovanovic M., Dlacic J., Okanovic M. Digitalization and Society's Sustainable Development – Measures and Implications. *Zbornik Radova Ekonomskog Fakulteta u Rijeci / Proceedings of Rijeka School of Economics*. 2018;36(2):905–928. <https://doi.org/10.18045/zbefri.2018.2.905>.

References

1. Gudkova T., Kasparyan A. The factors influencing the success of introduction of digital technologies into the activities of russian enterprises. *Russian Economic Journal*. 2021;(5):93–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-5-93-110>.
2. Gudkova T.V., Zazdravnyh A.V. Digital transformation of a firm: preconditions of theoretic analysis and problems of implementation. *Problems of Modern Economics*. 2021;(2):27–31. (In Russ.).
3. Tambe P., Hitt L., Rock D., Brynjolfsson E. Digital Capital and Superstar Firms. NBER, Working Paper No. w28285. December 2020. 60 p. <https://doi.org/10.3386/w28285>.
4. Bresnahan T., Brynjolfsson E., Hitt L. Information Technology, Workplace Organization, And The Demand For Skilled Labor: Firm-Level Evidence. *Quarterly Journal of Economics*. 2002;117(1):339–376. <https://doi.org/10.1162/003355302753399526>.
5. Lynch L., Black S. How To Compete: The Impact of Workplace Practices and Information Technology on Productivity. *Review of Economics and Statistics*. 2001;83(3):434–445. <https://doi.org/10.1162/00346530152480081>.
6. Corrado C., Hulten Ch., Sichel D. Intangible Capital and U.S. Economic Growth. *Review of Income and Wealth*. 2009;55(3):661–685. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.2009.00343.x>.
7. McGrattan E.R., Prescott E.C. Technology capital and the us current account. *American Economic Review*. 2010;100(4):1493–1522. <https://doi.org/10.1257/aer.100.4.1493>.
8. Eisfeldt A.L., Papanikolaou D. Organization capital and the cross-section of expected returns. *Journal of Finance*. 2013;68(4):1365–1406. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1359320>.
9. Wu L., Hitt L., Lou B. Data analytics, innovation, and firm productivity. *Management Science*. 2020;66(5):2017–2039.
10. McGrattan E. Intangible Capital and Measured Productivity. *Review of Economic Dynamics*. 2020;37(S 1):S147–S166. <https://doi.org/10.1016/j.red.2020.06.007>.
11. Saunders A., Brynjolfsson E. Valuing Information Technology Related Intangible Assets. *MIS Quarterly*. 2016;40(1):83–110. <https://doi.org/10.25300/MISQ/2016/40.1.04>.
12. Brynjolfsson E., Rock D., Syverson Ch. The Productivity J-Curve: How Intangibles Complement General Purpose Technologies. *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2021;13(1):333–372. <https://doi.org/10.1257/mac.20180386>.

13. Porokhovskiy A.A. Digitalization and artificial intelligence: Prospects and challenges. *Economics, taxes & law*. 2020;13(2):84–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-2-84-91>.
14. Wössmann L. Specifying human capital. *Journal of Economic Surveys*. 2003;17(3):239–270. <https://doi.org/10.1111/1467-6419.00195>.
15. Pervan M., Pervan I., Curak M. The influence of age on firm performance: Evidence from the Croatian food industry. *Journal of Eastern Europe Research in Business and Economics*. 2017;2017:1–9. <https://doi.org/10.5171/2017.618681>.
16. Coad A., Segarra A., Teruel M. Like milk or wine: Does firm performance improve with age? *Structural Change and Economic Dynamics*. 2013;24:173–189. <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2012.07.002>.
17. Prokhorov A., Konik L. Cifrovaya transformaciya. Analiz, trendy, mirovoj opyt [Digital transformation. Analysis, trends, world experience]. Moscow: OOO “Al’yansPrint”, 2019. 368 p. (In Russ.).
18. Ismail M.H., Khater M., Zaki M. Digital Business Transformation and Strategy: What Do We Know So Far? Cambridge Service Alliance, Working Paper. January 2018. 35 p. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36492.62086>.
19. Lieberman M.B., Montgomery D.B. First-mover advantages. *Strategic Management Journal*. 1988;9(S 1):41–58. <https://doi.org/10.1002/smj.4250090706>.
20. Yakutin Yu.V. Digital management forming at micro-, mesoand macro levels: benefits of universal system of coded economic activity indicators analysis. *Russian Economic Journal*. 2017;(2):27–35. (In Russ.).
21. Yoo Y. Computing in everyday life: A call for research on experiential computing. *MIS Quarterly*. 2010;34(2):213–231. <https://doi.org/10.2307/20721425>.
22. Dobbs R., Koller T., Ramaswamy S., Woetzel J., Manyika J., Krishnan R., Andreula N. Playing to win: The new global competition for corporate profits. Washington, DC: McKinsey Global Institute, 2015. 120 p.
23. Wroblewski J.B. Digitalization and firm performance: Are digitally mature firms outperforming their peers? Master of science theses. Lund: Lund University School of Economics and Management, 2018. 80 p.
24. Lanshina T., Barinova V., Kondratiev A., Romantsov M. Sustainable Development and Digitalization: The Unusual COVID-19 Crisis Requires Original Solutions. *International Organisations Research Journal*. 2020;(15):91–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-05>.
25. Jovanovic M., Dlacic J., Okanovic M. Digitalization and Society’s Sustainable Development – Measures and Implications. *Zbornik Radova Ekonomskog Fakulteta u Rijeci / Proceedings of Rijeka School of Economics*. 2018;36(2):905–928. <https://doi.org/10.18045/zbfefri.2018.2.905>.

Информация об авторах

Т.В. Гудкова — кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

А.В. Заздравных — кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

В.С. Логинова — магистр экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Information about the authors

T.V. Gudkova — Ph.D. (Economics), Associate Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

A.V. Zazdravnykh — Ph.D. (Economics), Associate Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

V.S. Loginova — Graduate Student of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 09.04.2022; принята к публикации 14.04.2022.

The article was submitted 14.03.2022; approved after reviewing 09.04.2022; accepted for publication 14.04.2022.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА»

предлагает услуги по изданию монографий, учебных пособий
и другой учебно-методической литературы.

Мы гарантируем:

СКОРОСТЬ. Необходимый вам тираж в течение 30 дней
КАЧЕСТВО. Монографии оформляются с выполнением всех
требований для научных изданий.

Мы предоставляем полный цикл работ по изданию монографий:

- присвоение международного индекса ISBN
- присвоение кодов ББК, УДК
- доредакционная подготовка, редактирование, корректура, компьютерная правка, верстка
- печать необходимого тиража
- рассылка обязательных экземпляров изданий в Книжную палату РФ
- проведение независимого рецензирования научных работ

Контакты: (499) 152-79-41
pr@ideg.ru

РЕКЛАМА

Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 100–119.
Russian Economic Journal. 2022;(3):100–119.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-100-119>

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ КРУПНОМАСШТАБНОГО ИНФРАСТРУКТУРНОГО ПРОЕКТА НА ПРИМЕРЕ ВЫСОКОСКОРОСТНОЙ МАГИСТРАЛИ

*Инна Алексеевна Миронова¹, Татьяна Ивановна Тищенко²,
Марина Петровна Фролова³*

*^{1,2,3} Федеральное государственное учреждение Федеральный исследовательский
центр «Информатика и управление» Российской академии наук, г. Москва, Россия*

¹ makbat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3184-6650>

² ttischenko@isa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8347-7693>

³ marinafr2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3711-1188>

Автор, ответственный за переписку: Инна Алексеевна Миронова, makbat@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, связанных с оценкой социально-экономической эффективности общественно значимых транспортных проектов на примере высокоскоростных магистралей. С использованием разработанного авторами модельного аппарата исследуются основные факторы, определяющие внутренние и внешние потоки проекта, и их возможное влияние на итоговое значение критерия эффективности. Описаны основные ошибки расчетов социально-экономической эффективности, которые, по мнению авторов, связаны с недостаточно обоснованным отбором этих факторов, с одной стороны, и неправильным расчетом их влияния на параметры проекта, с другой.

Ключевые слова: социально-экономическая эффективность, крупномасштабный транспортный проект, общественно значимый проект, высокоскоростная магистраль (ВСМ)

Для цитирования: Миронова И.А., Тищенко Т.И., Фролова М.П. Проблемы оценки социально-экономической эффективности крупномасштабного инфраструктурного проекта на примере высокоскоростной магистрали // Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 100–119. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-100-119>.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00135.

Original article

PROBLEMS OF ASSESSING THE SOCIO-ECONOMIC EFFICIENCY OF A LARGE-SCALE INFRASTRUCTURE PROJECT ON THE EXAMPLE OF A HIGH-SPEED HIGHWAY

Inna A. Mironova¹, Tatiana I. Tischenko², Marina P. Frolova³

^{1,2,3} Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy

© Миронова И.А., Тищенко Т.И., Фролова М.П., 2022

of Sciences, Moscow, Russia

¹ makbat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3184-6650>

² ttischenko@isa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8347-7693>

³ marinavr2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3711-1188>

Corresponding author: Inna A. Mironova, makbat@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of problems related to the assessment of socio-economic efficiency of socially significant transport projects, using the example of high-speed highways. Using the model apparatus developed by the authors, the main factors determining the internal and external flows of the project and their possible impact on the final value of the efficiency criterion are investigated. The main errors of calculations of socio-economic efficiency are described, which, according to the authors, are associated with insufficiently justified selection of these factors, on the one hand, and incorrect calculations of their impact on the project parameters, on the other.

Keywords: socio-economic efficiency, large-scale transport project, socially significant project, high-speed highway

For citation: Mironova I.A., Tischenko T.I., Frolova M.P. Problems of assessing the socio-economic efficiency of a large-scale infrastructure project on the example of a high-speed highway. Russian Economic Journal. 2022;(3):100–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-3-100-119>.

Acknowledgements

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-010-00135.

Введение

Модельный инструментарий современных информационно-аналитических систем поддержки принимаемых управленческих решений по развитию транспортной инфраструктуры, опирающийся на теорию оценки эффективности инвестиционных проектов и аппарат нелинейных сетевых транспортных задач, многие годы развивался и совершенствовался выдающимися советскими и российскими учеными [1–7]. Существует не менее десятка российских и зарубежных программных продуктов для расчета эффективности инвестиционных проектов («Альт-Инвест», *Project Expert*, «ТЭО-ИНВЕСТ», *COMFAR* и другие). Тем не менее практика разработки и реализации крупномасштабных сетевых транспортных проектов, относимых к разряду общественно значимых, требует дальнейшей адаптации этого модельного инструментария.

Оценка социально-экономической эффективности высокоскоростной магистрали как общественно значимого проекта

Понятие «общественно значимого проекта» введено авторами в [8] и означает крупномасштабное мероприятие, последствия которого в большей степени отражаются на экономическом положении предприятий, организаций, физических лиц, не имеющих отношения к данному проекту, чем на экономическом положении непосредственных участников проекта.

Общественно значимые проекты обладают некоторыми существенными с точки зрения расчетов эффективности особенностями. Две из них — главные — зафиксированы в определении: крупномасштабность и получение основных результатов вне

рамков проекта. Третья особенность обусловлена тем обстоятельством, что участники проекта не являются основными адресатами его выгод. Как следствие — проект становится неэффективен для его непосредственных участников. Эта особенность присуща далеко не всем общественно значимым проектам, но большинству из них. Четвертая особенность — неопределенность и неполнота информации о проекте, обусловленные его крупномасштабностью, долгими сроками реализации, большим количеством субъектов хозяйственной деятельности, которые связаны с проектом (как напрямую, так и опосредованно). Пятая особенность — вытекающая из четвертой — неизбежные высокие риски.

Тот факт, что в сфере проектирования и реализации крупных транспортных проектов действуют свои законы, которые не всегда опираются на расчеты их эффективности, давно осознан практиками проектирования таких проектов как в России, так и за рубежом. Однако, это осознание чаще всего выливается в «безудержный» поиск плюсов проекта для общества, построение сложных математических моделей без опоры на объективную информационную базу для их стоимостной оценки и включения в расчеты эффективности.

Понятие общественной (или социально-экономической)¹ эффективности необоснованно эксплуатируется в обществе как «волшебная палочка», открывающая большие возможности для государственного инвестирования крупномасштабных проектов.

Законы бизнеса не предполагают реализацию проектов, которые не приносят прибыли на разумном временном отрезке (величина его зависит от многих обстоятельств, в данном случае не рассматриваемых). Тем не менее такие проекты осуществляются при государственной финансовой поддержке, необходимость которой подтверждается соответствующими расчетами общественной эффективности.

Практика реализации крупномасштабных проектов по всему миру, оценка их реальной эффективности «постфактум» свидетельствуют, что далеко не всегда они полезны для общества, иногда — только для бизнеса, осваивающего государственные средства, выделенные на проект.

В данном контексте речь не идет о таких явлениях, как коррупция, наличие влиятельных «лоббистов», заинтересованных лиц, в угоду которым можно всегда обеспечить расчет, свидетельствующий о высокой эффективности проекта. Это темы для исследований в других сферах общественной жизни.

Если же говорить об экономике рассматриваемых процессов, то главная причина ошибок при оценке эффективности крупномасштабных проектов — это глубокое противоречие между детерминированностью параметров в моделях расчета общественной эффективности и неопределенной природой большинства из них. Именно с этим, по нашему мнению, связано то обстоятельство, что по результатам анализа реализованных транспортных мегапроектов в разных странах мира все они без исключения по факту оказались существенно дороже, чем было указано в их технико-экономических обоснованиях (в несколько раз, а иногда и в десятки раз). При этом установленный в расчетах эффективности запрос общества на услуги создаваемой транспортной инфраструктуры (спрос на поездки, грузовые перевозки и т.п.), как правило, был существенно завышен [9].

В данной статье предпринята попытка разложить по этапам схему оценки социально-экономической эффективности общественно значимого сетевого транспортного проекта

¹ В данном случае термины рассматриваются в качестве синонимов.

на примере создания высокоскоростной магистрали с тем, чтобы, во-первых, подробнее рассмотреть особенности общественно значимого проекта с точки зрения оценки его эффективности, а, во-вторых, критически осмыслить общепринятые подходы и методы и сравнить их с предлагаемыми.

В качестве критерия оценки эффективности общественно значимого инфраструктурного проекта авторами статьи была предложена величина реальной общественной прибыли (РОП) в конце расчетного периода проекта (время реализации плюс обоснованно выбранный период функционирования созданных основных средств) [8, 10].

Эта величина определяется как алгебраическая сумма наращенного к концу расчетного периода проекта дохода (с учетом оптимального использования получаемых доходов в течение этого срока) и приведенной к тому же моменту упущенной выгоды от возможного альтернативного вложения инвестиций, выделенных на проект:

$$\begin{aligned} \text{РОП}_i = \sum_{n=0}^N & \left[\varphi_{n+}^{\text{внут}} \times (1 + d_n^i)^{t_N - t_n} + \varphi_{n-}^{\text{внут}} \times (1 + E_n)^{t_N - t_n} + \varphi_{n+}^{\text{внеш}} \times \right. \\ & \times (1 + d_n^i)^{t_N - t_n} + \varphi_{n-}^{\text{внеш}} \times (1 + E_n)^{t_N - t_n} + (\Delta D_n^{\text{кб}} + \Delta D_n^{\text{нас}} + O_n^{\text{соц}} + O_n^{\text{экол}}) \times \\ & \left. \times (1 + \beta)^{t_N - t_n} \right] \geq 0 \end{aligned} \quad (1)$$

где

$\varphi_{n+}^{\text{внут}}, \varphi_{n-}^{\text{внут}}$ — эффекты и затраты (потери), соответственно, непосредственных участников проекта в году n ;

$\varphi_{n+}^{\text{внеш}}, \varphi_{n-}^{\text{внеш}}$ — эффекты и затраты (потери) экономических субъектов, не участвующих в проекте, связанные с реализацией проекта (внешние эффекты) в году n ;

$\Delta D_n^{\text{кб}}$ — прирост доходов консолидированного бюджета Российской Федерации в связи с реализацией проекта в году n ;

$\Delta D_n^{\text{нас}}$ — прирост доходов населения в связи с реализацией проекта в году n ;

$O_n^{\text{соц}}$ — оценка социальных последствий реализации проекта в году n ;

$O_n^{\text{экол}}$ — оценка влияния реализации проекта на окружающую среду в году n ;

N — продолжительность расчетного периода проекта;

d_n^i — доходность обобщенного депозита по i -му сценарию использования средств, полученных в ходе реализации проекта, принимаемая для года n ;

β — единая ставка компаундирования для приведения стоимостных оценок внешнего эффекта к концу расчетного периода проекта;

E_n — ставка компаундирования, принимаемая для года n .

На наш взгляд, данный критерий дает оценку эффективности проекта именно с позиций общества. Он учитывает ограниченность всех видов ресурсов, требующихся для реализации проекта, возможность их использования в других сферах; предусматривает повторное инвестирование средств, получаемых в ходе реализации проекта.

Модель, основанная на расчете реальной общественной прибыли, включает внешние эффекты (в отличие от внутренних эффектов) — результаты реализации проекта, не оказывающие влияния на стоимостные показатели экономической деятельности его участников, демонстрируя тем самым равнозначность для общества затрат и результа-

тов проекта, относящихся как к его непосредственным участникам, так и к экономическим субъектам (включая физических лиц), не имеющим к нему прямого отношения.

Взяв за основу данную модель оценки общественной эффективности, попробуем далее применить ее на практике к проекту создания высокоскоростной железнодорожной магистрали (далее — ВСМ), под которой будем понимать железнодорожную линию со скоростным режимом 250–300 км/ч и более. Для высокоскоростного движения используются специально построенные железнодорожные пути².

В 2015 году общая протяженность таких ВСМ в мире составляла 32 тыс. км, к концу 2018 года она превысила 44 тыс. км.

По состоянию на 2022 год в Российской Федерации не реализовано ни одного подобного проекта, однако, начиная с 2014 года предлагалось и даже разрабатывалось (включая расчеты эффективности) несколько проектов высокоскоростных магистралей: Москва–Нижний Новгород, Москва–Казань с продолжением до Екатеринбурга, Москва–Сочи, Москва–Санкт-Петербург и другие.

Протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 29 октября 2020 г. № 11 утверждена корректировка паспорта национального проекта «Транспортная часть комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года», предусматривающая мероприятия по строительству высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва–Санкт-Петербург» (ВСЖМ-1). Во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 10 апреля 2019 г. № Пр-623 в ОАО «РЖД» организовано проектирование ВСЖМ-1.

Согласно утвержденному 22 января 2021 года заместителем Министра транспорта Российской Федерации синхронизированному графику проектирования и строительства магистрали, предполагается ввод в эксплуатацию участков: Москва–Крюково — в 4 квартале 2024 года; Крюково–Новая Тверь — в 4 квартале 2025 года; Новая Тверь–Обухово — в 4 квартале 2027 года; Обухово–Санкт-Петербург — в 4 квартале 2024 года.

Трасса проходит по территории 6 субъектов Российской Федерации (Московская, Тверская, Новгородская и Ленинградская области и города федерального значения Москва и Санкт-Петербург). Основные технические показатели ВСЖМ-1: эксплуатационная длина — 679 км; время хода высокоскоростного пассажирского поезда без остановок — 2 ч. 15 мин.; количество главных путей — 2 шт.; количество станций — 16 шт.; максимальная скорость движения — 350 км/ч, на отдельных участках до 400 км/ч³.

Потребность в инвестициях в проект создания высокоскоростной железнодорожной магистрали (без учета затрат на подвижной состав) составляет 1,4 трлн руб.

Если следовать теории оценки эффективности крупных (нелокальных) инвестиционных проектов, которая представлена в работах классиков [1, 3, 4] и в утвержденных нормативных документах [2], то начинать расчет следует с оценки именно общественной эффективности. Затем, в зависимости от результата, либо отвергать проект, либо переходить к расчету коммерческой эффективности проекта или эффективности проекта для каждого участника (в случае определения организационно-хозяйственного механизма его реализации).

² В соответствии с определением, содержащимся в Директиве Европейского Союза 96/48/ЕС.

³ Высокоскоростные магистрали // ОАО «РЖД». URL: <https://ar2020.rzd.ru/ru/performance-overview/investment-activities/high-speed-lines> (дата обращения: 10.02.2022).

В данной работе изложение намеренно перевернуто по сравнению с установленной схемой с тем, чтобы более наглядно продемонстрировать механизм «злоупотребления» понятием «общественная эффективность».

Проблемы оценки «внутренней» эффективности высокоскоростной магистрали

Первый этап процедуры оценки социально-экономической эффективности общественно значимого сетевого транспортного проекта — это оценка эффективности для участников проекта (). В составе критерия предлагается оставить только внутренние потоки проекта. В этом случае формула (1) будет выглядеть следующим образом:

$$\Delta Y_i = \sum_{n=0}^N \left[\varphi_{n+}^{\text{внут}} \times (1 + d_n^i)^{t_N - t_n} + \varphi_{n-}^{\text{внут}} \times (1 + E_n)^{t_N - t_n} \right] \geq 0 \quad (2)$$

Применительно к проекту высокоскоростной магистрали внутренние эффекты и затраты — это эффекты и затраты хозяйствующих субъектов, реализующих проект, и субъектов, эксплуатирующих магистраль и перевозящих пассажиров.

С точки зрения оценки общественной эффективности неважно, один или несколько экономических субъектов реализуют проект: создают и затем эксплуатируют инфраструктуру высокоскоростного движения, закупают подвижной состав, осуществляют перевозки. В данном случае делается акцент именно на внутренние потоки проекта, которые включают следующие затраты и результаты (доходы):

- затраты на строительство железнодорожного пути (земляное полотно, искусственные сооружения, верхние строения пути, стрелки, рельсы и прочее);
- затраты на железнодорожное электроснабжение, тяговое и нетяговое;
- расходы на закупку и установку железнодорожной автоматики и телемеханики (автоблокировка, светофоры, семафоры и так далее), обеспечивающие управление движением высокоскоростного подвижного состава;
- затраты на железнодорожную электросвязь;
- затраты на строительство зданий и сооружений, связанных с функционированием магистрали (здания и сооружения вокзалов, станций, производственные сооружения);
- расходы на специальный высокоскоростной подвижной состав;
- расходы, связанные с эксплуатацией и содержанием инфраструктуры высокоскоростного движения;
- расходы, связанные с осуществлением пассажирских перевозок;
- доходы от перевозок пассажиров по магистрали.

Фактически для обеспечения «внутренней» эффективности проекта доходы от перевозок пассажиров по ВСМ должны в течение обозримого временного отрезка (установленного расчетного периода проекта) окупить все перечисленные выше затраты.

Международный опыт оценки эффективности высокоскоростных железнодорожных магистралей по внутренним денежным потокам свидетельствует, что сделать это практически невозможно, большинство из них убыточны в текущей деятельности и дотируются государством.

Китайские экономисты подсчитали, что реально окупаемыми, причем не за два-три года, а в течение 15–16 лет могут быть только относительно короткие высокоскоростные магистрали между крупными городами при пассажиропотоке порядка 30 млн человек

в год⁴. Это очень низкая коммерческая эффективность, но даже она, по расчетам тех же специалистов, может быть достигнута только за счет регулярного перемещения очень большого количества людей. Согласно самому оптимистичному прогнозу, сделанному в 2014 году, общий пассажиропоток на направлении Москва–Казань, протяженность которого (750 км) нельзя отнести к коротким расстояниям, должен был составить в 2030 году 17 млн человек⁵. Планируемый размер пассажиропотока на линии Москва–Санкт-Петербург (679 км) — 23,3 млн человек. Оценка этой величины дана ниже в данной статье.

Причины нерентабельности высокоскоростных магистралей связаны с их высокой стоимостью и объективными трудностями с обеспечением «прибыльного» пассажиропотока.

Большинство европейских проектов в актуальных ценах стоят порядка 30 млн долларов за километр. Капитальные затраты на сооружение линии Пекин–Шанхай составили примерно 27 млн долларов на километр пути⁶.

Плановая стоимость 1 км магистрали Москва–Санкт-Петербург — 2,1 млрд руб. без учета затрат на подвижной состав. В проектных материалах ВСМ Москва–Казань указывалась стоимость 2,2 млрд руб. в расчете на 1 км.

Усредненная стоимость 1 км автомобильной дороги с 4 полосами — 80 млн руб. за км. Стоимость 1 км железных дорог в России с использованием самых современных материалов в 2021 году составляла 52,5 млн руб.⁷

Пассажиропоток на высокоскоростной магистрали определяется тремя факторами: плотность населения на всем протяжении ВСМ, наличие поводов (причин) для частого перемещения большого количества людей вдоль трассы ВСМ, физические или экономические проблемы с другими доступными в данном регионе и для данных расстояний средствами перемещений (количество и качество автомобильных дорог, уровень автомобилизации в регионе, стоимость бензина, наличие железнодорожного, в том числе пригородного сообщения, наличие авиасообщения на маршруте ВСМ, расстояния от городов до аэропортов, стоимость билетов на альтернативных видах транспорта и т.д.).

Человека заставляют более или менее регулярно перемещаться в пространстве на относительно дальние расстояния три обстоятельства: туризм, перемещение в место отдыха, перемещение на место работы (учебы), перемещение в процессе работы.

Можно привести буквально несколько примеров ВСМ из мировой практики, которые реально вызвали мощный поток пассажиров, обеспечивающий заполняемость высоко-

⁴ Зуенко И. Дорогой длиною. Как в Китае построили высокоскоростное чудо света // LENTA.RU. — URL: <https://lenta.ru/articles/2016/03/02/railways/> (дата обращения: 12.01.2022).

⁵ Проект строительства участка «Москва–Казань» высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва–Казань–Екатеринбург». Инвестиционный меморандум. Март 2014 г., Москва // Наш транспорт. URL: https://wiki.nashtransport.ru/images/7/74/%D0%91%D1%83%D0%BA%D0%BB%D0%B5%D1%82_%D0%98%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BC%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BC_%D0%92%D0%A1%D0%9C_%D0%9C%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B0%E2%80%94%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8C.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

⁶ Кудияров С. До Владимира — час, до Нижнего — два // Эксперт. 2019. Июнь. № 23 (1122). URL: <https://expert.ru/expert/2019/23/do-vladimira---chas-do-nizhnego---dva/> (дата обращения: 22.02.2022).

⁷ Стоимость строительства 1 км железной дороги в 2021 году // ЖелДорСпецПроект. URL: <https://xn--d1abbab2adzbbjkd2w.dn--plai/stoimost-stroitelstva-1km-zd-puti> (дата обращения: 2.04.2022).

скоростного транспорта, но даже в этом случае далеко не всегда обеспечивалась операционная эффективность высокоскоростного транспорта.

В Китае, например, географическое размещение производств в стране и рассредоточение рабочих мест требовали массовых трудовых перемещений, потребность в которых существовала всегда. После создания сети ВСМ она была реализована в полной мере. Для населения Китая высокоскоростные поезда оказались быстрым и недорогим транспортом для перемещения, в первую очередь, на работу, учебу. Но это уникальная ситуация.

Потенциальный пассажиропоток на высокоскоростной линии включает следующие возможные составляющие:

- новые пассажиры из проживающих в регионе ВСМ, которые начинают перемещаться в данном направлении посредством пользования ВСМ;
- старые пассажиры из проживающих в регионе ВСМ, которые увеличивают количество своих перемещений в данном направлении посредством пользования ВСМ;
- старые пассажиры из проживающих в регионе ВСМ, которые сохраняют уровень своей транспортной подвижности в данном направлении, но переключаются на ВСМ с других видов транспорта;
- новые пассажиры из не проживающих ранее в регионе, которые появились в регионе благодаря ВСМ и начинают перемещаться в данном направлении посредством пользования ВСМ.

Для появления новых пассажиров и существенного роста транспортной подвижности старых пассажиров из проживающих в регионе, перемещающихся в направлении линии ВСМ, должны быть серьезные аргументы: развитие новых крупных производств, больших туристических кластеров, наличие значительного количества свободной рабочей силы, готовой перемещаться, определенный уровень доходов населения для оплаты относительно недорогих билетов на высокоскоростной поезд и т.д.

Увеличение количества перемещений представляется наиболее логичным аргументом образования пассажиропотока для большинства мировых ВСМ, но вряд ли достаточным для хорошей заполняемости линий. Действительно, при расстоянии по времени до соседнего крупного города от 10 часов и более, в него можно выбраться несколько раз за жизнь. Если это расстояние сокращается до нескольких часов, то могут найтись причины посещать соседний город чаще, а возможно и регулярно с рабочими, учебными или прочими целями.

Для переключения большого количества населения на ВСМ с других видов транспорта также недостаточно аргумента в виде экономии времени, притом что по стоимости билеты на ВСМ (даже с учетом их возможного дотационного характера) должны объективно проигрывать практически всем остальным альтернативам.

Существует еще один аргумент не в пользу перемещения пассажиров на ВСМ. В большинстве городов станции ВСМ технологически не могут быть расположены в черте города, и в этом плане они по расстоянию и времени транспортной доступности мало отличаются от аэропортов.

Пример, когда высокоскоростная дорога почти полностью заменила другие виды транспорта, главным образом, авиасообщение, считается уникальным в мире. Это ВСМ протяженностью 335 км между экономическими и политическими центрами Тайваня с населением порядка трех миллионов каждый — Гаосюн и Тайбэй (столица Тайваня). В данном случае сошлись несколько благоприятных для дороги обстоятельств, связанных с более низкими ценами на ВСМ по сравнению с воздушными перевозками по маршруту

и более удобной организацией для пассажиров при сравнимости по времени передвижения. Тем не менее, даже в этом случае за десять лет существования дорога так и не достигла проектной нагрузки.

Отдельно следует остановиться на «модной» в связи с высокоскоростными магистралями теме создания агломераций. Согласно географической науке, агломерация — компактное скопление населенных пунктов, главным образом городских, местами срастающихся, объединенных в сложную многокомпонентную динамическую систему с интенсивными производственными, транспортными и культурными связями.

Часто при проектировании ВСМ априори закладывается факт создания агломерации (одной или нескольких в зависимости от протяженности и количества крупных городов), перераспределения активного населения и производства между городами, расположенными вдоль магистрали, ведущему к росту экономики в регионе. Если речь идет о столице государства или другом сопоставимом по значимости городе, то считается, что соседствующие по трассе ВСМ города должны резко изменить траекторию своего социально-экономического развития, например, разгрузив столицу от лишнего производства, или, передав в нее лишнюю рабочую силу и т.п.

Однако для этих процессов должны быть предпосылки в виде активного населения, в том числе, населения, которого что-то не устраивает в сложившейся ситуации, бизнеса, который хочет зачем-то перебазироваться в столицу, или напротив, из столицы в соседний город и т.д.

Бесспорным является тот факт, что запуск высокоскоростного движения повысит уровень доступности социальных объектов, в том числе учебных и медицинских учреждений, культурных и спортивных центров для населения остановочных пунктов по трассе, расположенных, например, в часовой доступности. Это может способствовать повышению уровня потребления услуг и товаров, созданию новых рабочих мест.

Но и эти, казалось бы, бесспорные тенденции необходимо подтверждать экономическими расчетами и социально-демографическим анализом населения в регионе, которые должны ответить на вопросы: сколько человек могут себе позволить купить билет на высокоскоростной поезд, чтобы посетить музей или культурное мероприятие в крупном городе, как часто; есть ли возможность в этом городе увеличить количество соответствующих услуг; где найдется персонал, может ли он ездить на работу из соседних населенных пунктов по трассе ВСМ и т.д. Наконец, следует ответить на главный вопрос, сколько должен стоить билет на высокоскоростной поезд, чтобы обеспечить закладываемый в расчеты пассажиропоток, и как эта стоимость соотносится со среднедушевым доходом населения в рассматриваемом регионе.

Классических примеров создания агломерации посредством ВСМ немного. Как правило приводят, город Бордо во Франции, который и до создания линии был крупным промышленным центром страны. В городе было много пустовавшего жилья, а молодежь уезжала, в частности, в Париж. В 2017 году между Бордо и Парижем начал функционировать высокоскоростной поезд, который преодолевает расстояние в 560 км за два часа. Администрация города Бордо решила воспользоваться новой транспортной ситуацией и целенаправленно приглашала молодых и успешных специалистов. В настоящее время Бордо стал популярен как постоянное место жительства для парижан⁸.

⁸ Горбунов А. Не волшебная палочка // Эксперт. 2019. Июнь. № 23 (1122). URL: <https://expert.ru/expert/2019/23/ne-volshebnaia-palochka/> (дата обращения: 12.02.2022).

Чаще встречаются примеры обратные. По данным Всемирного банка, японская сеть ВСМ «Синкансэн» (яп. «новая магистраль») не смогла перераспределить население и рабочую силу в токийской агломерации и не решила проблему чрезмерной концентрации населения и экономического потенциала в Токио. Это произошло именно по той причине, что ВСМ сама по себе не вызывает и не гарантирует агломерационные процессы, а только поддерживает их, если для них существуют экономические и социальные предпосылки.

В этой связи интересен тот факт, что по данным ЕС наиболее чувствительными к приходу ВСМ в города оказались сектор ИТ и бизнес-услуг, который вообще не требует сколь-нибудь существенных физических перемещений работников⁹.

В качестве примеров рентабельных и окупивших себя проектов ВСМ чаще всего приводятся несколько линий во Франции и Испании.

Первая линия ВСМ Франции Париж–Лион, запущенная в 1981 году, полностью окупилась после 11 лет эксплуатации.

Текущую рентабельность ВСМ в Испании обеспечивают (спустя почти 30 лет после постройки и ввода в эксплуатацию) только линии между крупными промышленными центрами: Мадрид–Барселона (7,4 млн пассажиров в год), Мадрид–Севилья (3,3 млн), Мадрид–Малага (2,5 млн).

Загрузки прочих линий существенно меньше расчетных: ВСМ Ла-Корунья–Виго — 19% расчетной; Мадрид–Леон — 39% расчетной; Мадрид–Сантьяго-де-Компостела — 36%. Линия ВСМ Толедо–Альбасете закрыта из-за невостребованности¹⁰.

Обеспечение работы убыточных незагруженных линий в Испании осуществляется за счет прибыли от ВСМ рентабельных направлений. Этот механизм организован путем создания двух государственных компаний на железнодорожном транспорте: оператора перевозок (Renfe) и собственника инфраструктуры дорог (ADIF). Размер платежей за доступ к инфраструктуре ВСМ и использование линий регулирует государство.

Относительно низкие тарифы на ВСМ Китая установлены государством и выполняют социальную функцию по обеспечению населения работой и учебой и объединению страны. Китайские ВСМ, как правило, убыточны и субсидируются государством как на стадии строительства, так и на стадии эксплуатации. Их финансирование осуществляется из государственных банков в виде ссуд железнодорожной корпорации и органам власти регионов, по которым проходит магистраль [11].

Есть и исключения, но они в какой-то степени так же уникальны, как и экономико-географические особенности Китая с точки зрения сфер приложения труда. Речь идет о единственной прибыльной в Китае ВСМ Пекин–Шанхай, построенной в 2011 году и ставшей рентабельной уже через три года. Это одна из самых загруженных магистралей в Китае (1318 км), самая протяженная, построенная в рамках одного этапа высокоскоростная линия в мире. ВСМ проходит по регионам, где проживает более четверти жителей страны, включая 24 города и крупный порт. В 2019 году пассажиропоток по ВСМ составил 210 млн чел. Такие числа говорят сами за себя и свидетельствуют, что данная магистраль выбивается из общих закономерностей и не может быть показательной во всех смыслах.

Как следствие низкой рентабельности ВСМ во всем мире и практической некупаемости затрат на их создание в обозримом с точки зрения бизнеса отрезке времени — отсутствие в мировой практике прецедентов реализации проектов ВСМ без финансового

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

участия государства, доля которого в Европе составляет 60–70% (включая инвестиции собственно государства и Евросоюза); в Китае — 100%; в Японии — 100%.

Дорога, построенная в основном на частные средства на Тайване между городами Гаосюн и Тайбэй, также не выдержала «испытания экономикой» высокоскоростных железных дорог. После двух лет эксплуатации государство взяло на себя рефинансирование кредитов компании владельца, увеличив свой пакет акций в компании до контрольного.

Таким образом, проблема заполнения поездов ВСМ пассажирами и связанная с ней проблема операционной прибыльности перевозок является одной из самых главных и трудно решаемых при реализации проектов рассматриваемого типа. Поэтому первый и главный вопрос, на который должен ответить разработчик такого проекта — это источник пассажиропотока.

Итогом реализации первого этапа процедуры расчета эффективности проекта, скорее всего, будет отрицательный результат, что означает, что проект коммерчески неэффективен.

Проблемы оценки «внешней» эффективности высокоскоростной магистрали

Второй этап процедуры — это оценка эффективности проекта для субъектов экономической деятельности, не участвующих в проекте (). В терминах критерия предлагается отбросить часть формулы, оставив только внешние потоки проекта. В этом случае формула (1) будет выглядеть следующим образом:

$$\begin{aligned} \Delta B_i = \sum_{n=0}^N & \left[\varphi_{n+}^{\text{внеш}} \times (1 + d_n^i)^{t_N - t_n} + \varphi_{n-}^{\text{внеш}} \times (1 + E_n)^{t_N - t_n} + \right. \\ & \left. + (\Delta D_n^{\text{кб}} + \Delta D_n^{\text{нац}} + O_n^{\text{соц}} + O_n^{\text{экол}}) \times (1 + \beta)^{t_N - t_n} \right] \geq 0 \quad (3) \end{aligned}$$

Эта часть формулы включает две принципиально разных по характеру эффектов части. Первая — это внешние экономические эффекты ($\varphi_{n+}^{\text{внеш}}$, $\varphi_{n-}^{\text{внеш}}$), которые проявляются в стоимостных показателях предприятий и организаций, не являющихся участниками данного проекта, в связи с его реализацией, и в росте доходов консолидированного бюджета ($\Delta D_n^{\text{кб}}$). Вторая — это внешние эффекты социального и экологического характера.

Экономические внешние эффекты, в свою очередь, следует четко делить на эффекты, которые рассчитываются по данным проектной документации (по информации, содержащейся в технико-экономическом обосновании проекта), и эффекты, которые можно оценить только с привлечением экспертов.

К рассчитываемым внешним эффектам относятся следующие [8, 12–15]:

— дополнительная прибыль промышленных предприятий за счет роста производства, связанного с обеспечением проекта строительными машинами и механизмами, транспортно-строительными средствами, грузовыми машинами, металлопродукцией, строительными материалами и конструкциями на стадиях строительства и эксплуатации ВСМ;

— дополнительная прибыль промышленных предприятий за счет роста производства, связанного с обеспечением проекта топливом, электроэнергией, расходными материалами;

— прибыль компаний, производящих и обслуживающих подвижной состав для ВСМ.

К внешним эффектам, которые можно оценить только с привлечением экспертов, относятся следующие:

— сокращение прибыли транспортных предприятий в связи с переключением части пассажиропотока на ВСМ (необходима экспертная оценка количества пассажиров, которые переключаются с других видов транспорта (воздушного, автомобильного, пригородного железнодорожного и т.д.);

— дополнительная прибыль ранее действующих предприятий в районе влияния проекта в связи с расширением возможностей использования труда маятниковых трудовых мигрантов (необходима экспертная оценка притока рабочей силы и возможностей роста производства предприятий региона);

— дополнительная прибыль предприятий в районе влияния проекта за счет сокращения оборотных средств и затрат на хранение запасов, связанного с ускорением доставки грузов в связи с сокращением пассажирских поездов на рассматриваемых направлениях (необходима экспертная оценка сокращения пассажирских поездов (и, соответственно, увеличения грузовых) на данном направлении и уровня ускорения доставки грузов);

— прирост доходов консолидированного бюджета за счет дополнительных налогов, сборов, платежей, связанных с обусловленным проектом (на всех стадиях его реализации) ростом доходов предприятий, не являющихся участниками проекта;

— сокращение расходов региональных бюджетов на создание новых рабочих мест и выплату социальных пособий по безработице в регионах, находящихся в зоне влияния проекта, в связи с реализацией проекта (на всех стадиях его реализации) (необходима экспертная оценка сокращения безработицы в регионе);

— прибыль от развития транзитного потенциала страны за счет снятия инфраструктурных ограничений в связи с сокращением количества пассажирских поездов (необходима экспертная оценка роста транзита в связи с разгрузкой железнодорожной линии от пассажирского движения в рассматриваемом направлении).

Величину каждого из перечисленных внешних эффектов проекта можно рассчитать. Алгоритмы расчета описаны в [13, 15] и базируются на характеристиках самого проекта строительства ВСМ, содержащихся в материалах технико-экономического обоснования, данных Росстата о среднеотраслевых ценах, средних зарплатах, уровнях среднеотраслевой рентабельности, прогнозах социально-экономического развития Российской Федерации, разрабатываемых Минэкономразвития России, и экспертных оценках.

Внешние эффекты социального характера, актуальные для оценки эффективности ВСМ, включают дополнительные доходы населения ($\Delta D_n^{\text{нас}}$) и прочие социальные эффекты ($O_n^{\text{соц}}$).

К первым относится изменение денежных доходов населения, связанное со строительством и эксплуатацией ВСМ, в том числе, доходы работников, занятых на строительстве и эксплуатации ВСМ; дополнительные доходы работников ранее действующих предприятий промышленности, производящих продукцию для строительства и эксплуатации ВСМ¹¹. Ко вторым — стоимостная оценка сокращения времени, затрачиваемого населением на поездки, в связи с вводом в эксплуатацию ВСМ; увеличение (сокращение)

¹¹ По данным ОАО «РЖД», на стадии строительства ВСМ Москва–Казань в различных отраслях экономики предполагалось создать более 370 тысяч рабочих мест, в том числе около 120 тысяч — в регионах прохождения трассы. Эксплуатация ВСМ должна была дать приблизительно 5,6 тысяч рабочих мест, непосредственно занятых на перевозках, и 37 тысяч — в смежных отраслях.

рыночной стоимости имущества граждан (жилой и прочей недвижимости, земельных участков) в регионах влияния ВСМ.

Внешние экологические эффекты ($O_n^{\text{экол}}$) в расчетах общественной эффективности ВСМ должны включать стоимость отчуждаемой в результате реализации проекта земли сельскохозяйственного назначения в виде оттока денежных средств, стоимость леса, уничтоженного или поврежденного в связи с реализацией проекта, в виде оттока денежных средств, денежную оценку сокращения вредных выбросов в атмосферу, загрязняющих воздух прилежащих к ВСМ населенных пунктов (по большей части за счет сокращения альтернативных ВСМ поездок на автомобильном транспорте), стоимостную оценку экономии энергоресурсов за счет создания ВСМ и другие.

Подробно методика расчета внешних эффектов социального и экологического характера приводится в [15].

Если сумма реальной прибыли проекта для субъектов хозяйственной деятельности, не участвующих в проекте, прироста доходов населения и стоимостных оценок прочих социальных и экологических последствий реализации проекта, рассчитанных с учетом фактора времени, превысит недополученную прибыль участников проекта, можно говорить об эффективности проекта для общества.

На втором этапе расчетов есть свои подводные камни. Например, справедливо рассчитанная стоимость потерь сельскохозяйственных земель, лесов, а также величина потерь других видов транспорта от снижения пассажиропотока могут в сумме превысить величину положительных внешних эффектов. С другой стороны, в состав последних включены доходы населения, связанные с реализацией проекта, причем как напрямую, так и опосредованно (за счет дополнительных доходов работников предприятий, непосредственно не участвующих в проекте), которые в данной модели считаются не затратами, а результатами проекта. Это увеличивает шанс сделать проект эффективным для общества.

Методика детального анализа, оценки и включения в расчеты каждого из перечисленных выше внешних эффектов рассматривается нами как альтернатива расчетам на основе мультипликаторов разного типа, измеряемых приростом валового регионального продукта на единицу инвестиционных затрат в проект, приростом производительности в регионе на единицу роста численности работников в регионе и т.д.

Приписывать к эффектам проекта прирост валового продукта в регионе влияния ВСМ, рассчитанный по мультипликаторам, полученным из «черного ящика» межотраслевых моделей, «удобнее», поскольку такой расчет, а тем более адекватность модели, проверить сложнее, чем расчет каждого из перечисленных выше внешних эффектов, производимый по конкретным формулам и с использованием конкретных значений параметров с указанием их источника. Не говоря уже о том, что в настоящее время нет надежных данных для расчета значений мультипликатора, позволяющих корректно сформировать обобщенные оценки влияния финансирования транспортной инфраструктуры на объем валового внутреннего продукта региона.

Увеличение валового регионального продукта в районах прохождения ВСМ за счет трудовой маятниковой миграции и повышения мобильности бизнеса является самым распространенным аргументом в пользу развития высокоскоростного движения.

В качестве обоснования приводятся немногочисленные примеры реально зафиксированного роста регионального производства, связанного с созданием ВСМ. Так, согласно данным китайских экономистов, после сдачи в эксплуатацию высокоскоростной магистрали Пекин–Тяньцзинь в 2008 году прирост экономики Тяньцзиня составлял

16,5%, что существенно превышало прирост общенационального ВВП. За второй год функционирования линии объемы выпуска продукции перерабатывающими предприятиями Тяньцзиня увеличились на 4,7%; занятость поднялась на 2,4%; объем оказанных услуг возрос на 7,7%; а занятость в секторе услуг увеличилась на 4,2%¹².

На наш взгляд, главная ошибка (или заблуждение) многих разработчиков проектов развития высокоскоростных магистралей в части доказательства их эффективности — это явная или скрытое отношение к ним, как к проектам развития территории со всеми вытекающими последствиями: рост городов, увеличение передвижений населения, создание агломераций вокруг крупных городов, рост производства в этих агломерациях, развитие туризма и т.п.

Это по большей части необоснованный, в общем случае не имеющий под собой никакой научной аргументации подход в духе «Нью-Васюков». Возможно, для какого-то конкретного проекта на конкретной территории данный аспект может быть актуальным, но для этого должны быть веские причины, вытекающие из ретроспективы развития региона, анализа его экономики, географического положения, структуры населения, уровня занятости, сфер занятости, уровня жизни и т.д.

Слепая вера в мантры типа «развитие современного общества требует новых скоростей» или «транспорт,двигающийся со скоростью 350 км в час способствует формированию агломераций» не может быть основой для расчета эффективности затрат на создание ВСМ. Она ведет не только к тому, что в расчетах появляются внешние эффекты в виде роста валового регионального продукта в регионах по всей протяженности ВСМ. К такого рода эффектам лица, принимающие решения, всегда относятся с осторожностью. Но при этом существенно завышаются объемы пассажиропотоков и показатели эффективности для участников проекта.

В эту же группу доводов в пользу ВСМ следует отнести очень популярные сегодня отсылки к развитию новых высокотехнологичных производств в отечественной индустрии. Речь идет о новых технологиях и материалах при строительстве железнодорожного пути, сооружений и устройств для высокоскоростного движения, производстве и установке железнодорожной автоматики и телемеханики, связи, сигнализации, электроснабжения, о создании новых моделей высокоскоростных поездов.

Варианты всех решений и технологий в сфере высокоскоростного движения, включая инфраструктуру и подвижной состав, уже есть на мировом рынке. Технологии производства высокоскоростных поездов развиты во Франции, Японии, Германии, Италии, Испании, Южной Корее и Китае. Некоторые технологические решения для ВСМ в мире контролируются несколькими компаниями.

Локализация на территории России производств продуктов и услуг, необходимых для создания высокоскоростного железнодорожного сообщения (в том числе, строительных материалов, подвижного состава, контактной сети, полимерных материалов, программного обеспечения, профильных инжиниринговых услуг) потребует существенных инвестиционных ресурсов.

Кроме того, развитие собственных производств должно быть ориентировано на реальные перспективные объемы строительства высокоскоростных магистралей в стране

¹² Как железная дорога изменила Китай // Коммерсантъ Власть. 2014. 03 ноября. № 43. С. 31. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2602194> (дата обращения: 21.02.2021).

или за рубежом с гарантированными заказами. В противном случае развитие технологий и производство техники становится неэффективным.

В мире уже есть примеры создания «излишней» материально-технической базы высокоскоростного железнодорожного транспорта, которую государства пытаются направить на строительство и эксплуатацию ВСМ в других странах.

Испанские производители поставляют поезда разных типов ВСМ в Турцию и Саудовскую Аравию. В Китае в настоящее время создана огромная научная и промышленная база для создания ВСМ. По данным министерства науки и технологий КНР, общий объем инвестиций по этому направлению достиг трех миллиардов долларов, из которых прямое бюджетное финансирование составило не менее трети¹³. При этом Китай завершает строительство ВСМ к 2030 году, после чего понадобятся рынки сбыта для продукции высокоскоростного производства, включая подвижной состав, уникальные технологии прокладки ВСМ, новые сферы приложения труда высококлассных специалистов в этой области.

Не выдерживает критики и распространенный аргумент о разгрузке железнодорожной ветки в направлении ВСМ для грузового транспорта. Здесь также необходим строгий расчет, который покажет, насколько может увеличиться грузовой поток и сравнить его со стоимостью ВСМ и стоимостью прокладки дополнительного пути или строительства автомобильной дороги на рассматриваемом направлении для разгрузки действующей железнодорожной ветки в направлении ВСМ. Сравнение этих показателей уже приводилось выше в данной статье.

Отдельно следует остановиться на попытках российских ученых транспортников перейти от декларации общих лозунгов о последствиях развития ВСМ для прилегающих территорий к прямому проектированию этих последствий в рамках реализации проекта ВСМ. Речь идет о подходе к проекту создания высокоскоростной магистрали, как к проекту развития малых городов и превращения моногородов в точки экономического, социального и культурного роста.

Например, предлагается планировать развитие транспортно-пересадочных узлов (ТПУ) на остановках ВСМ в небольших городах. Исходя из характеристик каждой территории, ТПУ могут включать в себя индустриальные парки, торгово-развлекательные центры, медицинские кластеры и даже зоопарки. В ранее незаселенной акватории некоторых остановочных пунктов на ВСМ предлагается строить жилые комплексы (например, для работающих в крупных городах по линии ВСМ)¹⁴.

Это замечательная идея, которая по факту заключается в том, что «мы не будем гадать, какие внешние эффекты «породит» магистраль, а сами их спланируем и реализуем». Но, строго говоря, в этом случае в расходы проекта ВСМ следует включить и затраты на создание ТПУ, индустриальных парков, жилых комплексов и прочее.

Противопоставление детального анализа внешних эффектов расчетам на основе мультипликаторов никак не умаляет результаты исследований научных коллективов, связанные с оценками мультипликативных эффектов на транспорте, которые увязывают федеральные макроэкономические прогнозы с прогнозами развития транспорта в рамках диалога с федеральными органами исполнительной власти по вопросам государственных

¹³ Виньков А. ВСМ как технологический вызов // Эксперт. 2019. Июнь. № 23 (1122). URL: <https://expert.ru/expert/2019/23/vsm-kak-tehnologicheskij-vyizov/> (дата обращения: 9.03.2022).

¹⁴ ВСМ как инструмент развития территорий // РУБЕЖ. 2018. № 5 (31). С. 105–117. URL: <https://rubezh.ru/managerUploads/files/468/24271/rubezh31-14.pdf> (дата обращения: 9.03.2022).

инвестиций, государственного заказа и тарифной политики. В основе этих исследований лежат сложные количественные модели, в том числе модели межотраслевого баланса.

Речь идет о том, что отдельные проекты ВСМ, даже крупные, затрагивающие большие территории, не могут просчитываться с использованием получаемых в этих исследованиях значений мультипликаторов (даже если предположить существование реальной расчетной модели межотраслевого баланса страны).

В этой связи следует отметить главный, на наш взгляд, парадокс в расчетах эффективности создания высокоскоростных магистралей.

В целях «борьбы» с коммерческой неэффективностью проекта его разработчики и сторонники пытаются максимально добавить внешних эффектов, обеспечив его социально-экономическую эффективность. Но само существование этих эффектов в виде экономического роста в регионе влияния проекта обусловлено именно активными перемещениями больших потоков пассажиров по ВСМ. А если это так, то почему речь идет об операционной неэффективности проекта и зачем тратить время на поиск внешних эффектов, их оценку и включение в расчеты общественной эффективности, если можно просто увеличить пассажиропоток.

Объяснение этому может быть, например, следующее. Закладывая в расчеты большие пассажиропотоки, необходимые для предполагаемого «бурного» экономического развития территории, которые сами по себе обеспечат операционную эффективность ВСМ, разработчики сразу подставляют себя под удар экспертов и специалистов. Размер пассажиропотока необходимо научно обосновывать.

В этом заключается еще один парадокс расчетов эффективности ВСМ: притом, что она строится для людей, доказательство ее необходимости для населения конкретного региона в виде количества потенциальных пассажиров, которые захотят воспользоваться магистралью, всякий раз составляет большую проблему.

Трасса Москва–Санкт-Петербург в данном случае, на наш взгляд, не является исключением. По предварительным подсчетам, пассажиропоток на линии к 2030 году оценивается в 23,3 млн человек. При этом на территориях прохождения будущей ВСМ проживает всего около 30 млн человек¹⁵ (по другим данным — более 25 млн чел.); средняя плотность населения в зоне влияния линии ВСМ — 93,1 чел. / кв. км.

В настоящее время на маршруте отмечается наличие устойчивого пассажиропотока на авиа- и железнодорожном транспорте — около 8 млн чел., из которых более 81% приходится на железнодорожный транспорт. В 2018 году скоростные поезда «Сапсан» на направлении Москва–Санкт-Петербург перевезли 5,4 миллиона человек¹⁶.

Таким образом, для обеспечения проектного пассажиропотока на ВСМ должны пересечь все пассажиры железнодорожного и авиатранспорта, курсирующего между этими городами, и при этом необходимо «добрать» еще порядка 15 млн человек.

Кроме Москвы и Санкт-Петербурга пассажиропотоки на трассе должны обеспечивать Тверь и Новгород. Однако между Москвой и Тверью уже организовано ускоренное пригородное сообщение посредством поезда «Ласточка». Подобная поездка занимает менее двух часов и стоит в пределах 400–500 рублей. Возможно, часть пассажиров «Ласточки»

¹⁵ Определена трасса ВСМ Москва–Санкт-Петербург // Скоростные магистрали. URL: <http://www.hsrail.ru/press-center/news/1054.html> (дата обращения: 20.03.2022).

¹⁶ *Ивантер А.* Каркас будущего // Эксперт. 2019. Июнь. № 23 (1122). URL: <https://expert.ru/expert/2019/23/karkas-buduschego/> (дата обращения: 9.03.2022).

начнет пользоваться высокоскоростной магистралью, стоимость билетов на которую должна быть в несколько раз больше.

Что касается пассажиров из Новгорода, то он по проекту ВСМ удален от маршрута трассы на 70 км. Станция расположена в городе Чудово с населением 15 тыс. человек.

Таким образом, даже такой беглый анализ на основании общедоступных данных приводит к выводу, что разработчикам проекта будет сложно доказать реальность запланированного пассажиропотока в более чем 23 млн человек.

Проблемы преодоления информационной недостаточности при оценке эффективности высокоскоростной магистрали

Одним из путей преодоления информационной недостаточности в контексте оценки эффективности проектов создания ВСМ, на наш взгляд, может быть проверка уровня устойчивости проекта применительно к риску переоценки величины пассажиропотока.

Можно применить, например, «классический» сценарный подход — описать некоторое детерминированное множество возможных сценариев реализации проекта, в основе которых то или иное значение пассажиропотоков на ВСМ по годам проекта, определить вероятности каждого из них и рассчитать величину критерия «реальная общественная прибыль» как ожидаемую.

При этом в качестве варьируемых параметров в разных сценариях следует рассматривать не только величину пассажиропотока, но и его структуру: количество новых пассажиров, количество пассажиров, переключившихся с железнодорожного транспорта, с автомобильного транспорта, с воздушного транспорта и т.д. В зависимости от этого в каждом сценарии рассчитываются внешние эффекты реализации проекта.

Другой вариант оценки рискованности проекта — это проверка уровня устойчивости проекта применительно к конкретному риску — достижение пассажиропотоком значения гарантированного минимума.

Обычно в проектные материалы закладываются некоторые базовые значения основных исходных параметров, максимально точно описывающие предмет оценки на данный момент и при данном уровне информационной обеспеченности проектировщиков и экспертов проекта. Иногда их называют средними значениями параметров проекта, но это принципиально не так. Средние могут быть рассчитаны исходя из некоего набора значений, или максимально и минимального значения, чего в общем случае явно быть не может.

Основная идея второго подхода к оценке риска — заменить базовое значение пассажиропотока на минимальное, которое проектировщики и эксперты могут гарантировать на данном этапе при данном уровне информационной обеспеченности, и рассчитать значение критерия «реальная общественная прибыль» с учетом структуры пассажиропотока.

Для принятия решения по проекту сравниваются и анализируются полученные результаты расчетов: значения реальной общественной прибыли при базовых значениях пассажиропотока и его структуры, ожидаемое значение при сценарном подходе и величина критерия при минимально гарантированном пассажиропотоке и его структуре.

Цель такого сравнения — расширение информационного фона для принятия решения о создании ВСМ, возможно о конкретных маршрутах, если такие рассматриваются и оцениваются.

Заключение

Высокоскоростной железнодорожный транспорт, как и любая другая — это инфраструктурная, обслуживающая отрасль. Поводом для его развития должна быть изначальная потребность в перевозках пассажиров в данном направлении и с данной скоростью.

Считать ВСМ некоей самодостаточной ценностью, привносящей на транспорт новые технологии будущего и самостоятельно генерирующей пассажиропоток и социально-экономическое развитие территорий, неверно в рамках любой экономики, особенно в условиях дефицита инвестиционных ресурсов (в том числе, государственных) и наличия множества альтернатив их использования.

Список источников

1. Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов: Теория и практика. 5-е изд. М.: Поли Принт Сервис, 2015. 1300 с.
2. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (Вторая редакция). Министерство экономики РФ, Министерство финансов РФ, ГК РФ по строительству, архитектуре и жилищной политике. М.: Экономика, 2000. 422 с.
3. Виленский П.Л., Лившиц В.Н. Эффективность инвестиционных проектов // Аудит и финансовый анализ. 2000. № 3. С. 97–138.
4. Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов: Теория и практика. М.: Дело, 2001. 832 с.
5. Васильева Е.М., Левит Б.Ю., Лившиц В.Н. Нелинейные транспортные задачи на сетях. М.: Финансы и статистика, 1981. 104 с.
6. Виленский П., Лившиц В., Смоляк С., Шахназаров А. О методологии оценки эффективности реальных инвестиционных проектов. Ч. 1. // Российский экономический журнал. 2006. № 9–10. С. 63–73.
7. Белоусова Н.И., Бушанский С.П., Васильева Е.М., Лившиц В.Н., Позамантур Э.И. Информационная технология синтеза сложных сетевых структур нестационарной российской экономики: модели, алгоритмы, программная реализация // Аудит и финансовый анализ. 2008. № 1. С. 50–88.
8. Миронова И.А., Тищенко Т.И., Фролова М.П. Внешние эффекты от реализации общественно значимых проектов развития транспортной инфраструктуры // Труды ИСА РАН. 2021. Т. 71, вып. 2. С. 80–91. <https://doi.org/10.14357/20790279210210>.
9. Фливбьерг Б., Брузелуус Н., Ротенгаттер В. Мегaproекты и риски: Анатомия амбиций. М.: Альпина паблишер, 2014. 288 с.
10. Livchits V., Mironova I., Tischenko T., Frolova M., Shvetsov A. Risk Accounting in Calculations of Public Efficiency of Large-scale Infrastructure Projects. Proceedings of the 14th International Conference “Management of Large-Scale System Development” (MLSD). Moscow: IEEE, 2021. P. 1–4. <https://doi.org/10.1109/MLSD52249.2021.9600112>.
11. Белошапкина В.И. О финансовой устойчивости железнодорожной отрасли Китайской народной республики // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 10–1. С. 181–186.
12. Миронова И.А. Оценка внешних эффектов в расчетах общественной эффективности крупных инвестиционных проектов строительства и реконструкции участков железной дороги // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 4. С. 200–217.
13. Лившиц В.Н., Миронова И.А., Швецов А.Н. Оценка эффективности инвестиционных проектов

- в различных условиях // Экономика в промышленности. 2019. Т. 12, № 1. С. 29–43. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2019-1-29-43>.
14. Миронова И.А., Тищенко Т.И. К оценке общественной эффективности железнодорожных высокоскоростных магистралей // Российский экономический журнал. 2019. № 2. С. 45–61. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-2-45-61>.
15. Миронова И.А., Тищенко Т.И. Системная оценка эффективности проектов развития железнодорожного транспорта // Труды Института системного анализа РАН. 2018. Т. 68, вып. 3. С. 99–108. <https://doi.org/10.14357/20790279180310>.

References

1. Vilensky P.L., Livshits V.N., Smolyak S.A. Otsenka effektivnosti investitsionnykh proektov: Teoriya i praktika [Assessment of Investment Projects Efficiency: Theory and Practice]. Moscow: Poly Print Service, 2015. 1300 p. (In Russ.).
2. Metodicheskie rekomendatsii po otsenke effektivnosti investitsionnykh proektov (Vtoraya redaktsiya). Ministerstvo ekonomiki RF, Ministerstvo finansov RF, GK RF po stroitel'stvu, arkhitekture i zhilishchnoy politike [Methodological recommendations for evaluating the effectiveness of investment projects (Second edition). Ministry of Economy of the Russian Federation, Ministry of Finance of the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation for Construction, Architecture and Housing Policy]. Moscow: Ekonomika, 2000. 422 p. (In Russ.).
3. Vilensky P.L., Livshits V.N. Effektivnost' investitsionnykh proektov [Efficiency of investment projects]. *Audit and financial analysis*. 2000;(3):97–138. (In Russ.).
4. Vilensky P.L., Livshits V.N., Smolyak S.A. Otsenka effektivnosti investitsionnykh proektov: Teoriya i praktika [Evaluation of the effectiveness of investment projects: Theory and practice]. Moscow: Delo, 2001. 832 p. (In Russ.).
5. Vasilyeva E.M., Levit B.Y., Livshits V.N. Nelineynye transportnye zadachi na setyakh [Nonlinear transport problems on networks]. Moscow: Finansy i Statistika, 1981. 104 p. (In Russ.).
6. Vilensky P.L., Livshits V.N., Smolyak S.A., Shakhnazarov A.G. O metodologii otsenki effektivnosti real'nykh investitsionnykh proektov. Ch. 1. [On the methodology for evaluating the effectiveness of real investment projects. Part 1]. *Russian Economic Journal*. 2006;(9–10):63–73. (In Russ.).
7. Belousova N.I., Bushansky S.P., Vasilyeva E.M., Livshits V.N., Pozamantir E.I. Informatsionnaya tekhnologiya sinteza slozhnykh setevykh struktur nestatsionarnoy rossiyskoy ekonomiki: modeli, algoritmy, programmnaya realizatsiya [Information technology of synthesis of complex network structures of the non-stationary Russian economy: models, algorithms, software implementation]. *Audit and financial analysis*. 2008;(1):50–88. (In Russ.).
8. Mironova I.A., Tishchenko T.I., Frolova M.P. External effects from the implementation of socially significant projects for the development of transport infrastructure. *Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossiyskoy akademii nauk*. 2021;71(2):80–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.14357/20790279210210>.
9. Flyvbjerg B., Bruzelius N., Rothengatter W. Megaproekty i riski: Anatomiya ambitsiy [Megaprojects and Risk: An Anatomy of Ambition]. Moscow: Alpina Publisher, 2014. 288 p. (In Russ.).
10. Livchits V., Mironova I., Tischenko T., Frolova M., Shvetsov A. Risk Accounting in Calculations of Public Efficiency of Large-scale Infrastructure Projects. *Proceedings of the 14th International Conference "Management of Large-Scale System Development"* (MLSD). Moscow: IEEE, 2021. P. 1–4. <https://doi.org/10.1109/MLSD52249.2021.9600112>.
11. Beloshapkina V.I. O finansovoy ustoychivosti zheleznodorozhnoy otrasli Kitayskoy narodnoy

- respubliki [On the financial stability of the railway industry of the People's Republic of China]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2016;(10–1):181–186. (In Russ.).
12. Mironova I.A. Otsenka vneshnikh effektivov v raschetakh obshchestvennoy effektivnosti krupnykh investitsionnykh proektov stroitel'stva i rekonstruktsii uchastkov zheleznoy dorogi [External Effects Assessment in Calculating Social Efficiency of Large Investment Projects for Constructions and Reconstruction of Railway Sections]. *Audit and Financial Analysis*. 2013;(4):200–217. (In Russ.).
 13. Livshits V.N., Mironova I.A., Shvetsov A.N. Evaluating investment projects efficiency in various conditions. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2019;12(1):29–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2019-1-29-43>.
 14. Mironova I.A., Tishchenko T.I. To assessing social efficiency of rail high-speed lines. *Russian Economic Journal*. 2019;(2):45–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-2-45-61>.
 15. Mironova I.A., Tishchenko T.I. Systematic assessment of efficiency of projects of development of railway transport. *Trudy Instituta sistemnogo analiza Rossiyskoy akademii nauk*. 2018;68(3):99–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.14357/20790279180310>.

Информация об авторах

И.А. Миронова — кандидат экономических наук, главный специалист, Федеральное государственное учреждение Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Т.И. Тищенко — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное учреждение Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, г. Москва, Россия.

М.П. Фролова — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное учреждение Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Information about the authors

I.A. Mironova — Chief Specialist, Phd (Economy), Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

T.I. Tishchenko — Senior Researcher, Phd (Economy), Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

M.P. Frolova — Senior Researcher, Phd (Economy), Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 23.04.2022; одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted 23.04.2022; approved after reviewing 17.05.2022; accepted for publication 03.06.2022.

ИТОГИ IV МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА

16 мая и 17 мая 2022 года в Москве состоялись центральные мероприятия четвертого международного Московского академического экономического форума, организованного Вольным экономическим обществом России, Российской академией наук и Международным Союзом экономистов.

Тема форума: «Россия: вызовы глобальной трансформации XXI века».

Московский академический экономический форум — это постоянно действующая интеллектуальная площадка, в рамках которой в течение года работают отраслевые и тематические форумы.

Важная компонента Московского академического экономического форума — сильная региональная составляющая. В этом году с 18 апреля по 13 мая работала 81 региональная площадка МАЭФ-2022 в 52 субъектах Российской Федерации. На научно-практических мероприятиях в регионах выступили более шестисот специалистов.

Всего в мероприятиях МАЭФ-2022 приняло участие более 12 000 человек, в числе которых: ведущие ученые и эксперты из 21 страны мира, представители комитетов Совета Федерации ФС РФ и Государственной Думы РФ, органов государственного управления РФ, национальных и международных общественных институтов, руководители ведущих экономических вузов страны, молодые специалисты.

В адрес форума поступили приветствия: от министра иностранных дел **Сергея Лаврова**, руководителя Россотрудничества **Евгения Примакова**, президента Российского союза промышленников и предпринимателей **Александра Шохина**, президента Торгово-промышленной палаты Российской Федерации **Сергея Катырина**, президента «Деловой России» **Павла Титова**, председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию **Сергея Кабышева**, председателя Комитета Государственной Думы по экономической политике **Максима Топилина**, председателя Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле **Владимира Гутенева**, секретаря Общественной палаты России **Лидии Михеевой**, уполномоченного при Президенте России по защите прав предпринимателей **Бориса Титова**, председателя Федерации независимых профсоюзов России **Михаила Шмакова**, директора Информационного центра ООН в Москве **Владимира Кузнецова**, губернаторов субъектов Российской Федерации и многих других.

16 мая 2022 года

16 мая в Президентском зале Российской академии наук в совмещенном офлайн- и онлайн-формате состоялось открытие и пленарное заседание четвертого Московского академического экономического форума. В режиме видеоконференций к работе центральных мероприятий подключились более 3-х с половиной тысяч ученых и специалистов. Ведущий мероприятия — руководитель аналитической группы пресс-центра ТАСС Андрей Журанков.

Открыли работу форума его сопредседатели — президент Российской академии наук, академик РАН **Александр Сергеев** и президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов **Сергей Бодрунов**.

«Московский академический экономический форум стал явлением науки и социально-экономической жизни страны, — отметил **Сергей Бодрунов**. — Мы проводили его в самых трудных условиях, несмотря на ограничения пандемии и мировой экономической кризис. Мы проводим его и сегодня в непростых условиях — в условиях глубоких геополитэкономических противоречий и многоаспектного давления на нашу страну. И безусловно, ученые, представители академического сообщества, эксперты в любых условиях не прекращают думать о будущем, о том, как сделать дорогу к нему, что называется, дорогой к Храму, а не в стагнацию или хаос».

Новая геоэкономическая реальность требует быстрых решений от науки, российского правительства, и прежде всего от учёных-экономистов, подчеркнул **Александр Сергеев**.

«У экономической науки сейчас особое значение. Решения должны браться с колёс, для этого нужно быстро рассчитываться различные варианты в условиях огромной неопределённости», — добавил президент РАН.

В условиях внешних ограничений российская экономика демонстрирует устойчивость, сохраняются все возможности для перехода к более динамичному развитию к 2023–2024 гг., однако есть ряд задач, которые следует решать в ближайшее время. Это, в первую очередь, замещение критического импорта, ускорение технологического развития, разработка новых финансовых инструментов и технологий, снижение влияния экспортных ограничений на российскую энергетику. К такому выводу пришли эксперты четвертого Московского академического экономического форума.

Президент РАН **Александр Сергеев** подчеркнул, что сегодня на повестке дня остро стоят вопросы импортозамещения и развития отечественных технологий.

Среди технологических приоритетов, определенных Минпромторгом и Российской академией наук, глава РАН назвал медицинскую технику и фармацевтику, современную химию, биотехнологии, микроэлектронику, лазерные и оптические технологии, станкостроение.

«По этим шести направлениям у нас сейчас созданы совместные рабочие группы, которые определяют, каким образом наука может максимально эффективно откликнуться на решение задач импортонезависимости и как быстро перевести наши разработки в продукты», — пояснил **Александр Сергеев**.

Основными направлениями ограничений российской экономики в краткосрочной перспективе является критический импорт, а в среднесрочной — реализация потенциала научно-технологического развития, согласился директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, член Правления ВЭО России **Александр Широв**.

По словам ученого, важнейшим вопросом научно-технологической политики становится замещение попавших под ограничение результатов зарубежных НИОКР отечественными исследованиями и кооперацией в научной сфере с дружественными странами, а ключевыми направлениями преодоления технологического отставания являются такие сектора, как медицина, фармацевтика, цифровые технологии, промышленный инжиниринг.

Президент ВЭО России **Сергей Бодрунов** выразил мнение, что одной из основных целей социально-экономического развития должно стать формирование знаниеемкого производства, в том числе — решение задачи интенсивного продвижения инноваций в производство, приоритетное решение задач реиндустриализации и реин-

теграции производства, науки и образования, активное развитие фундаментальной науки.

«Здесь — в развитии производства, основанного на знаниях, — Россия может стать одним из мировых лидеров. Для этого, однако, необходимо существенное обновление экономических отношений и институтов», — полагает ученый.

«Для решения стратегических задач, поставленных Президентом России, нужна новая экономическая политика. Есть запрос на экономику нового типа, связанную не только с поворотом на Восток, а именно с технологиями, знаниями», — согласился главный экономист Внешэкономбанка, член Правления ВЭО России **Андрей Клепач**.

Борьба с ограничением технологического развития России сегодня в приоритете, отметила заместитель председателя Комитета по науке и высшему образованию Государственной Думы РФ **Екатерина Харченко**.

«На программы научно-технологического развития нашей страны ежегодно выделяется 1,2 трлн рублей и непосредственно на исследования 500 млрд рублей. Мы видим, что уже начата работа по созданию отечественной методологии оценки результативности научных исследований. Мы сейчас не имеем возможности на ошибку, и многое в этом направлении делается. Безусловно, важна роль единой государственной информационной системы, в которой будут отражены результаты научно-исследовательской деятельности всех акторов системы науки и высшего образования», — рассказала депутат.

Для инновационного развития российской экономики заместитель директора по научной работе ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН **Владимир Миловидов** предложил использовать потенциал отечественного фондового рынка — а именно, стимулировать розничных инвесторов вкладывать в перспективные отрасли. При этом, по словам ученого, следует иметь в виду, что в условиях неопределенности при выборе ценных бумаг участники фондового рынка руководствуются не столько финансовыми показателями компаний, сколько эмоциями и «инвестиционным визионерством».

«Нужно искать именно эмоционально-психологический подход, создавать определенную среду, которая повысит склонность к инвестированию и позволит решить проблему нехватки финансовых ресурсов, которая сегодня будет ощущаться. За последние два года на российский фондовый рынок вышло от 5 до 10 миллионов новых инвесторов, и, конечно, этим надо воспользоваться», — пояснил Владимир Миловидов.

Министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик РАН, вице-президент ВЭО России **Сергей Глазьев** предложил для финансирования технологического рывка перераспределить поток природной ренты, а также повысить объемы кредитования инвестиций в передовые производства.

«Наши банки из-за сверхвысоких процентных ставок, волатильности курса рубля почти перестали заниматься кредитованием инвестиций. Доля таких активов у них порядка 5%, а должна быть — 50%. То есть, в экономике не работает механизм трансформации сбережений в инвестиции. Активизация кредита для финансирования инновационных проектов, модернизация экономики на базе нового технологического уклада — важнейшие условия выхода на траекторию опережающего развития», — убежден ученый.

По словам Сергея Глазьева, благодаря введению экспортной пошлины для сырьевого сектора, в бюджет могут поступить дополнительно 25 трлн рублей. Эту сумму следует направить на финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Одновременно с экспортными пошлинами следует создать внутрен-

ную систему ценообразования на биржевые товары, это обеспечит экономическую устойчивость и стабильность, полагает академик РАН.

По мнению директора Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, академика РАН **Валерия Крюкова**, льгот в финансово-кредитной сфере, решений, связанных с поддержкой цифровой экономики или тех или иных технологий, недостаточно — следует заниматься проектами.

«Проект, связанный с использованием природных ресурсов в Арктике и на значительной территории Российской Федерации, является той основой, которая позволяет задействовать потенциал внутреннего рынка и реализовать развитие научно-технического потенциала», — убежден ученый.

С точки зрения академика РАН, при реализации проектов в Арктике принципиально важно формирование и развитие кооперационных и интеграционных связей — как на локальном, так и межрегиональном уровнях (для бизнеса, как правило, вопросы кооперации не относятся к числу приоритетных, более важно обеспечить скорейший возврат вложенных средств). Не менее важна кооперация на основе формирования и регулирования комплексных научно-технологических проектов создания и развития пространственно-распределенных цепочек создания добавленной стоимости.

В настоящее время основные индустриальные центры Востока страны, в частности, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Чита, Хабаровск, практически не задействованы в цепочках создания добавленной стоимости — как на стадии подготовки проектов, так и на стадии их последующей реализации.

Необходима среда обобщения и распространения локальных знаний, практик и инициатив, полагает ученый. Для ее создания нужны гибкие, умные решения по «использованию потенциала различных экономических компетенций и специалистов, по условиям налогообложения, доступу к финансовым ресурсам, процедурам разрешения конфликтных ситуаций». Это делается при активном участии регулятора — государства.

Совершить технологический прорыв возможно, опираясь не только на денежный, но и на человеческий капитал, убежден декан экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова **Александр Аузан**.

«Нашим главным стратегическим ресурсом межцивилизационной конкуренции является человеческий капитал. Мы на первых местах в мире по качеству человеческого капитала и далеко не на первых по ВВП на душу населения. Надо попытаться, чтобы эти ножницы не сложились путем истечения человеческого капитала и приближения к недостаткам в нашей экономике, которая в условиях адаптации, конечно, вынуждена будет сокращаться», — отметил декан экономического факультета МГУ.

Сохранение населения — одна из основных задач, поставленных Президентом в Указе о национальных целях развития России. Директор ЦЭМИ РАН, член-корреспондент РАН **Альберт Бахтизин** поднял вопрос депопуляции.

Согласно совокупному интегральному индексу национальной силы, для расчета которого использовался широкий спектр показателей для 193 стран (исследование ЦЭМИ РАН и Федеральной службой охраны РФ), Россию и Китай ждет значительная убыль населения.

Ученые ЦЭМИ РАН выделили ключевые факторы повышения рождаемости — это финансовая поддержка семей, гибкий график работы, ценностные установки, качественное медицинское обслуживание, социальная среда, обеспеченность жильем и прочие.

Среди негативных факторов — отсутствие работы, неблагоприятная экономическая ситуация, рост безработицы, плохие жилищные условия.

«Однозначно определить влияние одного фактора на демографическую ситуацию по большому набору стран не удалось. Соответственно, чтобы реально преломить тренд депопуляции, нужно одновременное влияние множества факторов. Любой фактор оказывает временное воздействие. Через некоторое время он перестает работать», — сделал вывод Альберт Бахтизин.

Тем не менее, согласно расчетам ученых ЦЭМИ РАН, которые давно занимаются моделированием демографических процессов, предоставление медицинских услуг к 2036 году может дополнительно сохранить в России 1,5 млн человек.

На повестке дня по-прежнему остается вопрос восстановления доходов населения, отметил **Андрей Клепач**.

По оценке ВЭБ.РФ, пакет мер поддержки населения и экономики, который уже приняло Правительство России, сократит снижение реальных доходов населения с 11% до 9%.

«Уже одобренные или запущенные правительством меры уменьшат падение реальных доходов на 1,9%. Но это в первую очередь поддержка семей с детьми, повышение прожиточного минимума, МРОТ, дополнительная индексация пенсий. Это мало что дает для основной части работающих, то есть для учителей, врачей, ученых, для тех же военнослужащих», — полагает Андрей Клепач.

Для повышения устойчивости российской экономики, ускоренного технологического развития чрезвычайно важны климатическая и экологическая политики, отмечали эксперты форума.

«Необходимо обеспечить интеграцию климатической и экологической политики через стратегическое планирование, прежде всего, через стратегию социально-экономического развития, ее обновления и стратегию пространственного развития. И стержневую направленность этих политик на достижение таких стратегических целей, как повышение качества жизни, в первую очередь, сбережение здоровья населения, структурно-технологической модернизации экономики с опорой на структурные сдвиги и наилучшие доступные технологии, двигаясь от текущей «штокки» и «запекания дыр» в виде импортозамещения к развитию экономики знаний на основе тех, пусть и немногочисленных, островков НТР и заделов НИОКР, которые есть. Иначе будет воспроизведена модель ускоренного технологического отставания и стагнации экономики», — рассказал **Борис Порфирьев**, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, академик РАН, член Президиума ВЭО России.

В условиях глобальных трансформаций российские ученые ведут разработку новых финансовых инструментов и технологий. Так, научным сообществом предложен проект по созданию в России двухконтурной валютно-финансовой системы.

«Проект, разработанный группой исследователей Научно-исследовательского института, «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ им. Плеханова предусматривает обеспечение национальной валюты за счёт использования наряду с золотом особой группы товаров, обладающих одновременно товарными и денежными свойствами или так называемыми дуальными товарами. Это товары, цены которых на больших промежутках времени имеют устойчивое относительное отклонение цены монетарного золота. Речь может идти о пшенице, серебре, олове, меди, титане, драгоценных и недрагоценных металлах, угле, уране, хлопьях, электроэнергии, нефте-

продуктах, сжиженном газе, минеральных удобрениях и стандартизированной воде», — пояснил первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации ФС РФ, вице-президент ВЭО России **Сергей Рябухин**.

О законодательной работе по развитию финансового рынка в условиях санкций рассказал председатель Комитета Государственной Думы РФ по финансовому рынку **Анатолий Аксаков**.

Закон «О цифровых финансовых активах» вступил в силу 1 января 2021 года. Уже в этом году могут появиться первые цифровые финансовые активы.

«Три платформы по выпуску цифровых финансовых активов уже зарегистрированы. Это «Норильский никель», «Трансмашхолдинг» и «Сбербанк». На подходе еще две платформы. Мы рассчитываем, что уже в этом году первые цифровые финансовые активы будут выпускаться. Постепенно они станут основой для финансовых взаиморасчетов в блокчейне. Одна из названных компаний зарегистрировала платформу как раз для того, чтобы видеть все экономические взаимоотношения с партнерами, со своими подразделениями, в том числе за рубежом. Это в определенном смысле альтернатива тем финансовым взаиморасчетам, которые сегодня существуют на основе доллара, евро или других валют», — отметил председатель Комитета Государственной Думы РФ по финансовому рынку Анатолий Аксаков.

Депутат также рассказал, что подготовлен законопроект по криптовалютам. Законопроект еще не поступил в Госдуму. Мы его ожидаем в ближайшее время. Правительство за легализацию и довольно жесткое регулирование этого рынка. Насчет майнинга договорились о том, что его нужно легализовать и регулировать, в том числе для того, чтобы регулировать энергопотребление», — пояснил Анатолий Аксаков.

Кризисы последнего десятилетия и трансформационные процессы, которые мы наблюдаем сегодня, будет иметь существенные последствия для мировой экономики и финансовых рынков. Неопределённость в мировой финансовой системе возрастает, отметил директор Института экономики Российской академии наук **Михаил Головин**.

Среди ключевых рисков, по словам эксперта, — рост цен на мировых товарных рынках, который приведет к ускорению глобальной инфляции и ужесточению денежно-кредитной политики. Это рост процентных ставок, а следовательно — и рост издержек обслуживания долгового бремени, отток капитала из стран с формирующимися рынками, развитие процессов фрагментации.

«Когда страны видят, что их активы могут быть заморожены, их участие в монопольных расчётно-платёжных системах ставит под угрозу принципы проведения всех сделок. Наверное, будут формироваться альтернативные системы. Китай уже сформировал свою собственную систему трансграничных расчётов. В этой связи, конечно, возникает и некоторая угроза доминирующему положению доллара», — отметил Михаил Головин.

Новая геэкономическая реальность приведет к трансформации нефтегазовой отрасли России, отмечали эксперты форума. Доля стран, которые могут ввести запрет на ввоз российской нефти, составляет в структуре российского нефтегазового экспорта порядка 60%, значит, России придется искать новых покупателей и формировать новые логистические цепочки для перенаправления российской нефти на восток, в страны Азиатско-тихоокеанского региона, отметил директор по энергетике Института энергетике и финансов **Алексей Громов**.

Именно с изменением логистики связаны основные трудности для отечественных нефтегазовых компаний. Перенаправление поставок российской нефти из Европы в АТР приведёт к удвоению среднего времени доставки нефтеналивных грузов — с 15 до 29 дней, увеличивает расходы на транспортировку, а также потребность в танкерном флоте, рассказал эксперт.

«Российский флот способен самостоятельно обеспечивать 33% морских перевозок российской нефти и нефтепродуктов (62% сырой нефти и 17% нефтепродуктов). Ограничения на заход российских судов в порты европейских стран может стать препятствием для этой возможности», — добавил Алексей Громов.

Существенным ограничивающим фактором может стать качество российской нефти и нефтепродуктов — не каждый нефтеперерабатывающий завод в мире может их принять, полагает директор Института энергетических исследований РАН, академик РАН **Сергей Филиппов**.

«Образовалась большая зависимость от поставок зарубежных материалов, оборудования, программных средств. Зарубежным фирмам отдан рынок сервисного обслуживания и ремонта импортного оборудования», — добавил Сергей Филиппов.

Сельское хозяйство в последние годы — один из наиболее быстро развивающихся секторов экономики России, тем не менее в новой геополитической реальности его рост может замедлиться. Ключевые риски назвал директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова, академик РАН, член Президиума ВЭО России **Александр Петриков**.

«До сих пор при развитии нашего сельского хозяйства мы исходили из приоритета включения его не только в глобальные рынки продовольствия, сельскохозяйственного сырья, но также в глобальные рынки ресурсов для сельского хозяйства, формируя чересчур открытую агропромышленную систему без должного внимания к обеспечению ее самодостаточности и развития собственного технологического потенциала. С одной стороны, это позволило нам воспользоваться преимуществами мирового разделения труда, повысить технологический уровень отрасли и увеличить экспорт. Но, с другой стороны, открытость снизила устойчивость системы, увеличила риски потерь от волатильности мировых цен, сбоя логистики, политических конфликтов», — полагает академик РАН.

Среди других стратегических рисков, по словам Александра Петрикова, — недостаточное развитие отечественной сельскохозяйственной науки и особенно сферы инноваций, формирование несбалансированной аграрной структуры с доминированием крупных и сверхкрупных предприятий и недостаточным развитием среднего и малого агробизнеса.

Говоря о глобальной продовольственной безопасности, глава Московского офиса Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) **Олег Кобяков** напомнил, что основными рисками для нее являются геополитические конфликты и экстремальные погодные условия. С 2016 по 2021 год число людей в мире, которые столкнулись с голодом, удвоилось. Это около 193 млн человек в 50 странах. Самая тяжелая ситуация в Йемене, Мадагаскаре, Эфиопии и Южном Судане.

«В 2021 году конфликты на всех континентах стали основным фактором голода для 139 млн человек в 24 странах. Это рост почти на 40 млн по сравнению с 2020 годом», — рассказал эксперт.

По словам Олега Кобякова, ФАО предложила создать механизм финансирования импорта продовольствия, чтобы помочь более бедным странам справиться с резким ростом цен. Среди таких стран — Киргизия, Узбекистан и Таджикистан. Организация рекомен-

дует участникам продовольственного рынка диверсифицировать источники поставок, воздержаться от политизированных конъюнктурных мер и экспортных ограничений, которые могут усугубить рост цен на продовольствие и подорвать доверие к мировым рынкам.

17 мая 2022 года

17 мая вели работу пленарные конференции на площадках ведущих вузов и научных центров страны.

Заключительная пленарная сессия форума состоялась в Конгресс холле ВЭО России. Ее модератором выступил руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, академик РАН, член Президиума ВЭО России **Борис Порфирьев**.

Выступая на заключительной пленарной сессии, член Президиума ВЭО России, первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы **Олег Смолин** отметил, что для устойчивого социально-экономического развития России следует в первую очередь решать задачи новой индустриализации, ориентированной на новый технологический уклад, наращивать вложения в человеческий капитал, повышать уровень жизни россиян, создавать научно-технологические проекты, в том числе в сфере искусственного интеллекта, запустить процессы дебюрократизации в экономической сфере.

Среди краткосрочных задач экономического развития **Елена Панина**, директор «Института международных политических и экономических стратегий — РУС-СТРАТ», назвала замещение критического импорта — в частности, поиск новых поставщиков.

В среднесрочной перспективе, по словам Елены Паниной, для замещения выпадающего технологического импорта следует создавать новые высокотехнологичные производства и расширять действующие. В долгосрочной перспективе перед страной стоит глобальная цель — технологический прорыв.

Для решения этих задач необходимо совершенствовать систему стратегического планирования и законодательно закрепить ее, ввести институт управления государственным стратегическим планированием из единого центра.

Академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, вице-президент ВЭО России **Александр Дынкин** выразил мнение, что в текущей ситуации следует использовать преимущество имеющихся институтов. По словам ученого, ключ к контрсанкционной политике — рациональное сочетание административных мер с рыночными стимулами.

«Нужно оперативно усиливать рыночные стимулы за счет дерегулирования, упростить нормативную базу, которая у нас часто ориентирована на избыточное поддержание баланса сдерживания противовесов. Нужно в течение недели отменить Федеральный закон № 275, который создает закредитованность оборонных предприятий, от которых сейчас много зависит. Необходимо очистить алгоритмы принятия решений от излишней потенциально коррупционной цепочки бесконечных согласований, минимизировать роль посредников рыночных транзакций», — пояснил академик РАН.

В научной части заключительной пленарной сессии также выступили научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН

Валерий Макаров, советник президента Российской академии наук, доктору член-корреспондент РАН **Валерий Чичканов**.

Председатель Правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества» **Константин Могилевский** напомнил о важности уроков истории.

«История — это не просто сборник поучительных примеров, а процессы, которые идут из прошлого, проходят через настоящее и формируют историческое будущее», — отметил Константин Могилевский.

Член Президиума ВЭО России, директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени Никонова, академик РАН, руководитель пленарной конференции «Развитие агропромышленного комплекса России в условиях санкций: риски, возможности, перспективы» **Александр Петриков** отметил, что необходимо усиление взаимодействия в агропромышленной сфере со странами Евразийского экономического сообщества, потенциальное развитие сельских территорий (население, по наблюдениям ученых, стремится пережить трудные времена в сельской местности) и, наконец, возможности для сохранения объема экспорта.

«Продовольственная инфляция в мире заставила многие страны отказаться от своих планов по предъявлению к своей аграрной экономике повышенных экологических требований и реализации «зеленой повестки», в том числе, в сельском хозяйстве. В этом смысле мы, поставляя высококачественное продовольствие, можем выиграть», — пояснил ученый.

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Института инженерной экономики и гуманитарных наук МАИ **Роман Голов** подвел итоги молодежной конференции МАЭФ на тему: «Социально-экономическое развитие России: адаптация к новой реальности», которая состоялась в Московском авиационном институте.

«Молодежная конференция МАЭФ — значимое событие в молодежной экономической науке. Она состоялась в третий раз. На мероприятие зарегистрировалось больше 550 участников, представляющих свыше 60 высших учебных заведений и научных организаций из столицы, регионов России и зарубежных государств — республики Беларусь, Армении и Сирийской Арабской республики», — рассказал ученый.

О ходе и итогах пленарной конференции «Экономические теории XXI века: потенциал развития и решения практических проблем» (VI Международный политэкономический конгресс), которая прошла в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, рассказал вице-президент ВЭО России, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени Ломоносова **Александр Бузгалин**.

Результаты Московского академического экономического форума имеют практическое значение. Идеи, экспертные предложения, прозвучавшие на МАЭФ, представляются в профильные структуры и органы государственного управления.

Подробнее на сайте Вольного экономического общества России veorus.ru